Л. Н. КОГАН
И. Б. СЕСЮНИНА

ДУХОВНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО:

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

TO
T

I

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ С. М. КИРОВА

Л. Н. КОГАН, И. Б. СЕСЮНИНА

ДУХОВНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Под редакцией доктора философских наук, профессора В. А. Дмитриенко

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1986

Коган Л. Н., Сесюнина И. Б. **Духовное воспроизводство: методологические и социологические проблемы**.— Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. — 168 с. — 1 р. 50 к. 1000 экз. 0302020200.

Монография посвящена исследованию проблемы духовного воспроизводства с точки зрения его методологического и социологического аспектов. Анализируются основные элементы духовного воспроизводства, главными среди них выступают духовное производство и духовное потребление. Рассматриваются основные функции и механизм взаимодействия элементов, процесс воспроизводства духовных ценностей и самого субъекта духовной деятельности.

Для преподавателей, специалистов, занимающихся указанной проблемой, а также для аспирантов и студентов.

Рецензенты: доктор философских наук, профессор К. Н. Любутин,

доктор философских наук, профессор Ю. Р. Вишневский

К $\frac{0302020200}{077(012)-86}$ 5—86

ВВЕДЕНИЕ

В условиях совершенствования развитого социалистического общества внимание исследователей все в большей степени обращается на научную разработку проблем формирования нового человека, личность которого складывается под влиянием всей системы социалистических общественных отношений. Наша страна вступила в новый этап своего экономического развития, главными задачами которого являются переход от экстенсивного к интенсивному развитию экономики. Происходит коренная реконструкция всех отраслей народного хозяйства, их перевооружение на основе современных достижений науки и техники. Выполнение задач коммунистического строительства зависит, в первую очередь, от творческой инициативы советских людей, от их дисциплинированности и организованности, уровня образования и квалификации.

Проблема развития личности каждого советского человека приобретает ныне не только большое политическое и социальное, но и народнохозяйственное значение. В современных условиях наша страна уже имеет реальные возможности приступить к осуществлению программной цели Коммунистической партии — всестороннему, гармоническому развитию каждого труженика.

XXVII съезд КПСС всесторонне обосновал стратегию ускорения социально-экономического развития страны. Это не только значительное повышение темпов экономического роста, но и новое качество этого роста, ибо он связан с перестройской всех сфер нашей общественной жизни. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду говорится: Курс на ускорение

не сводится к преобразованиям в экономической области. Он предусматривает проведение активной социальной политики, последовательное утверждение принципа социальной справедливости. Стратегия ускорения предполагает совершенствование общественных отношений, обновление форм и методов работы политических и идеологических институтов, углубление социалистической демократии, решительное преодоление инерции, застойности и консерватизма — всего, что сдерживает общественный прогресс»[1].

Ускорение ритма всех сфер общественной жизни непосредственно сказывается и на духовном воспроизводстве, на становлении духовного мира личности. Важнейшая особенность социалистического социального воспроизводства состоит в том, что оно делает все возможное, чтобы новое поколение, наша смена «была еще умнее, способнее, образованнее, чтобы она достойно несла в будущее эстафету идеалов справедливости и свободы, завещанных Великим Октябрем»[2]. Этим обеспечивается прогресс духовной жизни нашего общества. Изучение процессов духовного воспроизводства непосредственно связано с утверждением динамизма как образа жизни, нормы бытия советских людей, с утверждением личности человека как главного богатства общества.

Рассматривая общественное производство не только как производство материальных и духовных благ, но и как производство самого человека, классики марксизма-ленинизма понимали под этим не только воспроизводство населения, но и развитие каждого нового поколения. В речи на III Всероссийском съезде комсомола В. И. Ленин говорил об усложнении задач, стоящих перед молодым поколением строителей коммунизма. Сегодня, в условиях зрелого социализма, эти слова звучат особенно актуально. Темпы общественного прогресса, продвижения нашей страны к коммунизму все заметнее зависят от интеллектуального потенциала общества, а следовательно, и от приобщения советских людей к потреблению духовных ценностей.

Духовное воспроизводство при социализме носит активный, деятельный характер, ставит своим конечным

---

[1] Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 21.
[2] Там же, с. 58.

результатом производство «богатого и всестороннего, глубокого во всех его чувствах и восприятиях человека»[3]. Исследование двуединого процесса духовного производства и потребления делает необходимым и глубокое осмысление связанных с ним социальных тенденций, которые должны оцениваться с точки зрения основного критерия — всестороннего, гармонического развития личности, которая была бы всесторонней «и в своем производстве, и в своем потреблении»[4].

К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» отмечали, что история человечества «... есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений»[5]. При этом каждое вступающее в жизнь поколение застает доставшиеся ему от прошлых поколений определенные производительные силы и производственные отношения, определенные условия жизнедеятельности[6]. Оно «с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности»[7]. Таков закон смены поколений, т. е. социального воспроизводства.

Неотъемлемой составной частью воспроизводства всего образа жизни является воспроизводство взглядов, идей, представлений, мировоззрения предыдущих поколений, т. е. духовное воспроизводство. Оно обеспечивает преемственность духовной жизни поколений и в то же время изменение ее, отрицание старых, отживших представлений и идей. Именно таким единством сохранения, преемственности и диалектического отрицания и выступает духовное воспроизводство поколений.

В. И. Ленин рассматривал процесс смены поколений как процесс постепенной переделки общественного сознания на основе постоянной борьбы с мелкособственнической психологией, эгоистическими привычками, как процесс непрерывной борьбы «пролетариев и трудящихся против старого эксплуататорского общества»[8].

---

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд.. т. 46, ч. 1, с. 476.
[4] Там же, с. 281.
[5] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 44.
[6] См.: Там же. с. 37; см.: т. 27, с. 402.
[7] См.: Там же, т. 3, с. 45.
[8] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 312.

Большое внимание вопросам формирования нового поколения уделил XXVII съезд КПСС: «Комсомол помогает партии воспитывать молодежь в духе коммунизма, вовлекать ее в практическое строительство нового общества, в управление государственными и общественными делами, формировать поколение всесторонне развитых людей, готовых к труду и защите Советской Родины»[9]. Именно эту цель преследует осуществление реформы общеобразовательной и профессиональной школы.

В условиях социализма нет и не может быть никакого конфликта поколений «отцов» и «детей». Но в то же время каждое поколение обладает рядом существенных особенностей своего образа жизни, в том числе—и духовного мира. Об этом подробно говорилось на встрече в ЦК КПСС с ветеранами партии 15 августа 1983 г.[10] Каждое новое поколение в чем-то оказывается сильнее предыдущего, знает больше и видит дальше, чем и обеспечивается прогресс развития общества. «Мы боремся лучше, чем наши отцы. Наши дети будут бороться еще лучше, и *они победят*»,—говорил В. И. Ленин[11]. Так в процессе материального и духовного воспроизводства «ткется связь времен», раскрывается преемственность между прошлым, настоящим и будущим.

Но эта преемственность не осуществляется сама собой, автоматически, стихийно; она предполагает повседневную работу партии и государства по коммунистическому воспитанию молодежи, передачи ей лучших традиций рабочего класса, по реализации огромных возможностей общества. На XXVII съезде КПСС отмечалось, что необходимо «развивать трудовую и общественную активность юношей и девушек, формировать у них марксистско-ленинское мировоззрение, политическую и нравственную культуру, сознание исторической ответственности за судьбы социализма и мира»[12].

Социализм обеспечил значительный прогресс всех отраслей социалистического производства. В противоположность капитализму с его «производством для производства», для получения максимальной прибыли, об-

---

[9] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 205.

[10] См.: Всегда в строю! Встреча в ЦК КПСС с ветеранами партии. М., 1983, 48 с.

[11] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 256.

[12] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 162.

щественное производство коммунистической формации имеет одну высокую и благородную цель — повышения материального благосостояния и культурного уровня каждого советского человека. Этой цели служит при социализме и материальное, и духовное производство.

Проблема духовного воспроизводства — сравнительно новая для нашей научной литературы. До последнего времени процессы общественного воспроизводства являлись предметом специального исследования только в трудах экономистов[13]. Однако в последнее время в советском обществоведении наметилась тенденция общесоциологической постановки проблем воспроизводства в жизни общества, при котором оно рассматривается уже «... как специфический процесс производства человеческих сил»[14]. Появился целый ряд работ, посвященных духовному производству, анализ некоторых из них будет дан на страницах этой книги. В какой-то мере затрагиваются проблемы распределения и потребления духовных благ[15]. Однако работ, посвященных духовному воспроизводству как целостному процессу, в нашей литературе еще нет.

Между тем исследование проблем духовного воспроизводства имеет исключительно важное теоретическое и практическое значение. Успешная работа по коммунистическому воспитанию советских людей, развитие потребностей и интересов личности, превращение ее

---

[13] См., например: Иванов Г. П. Непроизводственная сфера и социалистическое воспроизводство. М., 1978, 119 с: Гронкас В. К.
Структура общественного воспроизводства. М., 1983, 183 с.; Проблемы социального воспроизводства. Красноярск, 1982, 150 с.; Соотношение двух подразделений общественного производства. М., 1983, 309 с.

[14] Бородин Е. Т. Производство и воспроизводство непосредственной жизни общества. — Филос. науки, 1976, № 2, с. 45. См. также: Дмитриенко В. А. Очерки по актуальным проблемам исторического материализма. Томск, 1985, с. 147. Толстых В. И. Общественное производство и производство сознания. — Общественные науки, 1981, № 5, с. 114—131; Новикова Л. И. Духовное производство: источники, функции, механизмы. — Там же, с. 131—146; Сиземская И. Н. К вопросу о целостности общественного производства. — Филос. науки, 1983, № 4, с. 36—42 и др.

[15] См.: Бажов Н. М. Диалектика производства и потребления духовных ценностей: Автореф. дис... канд. филос. наук, Свердловск, 1979, 18 с.; Иванько Л. И. Теретические проблемы духовного потребления в социалистическом обществе: Автореф. дис... канд.

в субъект духовного производства, творца духовных ценностей невозможна без углубленного изучения процессов производства, распределения, обмена и потребления духовных ценностей.

Не секрет, что наряду с «вещизмом», с потребительством в сфере материальных благ имеет место и своеобразное «культурное потребительство». Речь идет о покупке «модных» книг, о посещении «модных» концертов, спектаклей, лекций ради того, чтобы казаться культурным, духовно богатым человеком, не будучи им на самом деле. Высокий престиж культуры в развитом социалистическом обществе порождает у определенной части людей стремление возможно более легкими, не требующими особого труда путями «приобщиться» к культуре. Все эти явления глубоко чужды культуре развитого социализма, и для того, чтобы глубже понять сущность подобных явлений, необходимо ясно представлять общие законы духовного воспроизводства.

В. И. Ленин писал: «... кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натыкаться» на эти общие вопросы»[16]. Жизнь показывает, что и в интересующей нас сфере решение частных практических проблем усложняется недостаточной разработанностью именно общих вопросов духовного воспроизводства.

В заголовке книги стоят слова: «Методологические и социологические проблемы». И это не случайно, поскольку именно вопросы методологии выходят в современной науке на первый план. Сейчас особенно актуальны слова К. Маркса о том, что на определенном этапе развития науки методология обнаружения истины имеет самое существенное значение: «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование — это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в ко-

---

филос. наук, Свердловск, 1973, 20 с.; Сесюнина И. Б. Философско-социологический аспект проблемы духовного потребления: Автореф. дис... канд. филос. наук, Свердловск, 1980, 15 с.; Власова Е. В. Проблемы потребления ценностей культуры (анализ «непроизводительного» потребления): Автореф. дис... канд. филос. наук, Свердловск, 1982, 19 с.

[16] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 368.

нечном итоге»[17]. Современное состояние проблем обществоведения ставит своей задачей уточнение, а порой и пересмотр некоторых устоявшихся понятий, и вопросы методологии выдвигаются на первый план, что специально подчеркивалось и в материалах XXVII съезда КПСС.

Выделяя в своей работе методологические и социологические проблемы исследования духовного воспроизводства, авторы не противопоставляют эти подходы к изучению объекта, а следуют в этом традиционному вычленению в составе философского знания диалектического единства онтологии, методологии, гносеологии и логики.

Духовное воспроизводство может стать объектом изучения ряда наук: политической экономии (с точки зрения его связи с материальным воспроизводством), педагогики, искусствознания и т. д. В книге мы отнюдь не пытались рассмотреть все многообразные аспекты изучения этого сложного общественного явления. Мы ограничили свою цель только выяснением общих закономерностей и условий духовного воспроизводства, что и выступает объектом исследования философско-социологического анализа. Эта цель определяет и более конкретные задачи исследования:

1. На основе трудов классиков марксизма-ленинизма рассмотреть диалектическое единство процессов духовного производства и потребления в системе воспроизводства духовных ценностей. Уточнить само понятие «духовное воспроизводство», выяснить его специфику, структуру и функции, отличия от воспроизводства материальных благ.

2. Выделить особенности производства и потребления духовных ценностей, их роль в формировании и развитии человека.

3. Раскрыть сущность «производительного потребления» духовных ценностей как высшего типа духовного потребления, показать его значение для формирования всесторонне развитой личности.

4. Применить эти теоретические положения к анализу одного из видов духовного воспроизводства — искусства. Последняя задача представляется нам необходимой для того, чтобы более наглядно и конкретно выявить функционирование общих законов духовного

---

[17] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 7—8.

воспроизводства на примере одного из его видов. Как самый массовый и доступный вид духовного воспроизводства искусство, по нашему мнению, наиболее подходит для этой цели. XXVII съезд КПСС отметил большой вклад литературы и искусства в обогащение духовной жизни трудящихся, в их комунистическом воспитание[18]. Поэтому анализ роли искусства в духовном воспроизводстве мы считаем особенно важным. Некоторые проблемы духовного воспроизводства, недостаточно освещенные в философской и социологической литературе, ставятся в книге в дискуссионном порядке.

Введение, первая и вторая главы этой книги написаны профессором Л. Н. Коганом, последующие главы и заключение — кандидатом философских наук И. Б. Сесюниной.

---

[18] Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 169.

Глава I

ПРОЦЕСС ДУХОВНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

Анализируя процесс общественного производства, К. Маркс раскрыл принципиальную его противоположность в различных общественных системах. Цель расширенного воспроизводства при капитализме — непрерывное умножение капитала. Человек в этом процессе играет двоякую роль: с одной стороны, он выступает в качестве рабочей силы, осуществляющей процесс производства, с другой — является потребителем произведенных товаров и этим самым умножает богатство капиталиста. В обоих этих случаях человек оказывается средством возрастания капитала, «винтиком» в гигантском механизме стихийного процесса «производства для производства».

Обе эти стороны неразрывно взаимосвязаны, поскольку капитал «*...воспроизводит себя двояким образом: в своей собственной форме и в потреблении рабочего, но последнее лишь в той мере, в какой это потребление воспроизводит рабочего как живую рабочую силу*»[1]. Производительным является при капитализме не то потребление, которое воспроизводит человека как самоцель, а лишь то, которое «... воспроизводит индивидов в качестве рабочей силы»[2].

Цель расширенного воспроизводства при социализме — удовлетворение материальных и духовных потребностей человека и воспроизводство их на новом, более высоком уровне. Этим самым расширенное воспроизводство становится здесь стимулом дальнейшего прогресса

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, часть 2, с. 184.
[2] Там же, с. 184.

и осуществлением этого прогресса[3]. Критикуя буржуазных экономистов, К. Маркс показал, что они не видели в общественном воспроизводстве главного, а именно — *социального опосредования,* «...в результате которого индивид связан со средствами собственного воспроизводства и создает их»[4]. Следовательно, сам процесс воспроизводства может быть понят и научно объяснен только в том случае, если он будет рассматриваться в системе определенных общественных отношений. В коммунистической формации каждый индивид также является одновременно и производителем результатов, и потребителем их. Но, потребляя результаты производства, он воспроизводит не капитал, а себя как человека во всем многообразии и развитии своих социальных сил. Эти важнейшие для теории социалистического воспроизводства положения были сформулированы К. Марксом в его конспекте книги Дж. Милля «Основы политической экономии». Этот конспект относится к первой половине 1844 г., когда создавались известные «Экономическо-философские рукописи 1844 г.». Но если последние многократно изучались и продолжают изучаться в современной марксистской философской литературе, то конспекту книги Милля в этом отношении «не повезло»; его краткий анализ был дан в 1966 г. Н. Джандильдиным[5], и с тех пор почти не встречается в литературе подробный анализ этого очень важного для понимания становления марксизма произведения.

Между тем без внимательного изучения конспекта книги Милля, как и написанных в марте 1845 г. заметок «О книге Фридриха Листа «Национальная система политической экономии», по нашему убеждению, невозможен и научный анализ «Экономическо-философских рукописей 1844 г.». Целый ряд мест этих рукописей фактически комментируются в конспектах Милля и заметках о книге Листа.

При капитализме ценность человека определяется его вещным богатством или стоимостью имеющихся у него предметов. «Следовательно, сам человек у нас представляет для другого человека нечто *лишенное*

---

[3] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 334.
[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, часть 2, с. 105.
[5] См.: Введение к кн.: Новый человек. Алма-Ата, 1966, с. 8—11.

ценности»[6]. Такое производство выступает извращенным, деформированным. Иной характер начинает иметь производство в коммунистической формации, где люди производят, «как люди». Что же означает это подлинно человеческое производство?

Во-первых, каждый индивид в труде опредмечивал бы свою индивидуальность, ее своеобразие и наслаждался бы своим трудом как индивидуальным проявлением жизни. Во-вторых, трудом каждого удовлетворяется человеческая потребность, потребность другого человека. В-третьих, другой человек при этом воспринимался бы как дополнение меня самого. Наконец, в-четвертых, каждый утверждал бы в своем труде свою *общественную сущность*[7]. Только такой труд и является действительно свободным и превращается в наслаждение жизнью. Другими словами, только в процессе такого труда, в его продуктах осуществляется «производство человека для человека как человека»[8]. Не трудно заметить, что такая постановка проблемы нового характера производства в коммунистической формации будет развиваться К. Марксом на всем протяжении его творчества и прежде всего — в «Капитале». Продукция человеческого труда оказывается выражением сущностных сил человека. Мы уже отмечали[9], что в этой работе К. Маркс фактически полемизирует с Л. Фейербахом, показывая, что эти сущностные силы не являются врожденными и неизменными, а представляют собой результат присвоения человеком ансамбля общественных отношений и поэтому выступают как общественные, социальные силы. Надо иметь в виду, что заметки о книге Ф. Листа написаны одновременно со знаменитыми «Тезисами о Фейербахе» (весна 1845 г.). В этих заметках К. Маркс разделяет «природные» и «социальные» силы человека[10]. Он критикует Ф. Листа за то, что вслед за Л. Фейербахом он мистифицирует эти силы, рассматривая их как сверхчувственные самостоятельные духовные сущности, как при-

---

[6] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 35.

[7] См.: Там же, с. 36.

[8] Там же, с. 33.

[9] См.: Коган Л. Н. Социальные силы человека. — Философские науки, 1981, № 6, с. 21—28; Он же. Цель и смысл жизни человека. М., 1984, гл. 1.

[10] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 246.

зрачные, божественные силы. Причина этой мистификации тоже социальна, ибо «буржуа видит в пролетарии не *человека,* а *силу,* способную создавать богатства, такую силу, которую он к тому же еще может сравнивать с другими производительными силами — с животным, с машиной»[11]. Более того, для буржуа, подчеркивает К. Маркс, оказывается, что «... если твоя духовная пустота производительнее, чем твоя всесторонняя духовная деятельность, то твоя духовная пустота является некоей производительной силой»[12]. Эти слова дополняют и конкретизируют общеизвестные положения «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» об отчуждении человека в капиталистическом обществе.

Только в коммунистической формации, прежде всего в процессе производства, осуществляется истинная *общественная* связь людей, которая, по мысли К. Маркса, и представляет собой действительную человеческую сущность[13]. Эти положения находят дальнейшую конкретизацию в «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса, где они отмечают, что «развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении»[14]. Так складывалось известное положение марксизма о том, что в процессе социальной деятельности люди творят друг друга.

Этот пространный анализ был нам необходим, ибо он раскрывает суть процесса воспроизводства при социализме. Здесь впервые в истории классовых обществ в процессе воспроизводства начало осуществляться производство человека как человека и для человека.

Известно, что начиная с «Немецкой идеологии», К. Маркс и Ф. Энгельс четко разделяют производство на материальное и духовное, понимая под последним производство «...идей, представлений, сознания»[15]. И материальное, и духовное производство при социализме творят человека, который выступает их целью. При этом и то и другое развивают и обогащают со-

---

[11] Там же, с. 250.

[12] Там же, с. 249.

[13] См.: Там же, с. 23.

[14] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 440; См.: Там же, с. 36.

[15] Там же, с. 24.

циальные силы человека — его потребности, способности, знания, умения и навыки. Все социалистическое производство в целом развивает производительные, социально-политические и духовные силы людей. Создавая необходимые для жизнедеятельности ценности и блага, оно вместе с тем творит и самого человека. А что такое формирование и развитие социальных (сущностных) сил человека? Этот процесс и его результат и есть тот социальный феномен, который мы и называем культурой.

При этом различие материального и духовного производства в аспекте их культурной, человекотворческой функции состоит отнюдь не в том, что в ходе материального производства формируются производительные силы человека, а в ходе духовного — социально-политические и духовные. По мере развития социалистического материального производства, сближения в нем физического и умственного труда, материальное производство оказывает все растущее влияние на духовный мир человека, способствует развитию его способностей, знаний, навыков и умений. В этом огромное культурное значение материального производства, которое в условиях социализма не только обеспечивает физическое существование человека, но и его культурное развитие.

Однако в отличие от духовного производства главное назначение производства материальных благ функционально: оно осуществляется для того, чтобы обеспечить общество пищей, одеждой, жилищем, всем, что необходимо для всесторонней социальной жизнедеятельности. Этим самым оно создает условия для самого существования и функционирования духовного производства. Что же касается последнего, то у него нет иной функциональной цели, чем развитие человека, его всестороннее обогащение; это производство духовного богатства человека. Говоря о духовном развитии индивидов в ходе их взаимоотношений, К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что оно есть не что иное, как создание и обновление их духовного богатства [16].

Таким образом, культурное развитие человека при социализме и коммунизме осуществляется в ходе всего производства — материального и духовного, однако духовное производство представляет собой социальный

[16] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, часть II, с. 222.

институт, специально (функционально) предназначенный для развития духовного богатства человека. Процесс общественного производства в коммунистической формации есть не что иное, как взаимодействие индивидов, где каждый создает общественный продукт для другого, видя в этом другом человеке цель своего труда. В полной мере это осуществится на высшей фазе коммунизма, где будет осуществлен переход к непосредственному общественному труду, а товарное производство сменится непосредственным продуктообменом и каждый индивид независимо от своего трудового вклада сможет полностью удовлетворять свои разумные потребности.

Этим самым и материальное, и духовное производство, взятые в своем человекотворческом, культурном аспекте, в коммунистической формации становятся непосредственным обменом сущностными (социальными) силами между всеми членами общества. Становление такого производства осуществляется и при социализме, хотя на этой фазе коммунистической формации труд далеко еще не для всех членов общества стал их свободной самодеятельностью, первой жизненной потребностью, наслаждением и основным проявлением жизни. В духовном производстве этот обмен социальными силами становится особенно рельефным. Дело в том, что в материальном производстве взаимодействие людей, их влияние друг на друга опосредованы вещью. Именно это и подчеркивал К. Маркс, утверждая, что «единственно понятный язык, на котором мы говорим друг с другом,— это наши предметы в их отношениях друг к другу» [17].

В материальном производстве человек воздействует на другого человека через вещь, обогащает его духовный мир, например, через эстетические качества созданных вещей. Удовлетворяя свою потребность, например в одежде, потребитель будет получать от вещи и эстетическое наслаждение. Однако продукты материального производства (одежда в нашем примере) создаются для удовлетворения материальной, утилитарной потребности человека и лишь наряду с этим в той или иной мере влияют на формирование его эстетических вкусов. Другое дело — стихи, спектакль или картина,

[17] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 35.

которые специально создаются для обогащения духовного мира человека, прежде всего для его эстетического развития [18].

Что же касается целого ряда видов духовного производства, где продукт не может быть отделен от человека и опредмечен в его деятельности (игра артиста, работа учителя, речь оратора и т. д.), то здесь между субъектом духовного производства и его потребителем не стоит никакой предмет и существует непосредственная живая связь (мы не имеем, конечно, в виду репродуцирования этой деятельности в видеозаписи или в передачах радио и телевидения).

Бесспорно, что продукт материального производства не может столь же широко, как продукт духовного производства, воздействовать на различные виды сознания людей, нести политическую, научную, художественную, нравственную и т. д. информацию. Взаимодействие людей, их обмен социальными силами в процессе духовного производства имеет ряд различных аспектов:

1. В духовном производстве разделение его субъекта и объекта всегда относительно. Предположим, ученый-химик, являясь субъектом духовного производства в данной науке, выступает его объектом по отношению к ученым-астрономам, историкам, филологам, философам и т. д., а тем более — по отношению к творчеству художника, писателя, композитора и т. д. Здесь в различных связях субъект и объект непрерывно меняются местами; «в таком случае каждый из нас в процессе своего производства *двояким образом* утверждал бы и самого себя и другого» [19]. Иначе говоря, процесс духовного производства представляет собой всеобщую универсальную взаимосвязь.

2. В этой универсальной взаимосвязи каждый ее участник дополняет своей творческой деятельностью творчество другого, осуществляя этим самым общий прогресс культуры.

3. Человек творит не только в процессе производства своего продукта, но и в процессе потребления продуктов, произведенных другими, ибо сам процесс духовного потребления оказывается сотворчеством по отно-

---

18 См.: Культурная деятельность. Опыт социологического исследования. М., 1981, гл. 1.

19 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 35—36.

шению к автору продуктов духовного производства, которые потребляются каждым.

4. Осваивая продукты духовного производства, созданные другими, человек оценивает их, в той или иной степени принимает или не принимает их, причем эта оценка, как и оценки других людей, влияет на сам субъект духовного производства.

5. Нормальное функционирование духовного производства всегда есть расширенное воспроизводство. Это проявляется не только и не столько в умножении количества продуктов духовного производства, находящихся в обращении, сколько в том, что освоение этих продуктов настолько обогащает человека, что он в результате каждого акта духовного потребления развивает свою личность.

Конечно, такая универсальная взаимосвязь, такой обмен социальными силами людей проявляются в полной мере только при социализме и коммунизме, ибо в условиях господства частной собственности сам процесс духовного производства и потребления выступает как процесс манипулирования людьми, навязывания им определенных взглядов, ориентаций и норм поведения. Каков же механизм этой всеобщей универсальной взаимосвязи, этого обмена социальными силами?

Интересную попытку раскрыть цикл распространения культуры предпринял известный французский культуролог Абраам Моль[20]. Он обстоятельно показал, что путь от создателя духовной ценности к ее потребителям весьма сложен и предполагает несколько этапов, подробно исследованных автором. А. Моль раскрыл специфические особенности этих циклов для изобразительных искусств, музыки, печати, распространения знаний, для устной речи и театра. В советской литературе процесс культурной коммуникации впервые был подробно проанализирован В. А. Коневым (применительно к искусству), который построил это исследование на основе большого и разнообразного фактического материала[21].

Опираясь на эти работы, попробуем воссоздать цикл расширенного духовного воспроизводства. При этом мы будем исходить именно из цикличности духов-

---

[20] См.: Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973, 406 с.

[21] См.: Конев В. А. Социальное бытие искусства. Саратов, 1975, 188 с.

ного производства, поскольку и для него справедлива общая закономерность, сформулированная К. Марксом в «Капитале»: «Какова бы ни была общественная форма процесса производства, он во всяком случае должен быть непрерывным, т. е. должен периодически все снова и снова проходить одни и те же стадии»[22].

В своем анализе мы будем исходить из понимания каждой такой стадии (цикла) как субъектно-объектных отношений, причем «отношение субъекта к объекту внутри общества, иными словами, взаимодействие социальных субъектов в конечном счете есть практическое, т. е. материальное целенаправленное действие, будь то действие в базисной или надстроечной сферах»[23]. При этом не следует забывать, что субъект духовного производства в одном цикле, в одной культурной коммуникации, выступает в другом цикле, в другой коммуникации, уже как объект.

Духовное воспроизводство представляет собой вид духовно-практической деятельности, преобразующей мир не реально, а идеально. Однако если сами по себе идеи не могут изменить объективной реальности (для этого нужна уже материально-практическая деятельность), то в то же время никакое материальное преобразование мира невозможно без его идеального плана. «В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально»[24]. Вместе с тем духовное производство создает и пересоздает не только идеальные планы отдельных материальных производственных процессов. Оно в первую очередь преобразует сознание человека как целое, общественное и индивидуальное сознание. Преобразование же сознания человека и ведет к изменению типа его личности.

Задача духовно-практической деятельности в первую очередь есть преобразование самого человека, его воспитание и развитие. Простейший случай культурной коммуникации — диалог двух людей. В истории культуры диалогу принадлежит весьма почетная роль, осо-

---

22 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 578.

23 Любутин К. Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. М., 1981, с. 183.

24 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 189.

бенно в культуре античности и эпохи Возрождения. Исследователь итальянского Возрождения Л. М. Баткин пишет: «... итальянский диалог XV в.— и произведение культуры, и ее творческий принцип, и способ передачи некоторого содержания, и—прежде всего!—*способ создания* содержания»[25], т. е. способ духовного производства. В диалоге непрерывно меняются местами субъект и объект, цикл его короток и сменяется вместе со сменой говорящего (или пишущего), здесь же одновременно уточняется позиция каждого участника диалога, сталкиваются мнения и выявляется истина. Не случайно форму диалога избирают для своих философских сочинений и Сократ, и Платон, и Д. Бруно, и Т. Мор и др. В диалоге субъект и объект, производитель и потребитель, непрерывно меняясь местами, не нуждаются в каких-либо посредствующих звеньях. Здесь продуктом духовного производства является совместно достигаемая истина—выяснение или уточнение какого-либо вопроса. Однако при всем его значении для культуры диалог имеет весьма локальный характер, выступая общением двух людей. Широкое распространение культуры на этой основе невозможно. Как правило, в процессе духовного воспроизводства люди разделены в пространстве, во времени, а чаще — и в пространстве, и во времени. Здесь диалог уже невозможен или затруднен. В таком случае основой культурной коммуникации выступает произведение (продукт духовного производства, в котором опредмечены те идеи, представления, мысли, знания, опыт, чувства, которые субъект духовного производства стремится передать другим людям).

Идея, пока она находится в голове своего создателя и никоим образом не опредмечена в материале, в знаковых системах того или иного языка, не может быть передана другим и являться тем самым фактом культуры. Произведение чаще всего отчуждается от своего создателя и начинает «самостоятельную» жизнь. В ряде областей культуры в качестве произведения выступает сама деятельность. Мы имеем в виду лекцию или урок учителя, игру музыканта-исполнителя или актера, деятельность врача и т. д. Здесь продукт деятельности уже не может быть отчужден от человека и сливается с актом его деятельности. Но в обоих случаях

[25] Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978, с. 130.

произведение оказывается посредником в отношениях между производителем и потребителем духовных ценностей. Важно подчеркнуть, что цель духовного производства — отнюдь не само создание продукта (произведения). Произведение в концентрированном виде передает мысли и чувства творца духовных ценностей людям, а главная цель духовного производства — формирование определенного типа человеческой личности, *«обработка людей людьми»*[26]. В том-то и состоит значение духовного воспроизводства, что здесь особенно ярко и непосредственно в самом акте воспроизводства «... изменяются и сами производители, вырабатывая в себе новые качества, развивая и преобразовывая самих себя благодаря производству, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык»[27]. Следовательно, в процессе духовного воспроизводства изменяются оба полюса — и производитель, и потребитель, конечно, не в равной мере. Однако здесь постоянно имеет место взаимодействие, обмен социальными силами.

Итак, первичными элементами духовного воспроизводства выступают: а) субъект духовного производства. (В данном случае совершенно не важно, имеем ли мы дело с индивидуальным автором или с коллективом людей, создающих культурную ценность, например театральный спектакль.); б) созданное им произведение; в) потребитель этого произведения.

Дальнейшее исследование духовного воспроизводства должно базироваться на методологических принципах авторов «Немецкой идеологии», ставивших задачу «изобразить весь процесс в целом (а потому также и взаимодействие между его различными сторонами)»[28].

Подчиняясь общим законам общественного производства, духовное воспроизводство проходит все основные стадии процесса — производство, обмен, распределение и потребление его идеальных продуктов. Отсюда следующей после производства стадией выступает обмен духовными ценностями благодаря их распределению. Здесь, на этом этапе мы сталкиваемся уже со зна-

---

[26] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 35 (примечание).

[27] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, часть 1, с. 483—484.

[28] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 37.

чительным своеобразием процесса духовного воспроизводства. Дело в том, что в отличие от материального производства любое творение духовного производства уникально и неповторимо. Это верно не только для искусства, но и для философии, науки и других видов духовного производства. Нельзя создать второго «Евгения Онегина» или «Кармен», неповторимо исполнение музыкального произведения не только каждым выдающимся пианистом, но и одним и тем же пианистом на разных концертах. Перефразируя слова Гераклита, можно с определенным основанием сказать, что один концерт (спектакль) нельзя посетить дважды. Этим и объясняется бессмертие духовных ценностей, которые намного переживают создавшие их эпохи[29]. Отсюда вытекает значительная сложность удовлетворения потребностей миллионов и десятков миллионов в уникальных ценностях духовной культуры.

Эта проблема фактически не стоит перед буржуазной культурой. Здесь подлинные духовные ценности имеют «элитарный» характер, принадлежат к доступной лишь «верхним десяти тысячам» (В. И. Ленин) «элитарной культуре». Массам же отводится роль пассивных потребителей суррогатов «массовой культуры». Но в социалистическом обществе, как говорил В. И. Ленин, рабочие и крестьяне «... получили право на настоящее великое искусство»[30], т. е. на приобщение ко всем его величайшим уникальным ценностям. Это относится и к другим видам духовной культуры. Как же добиться посещения сотней миллионов людей спектакля в Большом театре или во МХАТе, как познакомить их с ценностями Эрмитажа или Русского музея, как посетить им лекции выдающихся ученых страны?

Вот почему духовное воспроизводство для распространения своих произведений создает специальные институты, осуществляющие тиражирование, репродуцирование, отбор, сохранение и распространение ценностей духовного производства.

Каналы распространения духовных ценностей сами по себе нейтральны. Однако духовная ценность отнюдь не обладает свойством социальной нейтральности. Кро-

---

29 См.: Ким М. П. Проблемы развития социалистической культуры. — В кн.: Культура развитого социализма: Некоторые вопросы теории и истории. М., 1978, с. 17.

30 В. И. Ленин о культуре. М., 1980, с. 301.

ме того, в классово-антагонистическом обществе правящий класс с социальных позиций контролирует процесс распространения продуктов духовного производства. Включенность этих моментов в систему общественных отношений обусловливает существование особых идеологических «фильтров» на пути движения духовных ценностей к потребителю. Эти каналы подчинены различным социальным институтам, которые способны повышать ценность одной идеи, обесценивать другую, т. е. целенаправленно влиять на потребителей.

На уровень и структуру духовного потребления оказывает огромное влияние институт «посредников», которые не создают, а лишь контролируют процесс производства и, в еще большей степени, процесс потребления духовных ценностей (например, антрепренеры, продюсеры, менеджеры, капиталистические фирмы и т. д.). Этот социальный институт осуществляет классово обусловленную политику господствующего класса.

Включенность процесса потребления в систему общественных отношений создает принципиальные, качественные различия в деятельности идеологических «фильтров» в различных социальных системах.

Империализм вынужден создавать целую систему идеологических мифов, затуманивающих подлинный смысл его намерений. В современных условиях буржуазия склонна маскировать свое действительное влияние на духовное производство и потребление, выдвигая тезис лишь о коммерческой заинтересованности в его результатах. Этой иллюзии оказался подвержен и известный исследователь западной культуры и средств ее распространения А. Моль. Говоря о «группах давления», осуществляющих контроль в сфере духовного воспроизводства, он считает их во многом людьми «доброй воли», утверждая, что цель их деятельности имеет только «экономический характер», признает влияние критики, салонов, журналов по искусству на потребителей, но считает его малосущественным. Но все же и А. Моль вынужден признать, что произведение должно отвечать определенным социальным требованиям, чтобы попасть в каналы информации, доступные всему обществу[31].

Эти социальные институты выступают неотъемлемой

[31] См.: Моль А. Социодинамика культуры, с. 101; См.: Борев В. Ю., Коваленко А. В. Культура и массовая коммуникация. М., 1986, с. 49.

частью системы духовного воспроизводства. Функции их состоят в следующем:

1. Отбор на основе классового подхода именно тех произведений, которые в наибольшей мере соответствуют интересам данного класса. При этом из огромного количества произведений в данном виде духовного производства они стремятся выделить те, которые наиболее соответствуют «социальному заказу» потребителей, их культурному уровню. Подчиняясь классовым интересам, они включают в процесс потребления духовные ценности прошлых эпох, соответствующим образом интерпретируя их.

2. Определение количественного объема духовных ценностей, поступающих в сферу потребления.

3. Осуществление необходимых затрат на тиражирование и репродуцирование произведений, предоставление необходимых материальных (в том числе технических) средств для их распространения (залы, сцены, типографии, кинотеатры и т. д.). В капиталистическом обществе они способствуют получению максимальной прибыли от потребления духовных ценностей. То есть в антагонистическом классовом обществе эти учреждения имеют ярко выраженный антидемократический идеологический характер.

В социалистическом обществе впервые в истории человечества эти институты приобретают подлинно народный характер. Они облегчают освоение массами высокоидейных и ценных в культурном отношении произведений. Они выполняют функции охраны интересов трудящихся, последовательного проведения в жизнь политики партии, заботы о чистоте марксистско-ленинской идеологии. На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечено, что партийные организации должны активно влиять на идейную направленность деятельности театров и киностудий, литературных объединений, журналов и издательств, более серьезно подходить к воспитанию кадров, создавать условия для эффективной работы как признанных мастеров, так и творческой молодежи, помогать им овладевать теорией марксизма-ленинизма, оттачивать свое профессиональное мастерство[32]. Эти задачи стоят перед всеми институтами распространения духовной культуры. К их чис-

[32] См.: Материалы Пленума ЦК КПСС. 14—15 июня 1983 г., с. 49.

лу относятся редакции, издательства, театры, киностудии, филармонии, научные и художественные советы и коллегии, творческие союзы, тиражные комиссии и т. д. Эти учреждения нельзя смешивать с техническими каналами и обслуживающими их учреждениями, которые практически осуществляют распространение (тиражирование, репродуцирование) и организацию потребления произведений (например, кинотеатры). В странах социализма эти учреждения являются либо государственными, либо находятся в ведении общественных организаций. В капиталистическом мире их функции выполняют продюсеры, антрепренеры, частные фирмы, всецело стоящие на страже интересов крупного капитала.

Отобранные социальными институтами распространения духовных ценностей произведения поступают в соответствующий канал. Последний включает в себя типографии, фабрики грамзаписи, киностудии, гастрольные бюро, сеть радио- и телестудий и т. д. Подчас социальный «фильтр» и канал существуют в одном социальном институте. Например, театр или киностудия силами соответствующих отделов или редакций отбирают пьесы и сценарии и создают на их основе спектакли или фильмы. Чаще эти социальные институты существуют раздельно. Так, в СССР, например, комитеты телевидения и радиовещания и теле- и радиостудии находятся даже в разном ведомственном подчинении (соответственно Гостелерадио и Министерства связи). Издательства размещают отобранные и отредактированные рукописи в различные типографии и т. д.

В условиях социализма отбор и распространение духовных ценностей происходит с целью формирования социалистического типа личности. Для сферы духовного потребления отбираются продукты духовного производства как современности, так и прошлых эпох, во всем многообразии раскрывающие богатства всей человеческой культуры, не ограниченные сословными, религиозными, социальными и другими границами, кроме единственной — интересов народа, верности идеалам строительства коммунизма.

В системе взаимодействия между творцами духовных ценностей и публикой в процессе духовного потребления роль связующего звена выполняет к р и т и к а. Она влияет на формирование общественного мнения вокруг духовных ценностей, вовлеченных в сферу пот-

ребления. Она служит своеобразной призмой восприятия, подготавливает аудиторию к пониманию новых явлений в сфере культуры, направляет социальные ориентации людей.

По мере разграничения сфер социальной деятельности (политической, научной, художественной и т. д.) в каждой из них критика проявлялась специфически: в науке она дает оценку результатов творческого труда, формирует отношение к новым теориям и научным открытиям, однако критика в этой сфере носит вспомогательный характер, поскольку достижения науки преимущественно обращены к кругу специалистов. В религии критика проявлялась также по-разному: в виде «ересей», религиозных движений, и способствовала модернизации церковных постулатов и т. д. В сфере художественной деятельности критика выделяется в особую область, которая в определенной мере направляет и организует потребление художественных ценностей, осуществляет воздействие на процесс «перевода» их в реальное, поведенческое состояние потребления — в стандарты художественного потребления.

Партия придает большое значение художественной критике как в развитии литературы и искусства, так и в коммунистическом воспитании масс. В постановлении июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС указывается: «Главным методом влияния на художественное творчество должна быть марксистско-ленинская критика — активная, чуткая, внимательная к творческому поиску. Вместе с тем ее долг — давать четкую партийную оценку работам, в которых высказываются чуждые нашему обществу, нашей идеологии взгляды, допускаются отступления от исторической правды. Критика не может снисходительно относиться к художественно слабым, серым произведениям»[33].

По словам А. Я. Зися, в идеале критическое суждение имеет два адресата: самого художника и потребителя его искусства. Перекос как в одну, так и в другую сторону ведет к снижению эффективности критического исследования. Критика вводит произведение в социокультурный, художественный контекст эпохи. В XIX в. критика, обращенная преимущественно к потреблению художественной продукции, носила чаще всего дидакти-

---

[33] Там же, с. 76.

ческий и просветительский характер. В течение XIX в. как бы проигрывались разные варианты в подходе к задачам и проблемам критики. Каждая из них по-своему расширяла горизонты художественной критики и добавляла новый штрих к представлениям о ее природе[34]. На уровне обыденного сознания критика существует как реакция субъекта потребления на определенные законы, обычаи и традиции данного общества (например, осуждение некоторых моральных норм и т.д.).

Состояние духовного производства каждой эпохи диалектически противоречиво, в нем идет борьба между новым и старым, прогрессивным и реакционным. Необходимой стороной духовной жизни общества, методом раскрытия внутренних противоречий его развития и является критика. В механизме духовного потребления она выполняет роль «связующего звена» по отношению к духовному производству и влияет на творца духовных ценностей и его продукт, в определенной мере на институт посредников, а также непосредственно и на потребителей. Критика оценивает адекватность созданных духовных ценностей требованиям формирования определенного типа личности и в этом отношении проявляет свой ярко выраженный классовый характер. Основной функцией критики в капиталистическом обществе является участие в духовном воспроизводстве и укреплении капиталистических общественных отношений.

В «социокибернетических» схемах функционирования духовных ценностей в обществе (наиболее ярко это представлено в книге А. Моля «Социодинамика культуры») критика не выделяется из общего «общественного мнения». Ее воздействие весьма слабо, считает автор, потому что перед нами такая система выражения идей, которая «подавлена» в эстетическом плане[35]. Однако в действительности «подавление» осуществляется в плане социальном, поскольку критика, социалистическая и демократическая, в капиталистическом обществе действует вопреки и в противовес критике буржуазной. Положение В. И. Ленина о «двух культурах» в каждой национальной культуре антагонистической

---

34 См.: Зись А. Я. Эстетика: идеология и методология. М., 1984, с. 64.

35 См.: Моль А. Указ. раб., с. 257.

формации полностью применимо и к критике. В то же время, по свидетельству западногерманского критика Г. Арнольда, критика (имеется в виду буржуазная критика) «опускается до уровня одной из тех областей культурной индустрии, которая все меньше вызывает интерес и все больше редуцируется»[36]. В условиях классового общества она не может быть «свободной» и «независимой». В буржуазном обществе «свобода» критики существует как ее замаскированная зависимость от воли господствующего класса.

Критик, имея дело с подлежащим оценке произведением духовного производства, связан фактически со всеми элементами системы духовного воспроизводства. Он публично обращается (через прессу) к потребителю духовных ценностей, рекомендуя ему те или иные произведения и отвергая другие. Этим самым критик играет заметную роль в формировании общественного мнения о данных произведениях. Публика — главный адресат критических выступлений. Но одновременно критик всегда имеет в виду и автора. Он ставит цель помочь автору увидеть недостатки своего произведения, имеющиеся ошибки, неточности, слабо аргументированные положения и т. п. Этим самым он предостерегает автора от возможного повторения и усугубления этих ошибок в будущих произведениях. Наконец, критик связан и с социальными институтами распространения произведений: путем закрытых рецензий он участвует в их отборе, а в публичных выступлениях после выхода произведения в свет он высказывает претензии к качеству редактирования или даже к принципам отбора распространяемых произведений.

Постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» (1972 г.) и «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства» (1982 г.), а также июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС оказали большое влияние не только на состояние и развитие советской критики, ее роли в литературно-художественном процессе, но и раскрыли ее место в системе научного знания в литературоведении и искусствознании. Принципы партийности, народности, коммунистическая идейность как главный и решающий критерий критической

---

[36] Arhold H. L. Brauchen wir noch die Literatur? — Bertellsmann Universitäts Verlag, 1972, S. 36.

оценки получили в этих партийных документах свое дальнейшее обоснование и развитие.

Без критики эффективное функционирование духовного воспроизводства было бы невозможным, поскольку не только критика влияет на другие элементы системы воспроизводства, но и они, в свою очередь, влияют на творчество критика. Не случайно, например, критик часто стремится говорить не от своего личного имени, а от имени публики. Духовное потребление, заканчивая один цикл духовного воспроизводства, вместе с тем начинает новый, но, как мы увидим, в этом новом цикле и субъект и объект духовного воспроизводства уже в чем-то изменились: под влиянием самого произведения (а отчасти критики) меняется потребитель, а создатели духовных ценностей не могут не учитывать реакцию публики, социальных институтов и критики при создании новых произведений. Появляются и удовлетворяются новые потребности и запросы. Так осуществляется процесс расширенного воспроизводства духовных ценностей.

Духовные ценности и возникающие по поводу их отношения в сфере производства, распределения, обмена и потребления служат средством для достижения основной человекотворческой цели духовного воспроизводства. Его расширенному характеру соответствует и развивающаяся сфера духовного освоения мира, совершенствование сущностных сил человека. Это уже не просто количественное увеличение объема духовных ценностей, а качественное преобразование посредством их структуры личности, все более полное раскрытие способностей человека.

Расширенное духовное воспроизводство создает не только духовные ценности, но и осуществляет во все возрастающих масштабах «производство общественных индивидуумов» (К. Маркс) и их отношений. Это происходит в силу того, что для воспроизводства личности предназначены не только вновь созданные духовные ценности, но и определенная часть произведенных ранее, предварительно «отобранных» правящим классом и отражающих социальный опыт предшествующих поколений.

Расширенный характер духовного воспроизводства обусловлен и тем, что все члены общества в той или иной степени включены в процесс духовного потребле-

ния, при этом «индивидуум производит предмет и через его потребление возвращается опять к самому себе, но уже как производящий и воспроизводящий себя самого индивидуум»[37]. Воздействуя на сферу сознания, выводя его на качественно новый уровень, духовное производство, таким образом, способствует подготовке индивида к включению в новые, более сложные отношения материального и духовного производства.

Выделив некоторые элементы духовного воспроизводства и соотнеся их с реальными процессами жизнедеятельности общества, можно дать его определение применительно к задачам нашей работы.

Духовное воспроизводство — система общественных отношений, направленная на использование и продуцирование духовных ценностей и призванная целенаправленно осуществлять формирование определенного типа человеческой личности в интересах того или иного класса. Этот процесс осуществляется через воспроизводство условий, средств и целей в рамках определенной общественно-экономической формации. Воспроизводство условий происходит в результате соотнесенности объективного хода общественно-исторического процесса с реальными потребностями и интересами господствующего класса. Воспроизводство средств процесса духовного воспроизводства осуществляется посредством вовлечения в его процесс духовных ценностей; воспроизводство его целей реализуется через взаимосвязь духовного производства и потребления, которая корректирует эти цели применительно к изменяющимся историческим условиям. Расширенное духовное воспроизводство в общем виде можно представить как воспроизводство духовных ценностей, воспроизводство определенного типа личности и воспроизводство социальных отношений в духовной жизнедеятельности общества.

Под типом личности в марксистско-ленинской философии принято понимать обобщенный образ, совокупность определенных черт, свойств, интересов людей, отражающих объективные условия жизни общества и прежде всего — особенность способа производства материальных благ, классовой структуры, общественного

---

[37] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 720.

сознания. Формированию определенного типа личности и служит воспроизводство условий, средств и целей системы духовного воспроизводства.

Однако воплощенное в духовных ценностях идеальное богатство есть совокупность многих свойств и поэтому может быть полезно различными своими аспектами[38]. С другой стороны, способности и возможности личности также универсальны по своей природе, и любое проявление ее жизни является по сути моментом целостности, реализуемой в процессе раскрытия человеческих сущностных сил. Возможность соединения многообразных способностей субъекта духовной деятельности с многозначностью духовных ценностей в целях формирования богатой индивидуальности детерминировано социальными условиями, поскольку «личность обусловлена и определена вполне конкретными классовыми отношениями»[39].

История духовного воспроизводства соотносится с историей формирования определенного типа личности в пределах определенной классовой границы ее развития. Поэтому «практически (прежде всего в силу причин социально-классового характера) самоутверждение личности оказывается выбором и использованием лишь некоторых возможностей»[40]. И только в условиях коммунистического бесклассового общества духовное воспроизводство сможет обеспечить развитие у личности «всех человеческих сил как таковых; безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу»[41].

---

[38] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 43.

[39] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 77.

[40] Кемеров В. Е. Проблема личности: методология исследования и жизненный смысл. М., 1977, с. 149.

[41] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 476.

Глава II

О СУЩНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

Формы общественного сознания в том виде, как они закреплены в науке, морали, искусстве и т. д., как социальные феномены, занимающие определенное место в системе общественных отношений, могут быть рассмотрены и через категорию «духовное производство». В этой категории общественное сознание выступает «не только и не столько со стороны гносеологической, но прежде всего со стороны социальной, т. е. со стороны его производства людьми, вступающими в общественные (идеологические) отношения». Идейное содержание мыслей, понятий, представлений, вообще общественного сознания, таким образом, выводится «... из определенной системы духовного производства, которое, в свою очередь, обусловлено отношениями материального производства»[1].

Социологический аспект, вскрывая социогенез идей, зависимость их от социально-классовой структуры общества, выявляет наиболее важные звенья единого процесса производства, распределения, обмена и потребления идеального, объективированного в духовных ценностях[2]. Продукт духовного производства, вступая в акт взаимодействия с субъектом, приобретает функциональное содержание, что соответствует осуществлению воплощенной в нем цели, идеи, смыслу, заданному в процессе производства. Основной функцией процесса

[1] Межуев В. М. О понятии культуры. — В кн.: Коммунизм и культура, М., 1966, с. 25.

[2] См.: Сиземская И. Н. Диалектика материального и духовного производства. М., 1978, с. 15.

духовного производства является «производство идей». Идеи, нормы, ценности, созданные в этом процессе, функционируя в системе всего духовного воспроизводства, осуществляют «производство общественных индивидуумов», их определенного социального типа; продукт духовного потребления «есть сам потребитель»[3].

Как известно, до недавнего времени само понятие «производство» трактовалось однозначно — лишь как материальное производство, основные законы которого изучались преимущественно экономической наукой. Между тем в трудах основоположников марксистской философии производство рассматривалось как *общесоциологическая* категория, включающая наряду с материальным и духовное производство. Люди производят не только необходимые для своего существования материальные блага, но и «...являются производителями своих представлений, идей и т. д.»[4] Эти продукты духовного производства проявляются, опредмечиваются «...в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д. того или другого народа»[5].

Если первоначально духовное производство было непосредственно «вплетено» в материальную деятельность и материальное общение, то в ходе исторического развития, с углублением общественного разделения труда оно конституируется как особый, самостоятельный вид совокупного общественного производства. Конечно, духовное производство каждой эпохи имеет свои конкретные особенности, зависящие от господствующих общественных отношений. Однако если мы не выделим общие его признаки и закономерности, то окажется невозможным научный анализ логики его развития, его взаимосвязи как с материальным производством, так и с целым рядом категорий, раскрывающих духовную жизнь общества.

Являясь неотъемлемой частью *общественного производства*, духовное производство стоит в ряду категорий духовного воспроизводства и неразрывно связано с соответствующим распределением и потреблением. В то же время, выступая производством идей, представлений, сознания, оно имеет непосредственную связь с духовной жизнью, духовной культурой и обществен-

---

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 195.
[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 24.
[5] Там же, с. 24.

ным сознанием. Очевидно, анализ духовного производства окажется односторонним и неполным, если мы ограничимся выяснением его места в одном из этих рядов категорий, абстрагируясь от другого. Категории производства и потребления в равной мере применимы как к материальному, так и к духовному производству и потреблению, они имеют общесоциологический характер и отражают формы бытия, условия существования, отдельные стороны определенного общества, на что указывал К. Маркс[6].

Проблемы духовного производства, несмотря на их огромную теоретическую важность, лишь недавно обратили на себя внимание ученых, и долгое время даже в работах, специально касающихся духовного производства, отсутствовало определение этого понятия. По справедливому замечанию В. И. Толстых, «большинство учебников по политэкономии, историческому материализму, научному коммунизму по сей день обходятся без понятия «духовное производство» при характеристике духовной деятельности и продукции духовного творчества»[7].

В последнее время положение несколько изменилось. Проблемам духовного производства посвящен ряд серьезных исследовательских работ[8]. Однако до сих пор единство в понимании этой категории еще не достигнуто. Даже в одной коллективной монографии «Духовное производство. Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности» авторы разных глав высказывают весьма противоречивые суждения по самым коренным проблемам духовного производства.

---

[6] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 732.

[7] Толстых В. И. Социально-философские проблемы теории общественного производства. — Вопросы философии, 1982, № 4, с. 43.

[8] См., напр.: Духовное производство: Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. М., 1981, 251 с.; Духовное производство и личность. Л., 1981; Кочергин А. Н., Семенов Е. В., Семенова Н. Н. Наука как вид духовного производства. Новосибирск, 1981, 135 с.; Грузнов В. И. К сравнительному анализу социалистического и капиталистического типов духовного производства; Козловский В. В. Духовное производство и развитие форм социальной активности трудящихся масс; Федорович В. А. Логико-методологический анализ духовного производства развитого социализма. — В кн.: Совершенствование и развитие духовных основ социалистического образа жизни. Сыктывкар, 1983, с. 80—106, 66—80.

Так, например, В. М. Межуев относит к духовному производству лишь ту часть «производства сознания», «...которая осуществляется особыми группами людей, специально занятыми духовным трудом»[9], идеологическими слоями общества. С такой точкой зрения трудно согласиться. Разве творцы народной культуры, создатели замечательных фольклорных произведений не производили новые идеи, не обогащали общественное сознание народных масс? Разве ныне в условиях зрелого социализма миллионы участников народной самодеятельности не обогащают сознание советского народа? Мы согласны с мнением Л. И. Новиковой, которая относит их творческую деятельность к духовному производству[10]. Нет единства у авторов монографии и по вопросу о функциях духовного производства[11]. Такие противоречия свидетельствуют об отсутствии достаточной ясности по самым коренным проблемам этого вида общественного производства. Мы, естественно, не можем претендовать на исчерпывающее освещение этой сложной проблемы, а изложенные ниже взгляды являются лишь попыткой принять участие в дискуссии.

Мы считаем необходимым отличать духовное производство как сферу общественного производства в целом, смысл и направленность которой состоит в производстве общественного сознания, от производства конкретных духовных продуктов. Последние представляют собой отдельные, промежуточные состояния духовной деятельности. Конкретный продукт — это «...нейтральный результат, в котором заканчивается процесс труда»[12].

Субъект духовного производства материализует свою деятельность в продукте, при этом в данном случае не существенно, выступает ли данный продукт в вещественной форме, отчуждаемой от ее создателя (картина, скульптура, чертежи и т. д.), или в виде самого акта деятельности (танец, игра актера на сцене, деятельность врача, учителя, музыканта-исполнителя и т. д.). В каждом продукте духовного производства в «сверну-

---

[9] Духовное производство: Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности, с. 142, 441.

[10] См.: Там же, с. 259, 287.

[11] Там же, с. 176, 237, 245.

[12] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47, с. 59.

том», кристаллизованном виде представлены все компоненты процесса духовного производства[13]. Духовные продукты, равно как и духовно-производительная деятельность, существуют лишь в своей предметно-чувственной данности. Но создание подобного продукта или даже всей совокупности произведенных в данную эпоху духовных продуктов еще нельзя считать реализацией цели духовного производства, его конечной функцией.

Продукты духовной деятельности выступают опредмеченным бытием социальных (сущностных) сил человека. Раскрытие социальных (в том числе и духовных) сил человека через продукты его труда — постоянный процесс самоутверждения человека, ибо «всякое производство есть опредмечивание индивида»[14].

Конечно, духовные потенции личности воплощаются не только в продуктах духовного, но и материального производства. Однако в последних духовные силы и потенции человека «свернуты», ибо цель материального производства — преобразовать вещество природы в нужную для общества потребительную стоимость. Производя материальные ценности, человек воплощает в них свои знания, способности, степень господства над природой, навыки, вкусы и т. д. Но, как указывал К. Маркс, для потребителей этого продукта фактически безразлично, «...чего во время этой деятельности расходуется больше — мускулов или нервов, как безразлично и то, в большей или меньшей степени уже идеализировано природное вещество»[15], поскольку этот продукт интересует их прежде всего с точки зрения его функционального назначения.

В отношении же продукта духовного производства этого сказать нельзя. В процессе производства его целью является не просто преобразование природного материала, а передача с помощью этого преобразования определенных идей, взглядов, представлений, то есть определенного духовного содержания. Продукт духовного производства — не самоцель, а носитель этого «закодированного» в нем духовного содержания. Конечной целью духовного производства является, таким образом, не сам продукт, а другой человек,

---

[13] См.: там же, с. 67.
[14] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 171.
[15] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47, с. 54.

определенная общность людей, на сознание которых стремится повлиять субъект духовного производства. В этом смысле основная цель, ради которой это производство и существует, есть «*обработка людей людьми*»[16].

Скульптор, работая с мрамором, лишь тогда становится не каменотесом, а создателем духовных ценностей, художником, когда он создаст художественный образ, воздействующий на целые поколения людей. Продуктом его труда является не просто изменение предметно-вещественной формы природного материала, как это имеет место в материальном производстве, а выражение благодаря этому преобразованию духовного отношения к действительности. Здесь происходит первое опосредование, характерное для всех видов духовного производства.

Цель духовного производства достигается только в производительном потреблении продукта его труда людьми, в формировании у них адекватного отношения к миру. В процессе освоения (распредмечивания) духовного содержания в процессе потребления осуществляется второе опосредование, необходимое для достижения цели духовного производства.

К. Маркс отмечал, что «...в качестве конечного результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях»[17]. Если это важнейшее методологическое положение верно и для материального производства, которое осуществляется всегда ради удовлетворения тех или иных материальных потребностей людей, то тем более оно важно для духовного производства, целью которого является формирование определенного типа личности в интересах того или иного класса.

Продукт духовного производства выступает здесь в ином качестве, чем продукт материального производства: он является «посредником», средством обмена сущностными силами между людьми. Следовательно, в продуктах духовного производства заключено не просто отношение их творца к окружающему миру, а через посредство этого — отношения между самими людьми. Не поняв этого «двойного опосредования», этой

---

[16] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 35 (примечание).
[17] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, часть II, с. 222.

специфической функции продукта, нельзя раскрыть и «тайны» духовного производства, его специфики по сравнению с производством материальным. Очевидно, что свое общественное значение продукт духовного производства обнаруживает только в своем дальнейшем движении после самого акта производства, в ходе его потребления людьми. Эта мысль неоднократно подчеркивалась К. Марксом: «Отношение человека к самому себе становится для него *предметным, действительным* лишь через посредство его отношения к другому человеку»[18]. Только в системе общественного потребления духовный продукт приобретает свою завершенность, «...ибо продукт есть результат производства не просто как овеществленная деятельность, а лишь как предмет для деятельного субъекта»[19].

Складывающиеся между людьми духовные отношения являются неотъемлемым элементом системы общественных отношений. Они всегда выступают как человеческие отношения, независимо от их непосредственного объекта. При этом в материальной деятельности отношение человека к природе опосредовано его отношением к другому человеку (общности людей). В духовном же производстве отношение человека к человеку опосредовано преобразованным природным материалом—продуктом духовного производства.

Духовное потребление носит активный, творческий характер. Его цель — адекватно раскрыть то содержание, которое заложено в продукте. Последнее же возможно только путем мысленной переработки его духовного содержания. Поэтому духовное потребление как освоение содержания духовной ценности также является духовно-преобразовательным процессом и выступает как «свое-иное» духовного производства.

Поэтому, рассматривая сферу духовного воспроизводства в целом как систему «духовное производство— распределение — обмен — потребление — производство», мы в самом духовном производстве можем выделить как особый его вид производство средств духовного производства. Например, разработка понятийного аппарата и методологии науки или создание новых художественных средств, разработка художе-

---

[18] Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 42, с. 96.
[19] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 27—28.

ственного метода как раз и являются созданием новых средств духовного производства, способствующих его развитию.

В отличие от материального духовное производство далеко не всегда является результатом непосредственной кооперации людей. Индивидуальный характер имеет, например, труд писателя, композитора, ученого и т. д. Но и в этом случае он выступает частью всеобщего общественного труда, ибо опирается на результаты совокупного труда своих предшественников и современников. Отличен от материального и предмет духовного производства: далеко не всегда им выступает (даже опосредованно) природа. Предметом духовного производства, например, историка, искусствоведа, археолога выступают сами продукты духовного производства прошлых эпох или современности. Продуктом духовного производства, как уже говорилось, может являться и сама духовно-практическая деятельность людей. Все это обусловливает значительную сложность как самого процесса духовного производства, так и его анализа.

Духовная жизнь охватывает все проявления духовной деятельности людей во всех сферах общественной жизни — материальном производстве, общественно-политической деятельности, в быту, в физкультурно-спортивной деятельности и т. д.[20] Духовное же производство непосредственно направлено на создание общественного сознания. Как справедливо замечает Е. В. Богомолова, «...следует различать духовную сторону повседневной жизни людей, духовные аспекты их общения и производство идей, представлений, научных знаний, идеалов, осуществляющееся в рамках деятельности общественных институтов, а также объективных форм производства духовной культуры»[21].

Действительно, если в других сферах человеческой деятельности, протекающих за рамками духовного производства, духовное человекотворческое содержание представляет собой только одну из сторон результатов этой деятельности, то в сфере духовного производства,

---

[20] См.: Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М., 1980, 269 с.; Буева Л. П. Общественное воспроизводство человека в условиях зрелого социализма. — Общественные науки, 1983, № 6, с. 21—37. Сулимов Е. Ф. О производстве и воспроизводстве общественной жизни в условиях развитого социализма. — Вопр. филос., 1984, № 6, с. 40—50.

[21] Категории исторического материализма. М., 1980, с. 235.

направленного непосредственно на производство духовных ценностей, это содержание является основным, целью этой деятельности. Этим цель духовного производства отличается от целевой направленности как материального производства, так и других видов социальной деятельности. Духовная жизнь включает в себя и весь процесс духовного воспроизводства: процесс распространения (распределения), хранения, потребления духовных ценностей, что также отличает ее от одного из компонентов воспроизводства — духовного производства.

Сложнее, на наш взгляд, соотношение духовного производства и духовной культуры[22], которая характеризует формирование и реализацию сущностных сил человека в процессе его духовно преобразующей деятельности. Как и вся система культуры в целом, она раскрывает человекотворческую сторону социальной деятельности людей. Если анализ духовного производства показывает, *как создаются* духовные ценности — идеи, представления и т. д., то анализ духовной культуры дает возможность выяснить, *как влияют* эти ценности на человека, как происходит формирование человека в процессе их освоения. Таким образом, духовное производство и духовная культура различаются не тем, что первая из этих систем якобы основана на стереотипах, нормах, шаблонах, а вторая представляет свободную творческую деятельность, а своим *функциональным назначением* в сфере духовной жизни общества. Без духовного производства— создания взглядов, идей, представлений — невозможно само существование духовной культуры: для того, чтобы какая-либо идея оказала влияние на формирование и развитие человека, ее необходимо создать, произвести.

Духовное производство и духовная культура относятся к разным системам: первое выступает компонентом *системы* совокупного *общественного производства* и воспроизводства — создания и умножения общественного богатства, а вторая—*системы культуры*, характеризующей качественную специфику социального бытия и деятельности человека с точки зре-

---

[22] См.: *Ешич М. Б.* Культура в системе общества. — В кн.: Культура в общественной системе социализма. М., 1984, с. 8—55.

ния реализации его сущностных сил, человекотворческого значения его деятельности.

В ходе духовного производства разных классов в антагонистическом классовом обществе создаются ценности различных культур: например, культуры реакционной империалистической буржуазии, идущей на союз с остатками «традиционных» феодальных культур, и культуры демократической, включающей в себя и социалистические элементы. Эта противоположность двух культур в буржуазном обществе отражает противоположность и борьбу классов и созданных ими систем духовного производства. Если целью господствующего духовного производства, а соответственно и духовной культуры империалистической буржуазии является формирование «одномерной», манипулируемой личности, то в любой капиталистической стране классовые силы антиимпериалистического блока (рабочий класс, крестьянство, национальная буржуазия), осуществляя духовное производство, создают более или менее развитые элементы демократической и социалистической культуры, противостоящей духовному манипулированию личностью. Духовное производство в классовом обществе всегда классово. Поэтому неверно сводить духовное производство при капитализме только лишь к производству господствующего общественного сознания и соответствующей ему господствующей культуры. При таком подходе мы не сможем объяснить причины появления и функционирования двух культур в национальной культуре любой буржуазной нации.

Сказанное выше объясняет наше принципиальное несогласие с положениями о сущности духовного производства, которые содержатся в работах Н. С. Злобина. Он верно полагает, что совокупный продукт духовного производства — это общественное сознание, отражение общественных отношений. Справедливо отмечается классовый характер духовного производства, при этом автор убедительно раскрывает манипуляторский, апологетический характер духовного производства современной империалистической буржуазии. Все это бесспорно. Однако из этих верных положений делается неверный, на наш взгляд, вывод о противоположности всего духовного производства (по крайней мере, в классово-антагонистических формациях) свободной творческой деятельности, т. е. духовной культуре. Н. С. Зло-

бин кладет в основу процесса духовного производства создание норм, определяющих содержание и границы духовной деятельности индивидов. Поэтому, по его мнению, «...это производство, хотя и находит свое воплощение в духовной деятельности и в ее предметных результатах, выступая тем самым как сфера духовного производства, однако не является непосредственным производством духовного богатства общества». В этом смысле оно оказывается полярно противоположным культуре, «если субъектом творчества (вдохновения) является автор, то субъектом духовного производства оказывается издатель, который покупает продукт творчества»[23]. Духовное производство связывается только с «безличностными» и «надличностными» формами духовной деятельности, оно сводится к «обработке уже существующего содержания, а также тиражированию и трансляции определенного рода духовной продукции»[24]. Культура как противоположный аспект духовной жизни общества стоит, по его мнению, вне духовного производства и только лишь при социализме система духовного производства оказывается социально однонаправленной с социалистической культурой[25].

Нетрудно заметить, что культура как свободная творческая деятельность в интерпретации Н. С. Злобина всегда оказывается прогрессивной, с чем, очевидно, невозможно согласиться. Места для реакционной культуры в рассматриваемой концепции не находится. Говоря о соотношении духовного производства и культуры, следует отметить, что тиражирование и распространение продуктов духовного производства никоим образом не может быть включено в его структуру.

Тиражирование, издание, распространение являются составными частями процесса духовного воспроизводства (как и потребление), но это следующий за духовным производством акт, ибо тиражировать и распространять можно только лишь *уже созданные* в процессе духовного производства продукты. Поэтому издатель не был и не может быть субъектом духовного производства. Им всегда является индивидуальный или

---

[23] Злобин Н. С. Духовное производство и культура. — Вопросы философии, 1980, № 9, с. 125—126.

[24] Там же, с. 132.

[25] Там же, с. 133.

коллективный создатель продукта духовной деятельности.

Общеизвестно, что далеко не во все периоды истории антагонистических формаций и далеко не все духовное производство «расчленяет живой процесс культуры, обособляя результат творчества от самой творческой деятельности»[26]. Говоря о духовном производстве, например восходящей буржуазии, можно заметить, что и сегодня в странах капитала духовное производство осуществляют не только реакционные силы империалистической буржуазии. К. Маркс и Ф. Энгельс никогда не считали господствующий реакционный класс единственным субъектом духовного производства. Они только подчеркивали, что этот класс господствует как «производитель мыслей», что он регулирует производство и распределение «мыслей своего времени». Более того, в переломные эпохи идет спор из-за господства в духовной жизни, а подчас это господство может быть разделено[27]. Этой сложности истории духовного производства и не учитывает Н. С. Злобин, для которого все духовное производство в антагонистических обществах столь же безлично и отчуждено, сколь прогрессивным и творческим началом выступает культура.

Нам представляется, что все эти выводы являются неизбежным следствием ошибочного понимания автором сущности и роли продуктов духовного производства. Нельзя согласиться и с мнением автора, что по мере движения нашего общества к коммунизму произойдет «отмирание духовного производства как такового»[28]. Для Н. С. Злобина духовное производство в любой формации[29] сводится лишь к институированной системе производства и воспроизводства «ограничений, отчужденных идеологических форм», это способ, механизм нивелировки сознания индивидов[30]. Коммунизм не будет знать всех этих явлений, но на каком основании духовное производство сводится лишь к системе запретов и ограничений, к способам манипулирования сознанием, из работ Н. С. Злобина совершенно не ясно. Во всяком случае, такая трактовка, равно как проти-

---

[26] Там же, с. 130.

[27] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 46.

[28] Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М., 1980, с. 84.

[29] См.: Там же, с. 82.

[30] Там же, с. 78.

вопоставление духовного производства как негативного общественного явления духовной культуре как позитивной творческой деятельности, совершенно запутывает вопрос о сущности духовного производства, которое, как и производство материальное, находится в постоянном процессе движения, изменения и развития.

История духовного производства, пока еще никем из исследователей-марксистов не написанная, представляет собой сложный и в достаточной мере драматичный процесс. В первобытно-общинном строе все духовное производство осуществлялось народом (т. е. всей общиной) и для народа. Классовая дифференциация общества закономерно вела к дифференциации духовного производства.. С одной стороны, среди господствующих слоев общества появляются люди, профессионально занимающиеся духовным производством. Они концентрируются вокруг дворов императоров, князей, сановников и пр., которые содержат их. (Не случайно имя римского патриция Мецената стало нарицательным). Естественно, эти первые профессионалы духовного производства, как правило, целиком и полностью выражали мысли и интересы господствующего класса (рабовладельцев, феодалов), которые и становились мыслями, господствующими в обществе.

Однако с появлением первых элементов профессионального духовного производства народное духовное производство не умирает. Оно создает ценности народной культуры, в той или иной мере оппозиционной культуре господствующего класса. Народное духовное производство охватывало многообразные сферы: сюда относятся народная медицина, народная педагогика, народное искусство как в его устных литературных формах (фольклор), так и народное прикладное искусство и народная архитектура[31]. В сфере народной культуры рождались и народные религиозные верования, в том числе здесь возникло и раннее христианство.

Народное духовное производство обслуживало широкие массы свободных общинников, превращавшихся в феодально зависимых людей. Если центром профес-

---

[31] См., напр.: Духовная культура славянских народов. Л., 1983, 382 с.; Пиотровский Б. Б. О значении культурного наследия в развитии культуры. — В кн.: Советская культура: История и современность. М., 1983, с. 23—36 и др.

сионального духовного производства все более становился город, то народное духовное производство в основном концентрировалось в деревне. Профессиональное и народное духовное производство все более отдалялись друг от друга, ибо с закабалением свободных общинников и превращением их в феодально зависимых людей в народном духовном производстве доминирующими становились идеи социального протеста против угнетателей. Особенно сильной конфронтация двух видов духовного производства становится с окончательным оформлением социальной группы интеллигенции как особого отряда людей, профессионально занятых умственным трудом. Именно интеллигенция и осуществляет с этого времени духовное производство в интересах господствующего класса.

Не являясь классом, интеллигенция всегда служит тому или иному классу, осуществляя разработку его идеологии[32]. Буржуазия, выйдя на историческую арену и вступив в борьбу с господствующей феодальной идеологией, создает свою интеллигенцию, которая «открывает» народное духовное производство и опирается на его произведения в борьбе с феодализмом. Шекспир и Рабле, Боккаччо и Микеланджело, Гердер и Шиллер и многие другие идеологи восходящей буржуазии стали действительно народными, ибо они опирались на народное духовное производство, народную культуру. Один из первых исследователей народной художественной культуры немецкий просветитель Иоганн Готфрид Гердер (1744—1803) восклицал: «Не подлежит сомнению, что поэзия и в особенности песня, была вначале целиком народной»[33]. Именно просветители—идеологи восходящей буржуазии — осознали противоположность господствующей феодально-клерикальной культуры и народного духовного производства, лежащего в основе демократической народной и профессиональной культуры, поставив проблему народности, т. е. близости прогрессивной, демократической профессиональной культуры к народной культуре.

Таким образом, происходит разделение самого духовного производства господствующего класса и соответственно базирующейся на его основе культуры. Бо-

---

[32] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40. с. 253.
[33] Гердер И. Г. Избранные произведения, М.; Л., 1959, с. 72.

лее того, лучшая часть демократической интеллигенции переходит на идейные позиции угнетенного класса — крестьянства, городской бедноты, пролетариата. Особенно ярко и отчетливо этот процесс происходил в странах Восточной Европы, где в XVIII—XIX вв. шло мощное крестьянское движение, направленное против крепостного права. В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Н. А. Некрасов, Т. Г. Шевченко, И. Франко, Н. Николадзе, Х. Абовян, Х. Ботев, Л. Каравелов, С. Маркович и многие другие открыто выступали защитниками крепостного крестьянства, «народными заступниками». Революционно-демократическая интеллигенция прямо причисляла свое творчество к народной культуре.

Однако в XVIII—XIX вв. в самой народной культуре происходят существенные изменения. Под влиянием господствующей официальной культуры в самом народном духовном производстве происходит определенное размежевание подлинно народных произведений и произведений духовного производства, созданных под влиянием антинародной реакционной культуры и потому антинародных по своей сути (мещанский, «блатной» фольклор и т. п.). Парадокс заключался в том, что даже немногочисленные грамотные крестьяне (не говоря уже об их основной неграмотной массе) ничего не знали об интеллигенции, выступающей от их имени, не читали их произведений. Это и вызвало трагическое разочарование революционных народников—энтузиастов «хождения в народ».

Новый этап развития духовного производства начинается с выходом на историческую арену **рабочего класса**. Во-первых, пролетариат стал наследником лучших достижений народного духовного производства. Народная культура является ядром той демократической культуры, которую хранит и использует пролетариат. Но, в отличие от крестьянства, рабочий класс не мог ограничиться продуктами народного духовного производства. Во-вторых, рабочий класс ставит себе на службу всю демократическую профессиональную культуру, чего не смогло сделать крестьянство. Именно в этом смысле В. И. Ленин говорил, что Л. Н. Толстой принадлежит пролетариату, а марксизм — идеология революционного пролетариата — «...усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелет-

нем развитии человеческой мысли и культуры»[34]. В-третьих (и это самое важное), пролетариат создает свою пролетарскую интеллигенцию, творца его собственной идеологии и культуры. С пролетариата начинается история народного (в узком смысле слова) духовного производства, осуществляемого профессиональными деятелями духовного производства в интересах трудящихся и для самих трудящихся. В рукописи «Размышления» (1851 г.) К. Маркс пишет: «...на то, что рабочий класс сберегает сверх необходимых жизненных средств, он может вместо мяса и хлеба покупать книги и оплачивать лекторов и митинги. Рабочий класс имеет большую возможность присваивать себе такие всеобщие силы общества, как его интеллектуальные силы»[35].

Без сильной пролетарской интеллигенции, которая сложилась в России еще до революции, пролетариат не смог бы в короткий срок осуществить социалистическую культурную революцию. Историческая культурная миссия рабочего класса состоит в том, что он впервые в истории классовых обществ воссоединяет в пролетарской, социалистической культуре народную и профессиональную культуру, а в осуществляемом с его позиций духовном производстве — народное и профессиональное духовное производство.

Происходит своеобразное «отрицание отрицания»: духовное производство как бы возвращается к тому периоду, когда оно было единым по своей сути. Но это не простое «возвращение», ибо новый тип духовного производства органически вбирает в себя все ценное, что было накоплено духовным производством человечества за всю его историю. Социалистическое духовное производство едино по своему мировоззрению, идеологии и цели — формирования новой коммунистической личности, но оно сохраняет разделение профессионального и народного духовного производства как различных форм единого процесса.

Народное художественное производство существует и ныне в период зрелого социализма в 4-х основных формах: 1) как спонтанный безымянный процесс народного творчества — фольклор, народная медицина, педагогика и т. д.; 2) в виде народного декоративно-прик-

---

[34] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 336—337

[35] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 44, с. 149.

ладного искусства и народной архитектуры; 3) как самодеятельное научно-техническое и художественное творчество масс в его общественно организованных формах; 4) как любительское (неорганизованное) народное духовное производство в сфере науки и искусства.

Мы дали предельно краткий и потому неизбежно схематичный очерк развития духовного производства с точки зрения соотношения в нем народного и профессионального производства. Анализ этой проблемы имеет исключительно важное значение для современности. Известно, что и сейчас ряд авторов идеализируют крестьянское народное производство, крестьянскую народную культуру прошлого, которую они противопоставляют «культуре города». При этом игнорируется тот факт, что речь идет не о буржуазном, а о социалистическом городе с его социалистической культурой. При этом крестьянское патриархальное духовное производство идеализируется, с ним связывается национальное своеобразие продуктов духовного производства, в котором заведомо отказывается индустриальному городу. Подобные взгляды происходят от неумения (или нежелания) понять сущность того подлинно революционного переворота, который произвел рабочий класс в истории духовного производства. Социализм создал принципиально новый тип его. В нем органически соединяются духовное производство, осуществляемое народной интеллигенцией, и производство, рожденное творчеством самих народных масс. Водораздел между ними все более и более оказывается условным и «размытым». У самодеятельного и профессионального духовного производства едины мировоззренческая и идейно-политическая основа, творческий метод, основные цели и задачи. Однако мы не склонны рассматривать сближение профессионального и самодеятельного духовного производства как их слияние. С ростом материального благосостояния и культурного уровня масс все большее количество людей включается в непрофессиональное духовное производство, причем не только в сфере искусства.

Органическая связь профессионального и народного духовного производства не только не обеднила, а, наоборот, обогатила народное духовное производство, поставило его на прочную основу социалистической идеологии, пролетарского интернационализма, обеспе-

чивающего развитие его подлинно национальных черт. Будущее духовного производства в ходе коммунистического строительства заключается, как нам представляется, отнюдь не в «воскрешении» ушедшего в далекое прошлое крестьянского народного производства, а в развитии единого социалистического духовного производства города и деревни в его органической связи с социалистическим профессиональным духовным производством. Критикуемые нами взгляды проистекают, возможно, из непонимания единства советского народа как исторически новой интернациональной общности людей, внутри которой осуществляется расцвет и сближение культур наций и народностей.

Духовное производство выступает *началом* и *узловым моментом* каждого цикла духовного воспроизводства. Само содержание духовных ценностей, их влияние на формирование личности в конечном счете зависит именно от духовного производства. В диалектическом единстве духовного производства-распределения-потребления духовное производство выступает главным и определяющим. Именно через духовное производство вся эта система связана с материальным производством, которое определяет в целом всю общественную жизнь, в том числе и духовное воспроизводство.

Глава III

ДИАЛЕКТИКА ДУХОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И ОБМЕН

Определив сущность процесса духовного воспроизводства, следует перейти к анализу диалектического единства духовного производства и потребления, поскольку именно они являются главными составляющими элементами системы духовного воспроизводства. В процессе духовного производства создаются продукты двоякого рода — объективированный продукт («вещь» или предметная деятельность), а также сознание субъекта, развивающееся в процессе этой деятельности. Таким образом, в процессе духовного производства воспроизводство сознания происходит через опредмечивание сущностных сил человека, воплощения их в некой предметной форме. Продукты духовного производства служат целям поддержания устойчивого состояния социальной системы, что выражается в определенной направленности мировоззрения, идеологии, общественной психологии, находящейся под контролем господствующего класса. Этому же служит вся совокупность социальных институтов духовной культуры.

Духовное потребление как элемент системы духовного воспроизводства представляет собой момент воспроизводства сознания субъекта путем распредмечивания им продуктов духовного производства, их идеального, духовного содержания. Духовная ценность как продукт духовного производства реализует свою общественную функцию в процессе потребления и служит связующим звеном между субъектом духовного производства и субъектом потребления, причем отношения между ними в антагонистическом обществе всегда являются классово и исторически обусловленными. Продук-

ты духовного производства реализуют свою социальную функцию в процессе общественно-исторической деятельности субъекта. Формы общественного сознания являются как бы различными «отраслями» духовного производства, поскольку, по словам К. Маркса, религия, право,мораль, искусство суть лишь *особые* виды производства и подчиняются его всеобщему закону[1].

С общесоциологической точки зрения с помощью категорий «духовное производство» и «духовное потребление» можно определить тот угол зрения, который дает возможность решить вопрос о взаимоотношениях общественного сознания с многообразно расчлененным общественным бытием людей, соотнести процессы духовного воспроизводства с деятельностью ряда социальных институтов, призванных производить, отбирать, хранить, репродуцировать те или иные продукты, функционирующие в сфере духовного воспориводства. Категории «духовное потребление» в нашей философской и социологической литературе «повезло» еще меньше, чем духовному производству как в отношении определения понятия, так и в разработке проблемы. Даже в общем виде понятию духовного потребления не уделено специального внимания ни в «Философской энциклопедии», ни в «Философском энциклопедическом словаре», а в «Большой советской энциклопедии» указывается, что потребление — «использование общественного продукта в процессе удовлетворения потребностей экономических, заключительная фаза процесса воспроизводства»[2].

В настоящее время вследствие неразработанности проблем духовного потребления в немногих работах, посвященных этой проблематике, как правило, отсутствует само определение этого понятия[3]. Мы считаем возможным дать следующее его определение: духовное потребление — процесс идеальной переработки субъектом продуктов духовного производства посредством распредмечивания их социальных связей и отноше-

---

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 117.

[2] БСЭ, 3-е изд. М., 1975, т. 20, с. 437.

[3] См.: Абульханов Р. Ф. Об общественной природе деятельности потребления. — Вопросы философии, 1968, № 10; Донченко Е. А. Деятельность потребления и ее компоненты. — Вопросы научного коммунизма. Киев, 1978, вып. 38.

ний с целью формирования определенного типа личности. Эта цель классово обусловлена и реализуется через систему общественных отношений данной общественно-экономической формации. Диалектический переход категорий друг в друга обусловлен связью и взаимообусловленностью заключенных в них явлений. Категории «духовное производство» и «духовное потребление» с необходимостью рассматриваются на основе анализа их тождества, различия, единства и «борьбы» противоположностей. Отражение действительности, вовлеченной в предметную деятельность субъекта в цикле духовного воспроизводства, как и в других процессах развития, происходит «в вечном *процессе* движения, возникновения противоречий и разрешения их»[4].

Единство противоположностей духовного производства и потребления можно рассматривать как особый вид необходимой связи между ними, которая заключается прежде всего в их взаимополагании и взаимодополнении в рамках той или иной исторически конкретной системы воспроизводства. Для процессов духовного производства и потребления характерна значительная прочность их внутренних связей. Гибкость, взаимопереход этих процессов обусловлены тем, что каждый из них поставляет другому его предмет: производство— внешний предмет для потребления, потребление — мысленно представляемый предмет для производства[5].

Категории производства и потребления настолько тесно связаны, что «не может быть и речи ни о взаимном проникновении (т. е. нейтрализации. — *Л. К.* и *И. С.*), ни об абсолютном отделении друг от друга»[6]. При взаимопереходах противоположностей в определенные моменты они становятся тождественными. «Сращение» производства и потребления, рассмотренное К. Марксом при анализе их идентичности, и является примером такого тождества. Диалектическая взаимосвязь производства и потребления может проявляться как их *идентичность*, выступающая в виде 1) непосредственной идентичности, 2) опосредованной идентичности, 3) взаимоперехода в свое — иное[7].

---

4 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 117.

5 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 29.

6 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 394.

7 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 46, ч, 1, с, 29,

Непосредственная идентичность производства и потребления проявляется в том, что производство есть непосредственно потребление, а потребление есть непосредственно производство, рассматриваемое в рамках процесса воспроизводства. Каждое является своей противоположностью[8]. Кроме того, само производство можно рассматривать как «производительное потребление», ибо в процессе производства потребляются как средства производства, так и способности индивида, которые развиваются в акте производства. В то же время в акте потребления происходит воспроизведение человеческой жизнедеятельности, «производство» его личности, поэтому К. Маркс характеризует потребление как «потребительное производство».

Непосредственная связь отличается от опосредованной тем, что в ней отсутствуют посредствующие звенья между противоположностями, что характерно для «зародышевой» стадии возникновения явления[9].

Опосредованная же идентичность между производством и потреблением состоит в том, что производство создает возможность для функционирования предметов и вещей, а потребление способствует превращению этой возможности в действительность[10]. Потребление влияет на производство через продукт, который в акте потребления является предметом для «деятельного субъекта». Потребление «создает потребность в *новом* производстве, стало быть, идеальный, внутренне побуждающий мотив производства, являющийся его предпосылкой»[11]. Диалектическое единство производства и потребления проявляется и во влиянии производства на потребление. В процессе производства создается предмет потребления, способ потребления и «влечение» к потреблению. Производство создает потребителя.

Действительно, создание телевидения и использование его в качестве средства массовой информации породило все возрастающий спрос на телевизоры. Если в 1940 г. в стране имелось всего 0,3 тыс. телевизоров, то в 1970 г.— 5,5 млн., в 1982 г.— 7 млн., в

---

[8] Там же, с. 27.

[9] См.: Оруджев З. М. Диалектика как система. М., 1973, с. 158.

[10] Иванько Л. И. К. Маркс о потреблении как социологической категории. — Философские науки, 1974, № 1, с. 32.

[11] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 28.

1983 г. — 7,4 млн., в 1985 — 9,4 млн[12]. В результате создания телевидения рос спрос на телеприемники, говорящий о массовой потребности населения в этом новом средстве распространения культуры. *Взаимопереход* в «свое — иное» категорий производства и потребления совершается в процессе их взаимовлияния, качественно преобразующего одно в другое[13].

В противоположность метафизике диалектика исходит из того, что тождество содержит в себе различие и изменение. Явление в те или иные моменты времени и тождественно себе, и в то же время, изменяясь, отличается от самого себя. Диалектическая противоположность — это сторона явления, процесс, коренным образом отличающийся не от любой другой стороны в нем, а именно от своей другой стороны[14]. В. И. Ленин выделял слова Гегеля, что «каждое отличное, особое отлично от какого-либо другого, но не абстрактно от какого-либо другого, а от *своего* другого; каждое существует лишь постольку, поскольку в его понятии содержится его другое»[15]. В системе общественного воспроизводства духовное производство следует соотносить либо с материальным производством на основе сходства и различия между ними как двумя видами производства, либо выделять сходные и различные моменты производства и потребления духовных благ по признаку их принадлежности к сфере духовной жизни общества.

Духовное производство и потребление — два относительно самостоятельных «полюса» в системе духовного воспроизводства. Однако это не «полюсы»—крайности с изначально различными сущностями. Полагая свои противоположности идеально, духовное воспроизводство утверждает себя в своем развитии как единое целое. С единством противоположностей в сфере духовного воспроизводства связана тенденция сохранения качественной стороны явлений (например, традиционность и преемственность), а «борьба» противоположностей обусловливает их развитие, изменчивость (новаторство в содержании духовных ценностей,

---

12 Народное хозяйство в СССР в 1982 г.: Стат. сб. М., 1983, с. 410; Аргументы и факты, 1986, № 38, с. 5.

13 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 29.

14 См.: Горбач В. И. Проблемы диалектических противоречий. М., 1972, с. 66, 72.

15 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 235.

способах передачи социального опыта и т. д.). Закон единства и «борьбы» противоположностей дает возможность подойти к объяснению «скачков» и «перерыва постепенности» в развитии духовного производства, процесса отмирания старого и возникновения нового в духовном потреблении.

Духовное производство, произведя продукты для духовного потребления, в соответствии с законом «отрицания отрицания», «отрицает» (в своеобразной форме, нетождественной характеру аналогичных процессов в сфере материального производства) имеющиеся на данном этапе развития общества результаты духовного производства предшествующей общественно-экономической формации (здесь и возникает проблема возможности их «морального старения»). В этом случае, по словам В. И. Ленина, имеет место «не голое отрицание, ...а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного»[16]. Пройдя этап потребления, овладев сознанием людей, духовные ценности, функционирующие в процессе духовного потребления, в свою очередь, «отрицают» создавший их уровень производства, выводя его, таким образом, на качественно новую ступень развития. Но результаты духовного производства предшествовавших исторических эпох, в отличие от продуктов материального производства, служат удовлетворению духовных потребностей людей современности и последующих веков. По словам М. Бахтина, «...произведение не может жить в будущих веках, если оно не вобрало в себя как-то и прошлых веков. Если бы оно родилось все сплошь сегодня (то есть в своей современности), не продолжало бы прошлого и не было бы с ним существенно связано, оно не могло бы жить и в будущем. Все, что принадлежит только настоящему, умирает вместе с ним»[17].

Сама практика общественной жизни непрерывно «отбирает» те ценности духовной культуры, которые не только сохраняются, но и органически входят в функционирующую актуальную культуру нового общества. Эти положения принципиально важны для понимания ленинских высказываний об отношении к культурному наследию прошлого, которые он отстаивал в борьбе с Пролеткультом.

[16] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 207.
[17] Цит. по: Вопросы литературы, 1975, № 9, с. 73.

С разрешением противоречия происходит утверждение нового. Сохраняя все ценное, что имелось в старом явлении, новое выступает как более высокое и прогрессивное состояние. При этом, по словам Ф. Энгельса, «для каждого вида предметов, как и для каждого вида представлений и понятий, существует ...свой особый вид отрицания, такого именно отрицания, что при этом получается развитие»[18]. С «отрицанием» исторически преходящего этапа развития духовного производства в условиях новых общественных отношений частично переносятся, видоизменяются, используются производительные силы, достижения науки, искусства и т. д. Духовное потребление как процесс представляет собой сложное многогранное явление. Поэтому задача исследователя состоит в том, чтобы видимое, внешнее, как бы «лежащее на поверхности», объяснить внутренними закономерностями развития. К. Маркс подчеркивал, что если бы «форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишней»[19].

Под *сущностью* в философском смысле подразумевается внутренняя сторона объективной реальности и ее процессов, которая может быть познана лишь в результате научного анализа. С понятием сущности духовного потребления, непосредственно не воспринимаемой, соотносится понятие явления как выражения внешней стороны. Сущность духовного потребления отражает внутреннее в процессе как общее, наиболее значимое в явлениях, а явление духовного потребления — это не только внешнее, но и единичное. Вследствие этого одна и та же сущность неоднозначно воплощается в различных явлениях. Так, классовая сущность духовного потребления по-разному выступает в явлениях этого процесса. Сущность по сравнению с явлением отличается большей устойчивостью, в то время как явления подвижны, «текучи», могут то исчезать, то вновь проявиться в тот или иной исторический момент, тогда как сущность действует до тех пор, пока сохраняются породившие ее общественные условия.

Возникновение классово-антагонистического общества привело к четкой социальной организации всего духовного производства и потребления. По словам авто-

---

[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 146.
[19] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 380.

ров «Немецкой идеологии», каждый класс имел свой особый предмет духовного потребления и особый способ потребления, в чем отразилось многообразие реальных явлений классовой сущности духовного потребления[20]. Каждое из них может быть не похоже на другие явления этого же процесса, поскольку выражает одну из многообразных сторон сущности. В процессе своего развития сущность по-разному может выявиться в свойствах, качествах и моментах реальных процессов духовного потребления.

Сущность и явление духовного потребления является основой существования содержания и формы этого процесса. Так, существование социальных институтов организации духовного производства и потребления обусловлено их классовой сущностью. В реальном явлении эти институты, существующие в разных социальных системах, схожи по выполняемой функции — формировать личность определенного типа в интересах того или иного класса. Однако анализ конкретного функционирования этих институтов дает представление о диаметрально противоположном содержании их деятельности в условиях различных общественных систем. Явления духовного потребления выражают его сущность не как общее, а как единичное. Кроме явлений, адекватно отражающих сущность, имеются и такие, которые выражают ее извращенно, создают некую видимость. Видимость — это тоже выражение сущности, но скрывающее сущность, дающее о ней ложное представление[21].

В целях упрочения своего положения господствующие классы всегда использовали эти свойства видимости, создавая соответствующие их интересам продукты духовного производства, которые выдавались за «надклассовые», «общечеловеческие». Классовая сущность закрепления общественных отношений в продуктах духовного производства требовала создания соответствующего отряда идеологов, «которые делают главным источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса»[22] для нужд социального управления.

---

[20] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 419.

[21] См.: Никитченко В. С. Соотношение категорий сущности и явления в марксистско-ленинской философии. Ташкент, 1966, с. 100.

[22] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 46.

Создавая соответствующую видимость, «гладиаторы буржуазного общества нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые для того, чтобы скрыть... буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы...»[23].

Категория видимости используется, например, буржуазными идеологами для создания мифа о равенстве средств, способов и предметов потребления среди всех слоев общества, фабрикуется иллюзия, что рабочий в сфере потребления «противостоит капиталисту как равный..., по крайней мере, *по видимости*... Однако указанная видимость равенства фактически существует как иллюзия рабочего, а до известной степени и у другой стороны»[24].

Объективным содержанием категории кажимости является внешняя сторона предметов и процессов. В видимости заключена одна из сторон объективного мира, но сторона поверхностная, не отражающая ее действительной сущности. Необходимость создания внешне правдоподобных иллюзорных представлений о реальности буржуазного общества ведет к тому, что «ежедневная пресса и телеграф... фабрикуют больше мифов... за один день, чем раньше можно было изготовить за столетие»[25].

Сложность диалектических связей между сущностью и явлением, формой и содержанием духовного потребления имеет противоречивый и многогранный характер. Проникновение в сущность этого процесса осуществляется на основе абстрактного мышления, поскольку познание всегда движется от явления к сущности, от сущности «первого порядка» — к более глубоким ее слоям. Категории «духовное производство» и «духовное потребление» — это абстракции, фиксирующие общее, которое в действительности есть «нечто, многообразно расчлененное» (К. Маркс). Указанные категории соотносятся с процессами реальной жизнедеятельности общества как новейшей, так и древнейшей эпохи, когда началось «производство как таковое» (К. Маркс).

Выделенное посредством категорий «духовное производство» и «духовное потребление» общее, свойственное всем эпохам, в абстрактном виде отражает диалек-

---

[23] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 120.
[24] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 236.
[25] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 215.

тику общественного развития. Эти категории выступают конкретно-историческими понятиями и представляют собой продукт исторических условий[26]. К исследованию категорий «духовное производство» и «духовное потребление» применимы слова Ф. Энгельса о процессе, который по своей природе должен рассматриваться с двух точек зрения (в данном случае — категориальной и содержательной): «чтобы его понять как целое, его даже необходимо исследовать в отдельности сперва с одной, затем с другой точки зрения, прежде чем можно будет подытожить совокупный результат»[27], т. е. рассмотреть духовное производство и духовное потребление как с категориальной, так и с содержательной точки зрения. Необходимость такого расчленения обусловливается тем, что действительная история человеческой жизнедеятельности, в русле которой строятся общественные отношения людей и соответственно духовное производство и потребление, идет «скачками и зигзагами» (Ф. Энгельс).

Абстрактное, теоретически последовательное рассмотрение диалектического единства духовного производства и потребления позволяет проследить внутреннюю закономерность их взаимосвязи, отразить сущность этих процессов. В то же время реальные явления духовного производства и потребления богаче их сущности по характеру проявления и по соответствию действительной общественной жизнедеятельности. Поэтому абстрактное рассмотрение диалектики духовного производства и потребления с необходимостью должно соотноситься с принципом историзма.

Историзм предполагает необходимость суждения о настоящем в контексте как прошлого, так и будущего. Каждую из сторон социальной деятельности — производство и потребление — как в материальной, так и в духовной сфере, необходимо рассматривать в специфической, присущей только им исторической форме[28]. Именно при таком подходе эти категории наполняются конкретным смыслом и содержанием, раскрываются как подлинно всеобщие, необходимые для исследования исторического процесса общественного производст-

---

[26] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 711.
[27] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 483—484.
[28] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 734—735; т. 26, ч. I, с. 279, 280.

ва в целом. Согласно К. Марксу, с помощью этих категорий можно не только рассмотреть характер процессов настоящего, но и прошлого, а также увидеть «первые шаги преобразующего движения по направлению к будущему»[29]. Именно с этих позиций К. Маркс подходил к анализу духовного производства античного общества, развития его в феодальную, буржуазную эпохи и в условиях коммунистической формации.

Человечество начало свою историю с производства жизненных благ, еще не расчлененных на две сферы — материальную и духовную. Первоначально производство идей, представлений, сознания было непосредственно вплетено в материальное производство[30]. В первобытной общине все виды духовной деятельности выполнялись теми же людьми, которые осуществляли и материальное производство. В этой сфере не существовало ни отдельных творцов, ни посредников, ни социальных институтов, стоящих между процессами производства и потребления. В дальнейшем общественное разделение труда способствовало выделению духовных процессов в самостоятельную область деятельности. Изменение способа производства и углубление разделения труда (материального и духовного) с необходимостью привело к возникновению классового общества и выделению в его составе профессионалов, занятых исключительно духовной деятельностью.

С момента разделения общества на классы прослеживается классовый характер духовного воспроизводства и составляющих его моментов. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства («производство вещей»), располагает также и средствами духовного производства («производство идей»). Вследствие этого «индивиды, составляющие господствующий класс», — писали авторы «Немецкой идеологии», —«господствуют также как и производители мыслей, они регулируют производство и распределение мыслей своего времени»[31] и делают это во всех сферах духовной жизни.

Как правило, бурный подъем в области духовного производства исторически соотносится с переломными эпохами в жизни человечества: сменой общественно-

---

29 Маркс К, Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 449.
30 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 24.
31 Там же, с. 46.

экономических формаций, эпохами социальных революций и т. д. Это связано с необходимостью упрочения положения класса, выходящего на историческую арену: интенсивное развитие производительных сил имеет в своей основе достижения научной мысли соответствующего периода[32], все виды духовного производства вырабатывают качественно новые духовные ценности, призванные упрочить, оправдать, закрепить возникшие производственные отношения в сфере материального воспроизводства, а также сформировать новый тип личности, соответствующий общественным условиям (мораль, религия, искусство и т. д.). В течение определенного исторического промежутка времени направленность духовного воспроизводства может совпадать с исторической перспективой развития человечества по пути раскрытия богатства личности человека, ее самоутверждения.

Переломные эпохи характеризуются отрицанием старых традиций, отказом от признанных авторитетов, духом критицизма, переоценкой ценностей, поиском принципиально новых форм эмоционального и теоретического отношения к действительности[33].

С разделением общественного труда на материальный и духовный, с возникновением классов и образованием государства «производство сознания» становится функцией особой — «идеологической» — части общества, всецело находящейся под контролем господствующего класса.

Развитие духовного производства исторически шло двумя путями: с одной стороны, профессиональная духовная деятельность, направляемая господствующим классом; с другой, — народная культура как «свободное духовное производство данной общественной формации» (К. Маркс). Именно здесь заключены первые истоки формирования процесса, который В. И. Ленин впоследствии назвал развитием двух культур в каждой национальной культуре. Объектом и субъектом второго

---

[32] О взаимосвязи эпох социальных революций и истории науки см.: Кедров Б. М. История науки и принципы ее исследования.— Вопр. филос., 1971, № 9, с. 87; Дмитриенко В. А. Вопросы общей теории науки. Томск, 1974. — 222 с.

[33] См.: Можеева А. К. Проблема человеческой субъективности в свете марксовой теории исторического процесса. — В кн.: Человек и его бытие как проблема современной философии. М., 1978, с. 275.

из этих типов духовного воспроизводства на данном историческом этапе была сельская община, которая выступала в качестве «первой великой производительной силы» (К. Маркс). Здесь, в пределах определенного круга, ограниченного рамками общины, возможно значительное развитие, возможно появление крупных личностей[34], но духовное воспроизводство на уровне народной культуры неизбежно выступает в патриархально ограниченных формах, которые впоследствии, при капитализме, придут в противоречие с развитием общественных отношений в сфере материального производства.

Сущность народной культуры[35] и связанного с нею народного (непрофессионального) духовного производства изучены до сих пор еще крайне недостаточно. Обычно народная культура сводится только к одной ее художественной форме (фольклор). Между тем в систему народной культуры входят и существовавшие в глубокой древности народное миросозерцание, народная этика, первые элементы представлений о мире — народная космология и космогония, наконец — народная педагогика и народная медицина. Только сейчас ученые начали все больше обращаться к ним, находя в них многое, что окажется полезным и сегодня. В народную культуру входят и народные традиционные виды народной физической культуры и спорта, народных спортивных игр, переживающих сейчас в нашей стране свое «второе рождение». С появлением мировых религий, воспринятых господствующими классами, к народной культуре отошли глубоко укоренившиеся в массах языческие верования с присущими им праздниками, обычаями и обрядами. Наконец, к народной культуре относится и все богатство народной культуры быта и народного искусства, включая и декоративно-прикладное искусство.

С появлением классов и классового общества разрыв между «ученой», профессиональной и народной культурой все более углублялся. Первая сосредоточивалась при дворах античных и феодальных властителей, которые содержали для своего правления и увесе-

---

[34] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 475.

[35] Здесь мы употребляем понятие «народная культура» в его узком смысле. См.: Коган Л. Н. Народная культура в историческом развитии системы культуры. — В кн.: Изучение истории культуры как системы. Новосибирск, 1983, с. 53.

ления поэтов, художников, архитекторов, астрологов и т. д. Постепенно центрами этой профессиональной культуры становились феодальные города. Вторая — народная культура, все более размежевываясь с профессиональной, главным образом концентрировалась в деревнях.

С обострением классовой борьбы и резкой дифференциацией групп и слоев внутри самих господствующих классов передовая часть близких к народу идеологов обращалась к народной культуре, черпая из нее материал и находя в ней неиссякаемый источник вдохновения. Так возникает проблема народности профессиональной культуры, т. е. проблема близости этой культуры по своим идейным установкам к народной культуре и тесно связанной с ней.

С другой стороны, реакционная культура тоже оказывает влияние на народную, в которой появляются явления, глубоко чуждые интересам и чаяниям самих народных масс (например, мещанский фольклор). Капиталистические общественные отношения подрывают основу существования общины, «размывают» ее границы, рассредотачивая ее членов в процессе урбанизации, что становится массовым социальным процессом. Следствием этого процесса является изменение базиса существования фольклора как вида духовного воспроизводства, качественное изменение его элементов.

В современных условиях в буржуазных странах получило определенное развитие общественно-культурное движение, известное под названием «современного фольклоризма», т. е. различные формы воспроизводства фольклорно-народных празднеств, обрядов, песен, танцев, инструментальной музыки. По словам В. Е. Гусева, это имеет следствием оживление и культивацию фольклорных традиций в самой народной среде, а с другой стороны, оказывает воздействие на профессиональное искусство, способствуя возникновению так называемой «новой фольклорной волны» в творчестве писателей, композиторов, драматургов, кинорежиссеров. Однако в условиях буржуазного общества фольклор сам становится объектом идеологических спекуляций, своеобразным видом «индустрии туризма», намеренно превращается в один из видов «массовой культуры»[36].

---

[36] См.: Гусев В. Е. «Массовая культура» и культура народных масс.— В сб.: Искусство в системе культуры: Социологиче-

Переселившись в города, крестьяне и мелкая буржуазия вынуждены были овладеть определенным культурным минимумом, но они не приобрели вместе с тем досуг и материальные возможности для освоения традиционной городской культуры. «Утратив интерес к фольклорной культуре (связанной с деревней)..., новая городская масса, естественно, потребовала от общества обеспечения доступной ей культурой»[37]. Именно начало XX в. можно считать отправной точкой формирования «массовой культуры», ее первым этапом. В наше время достижения науки и техники в области средств массовой информации видоизменили лишь внешнюю форму этой культуры «для народа», не меняя ее апологетической буржуазной сущности. И ныне в капиталистических странах народные массы во многом остаются лишь пассивным объектом духовного воспроизводства, которое направляется классовыми интересами буржуазии. Доступность подлинных духовных ценностей ограничена буржуазным обществом рядом факторов: экономических, социальных, расовых и т. д. Духовная сегрегация масс в условиях современного капитализма становится более утонченной по сравнению с предшествовавшими эпохами.

Господствуя над всем процессом воспроизводства, буржуазия определяет классовый характер духовного производства, распределения, обмена и потребления. Капитализм искусственно разрывает эти части единого целого, извращая суть самого процесса духовного воспроизводства. На этапе производства это проявляется в его отчуждении от миллионных народных масс. Господствующий класс озабочен «не производством сознательных людей, реально владеющих богатством общества, а производством идей, производством сознания в его оторванности от чувств, мыслей и представлений реально существующих индивидов», — пишет В. М. Межуев[38].

К. Маркс, изучая закономерности процесса воспроизводства, пришел к выводу, что между производителем

ские аспекты. Л., 1981, с. 64; Примитив и его место в художественной культуре нового и новейшего времени. М., 1983, 203 с.

[37] Кукаркин В. А. По ту сторону расцвета. М., 1977, с. 272—273; см.: Зоркая Н. М. На рубеже столетий: У истоков массового искусства в России 1900—1910 гг. М., 1976, 303 с.

[38] Межуев В. М. Культура и история. М., 1977, с. 140.

и произведенным им продуктом встает распределение, которое и определяет долю индивида в мире продуктов[39]. Распределение само есть продукт производства и по содержанию, и по форме, так как прежде, чем выступить в виде распределения продуктов, оно проходит стадию распределения орудий производства и распределения членов общества по родам производства[40], а также распределения факторов производства. Распределение, показал К. Маркс, как момент процесса воспроизводства всегда определяется господствующими общественными отношениями[41]. Там, где распределение обособляется, превращается в нечто самостоятельное и перестает быть лишь кратковременным «промежуточным этапом» в ходе движения воспроизводства, где духовные ценности превращаются в средство накопления, исчезает и подлинная цель духовного производства.

В условиях господства частной собственности оно, конечно, тоже служит производству человеческой личности, но личности односторонней, у которой на место «...*всех* физических и духовных сил стало простое отчуждение *всех* этих чувств — чувство *обладания*»[42]. В этом случае нарушается сам процесс воспроизводства, и весь его механизм неизбежно приходит в расстройство[43].

«Средним звеном» в процессе воспроизводства, наряду с распределением, выступает и обмен, который доставляет индивиду определенные духовные ценности, на которые он может обменять доставшуюся ему при распределении долю продуктов. Распределение определяется как момент, исходящий от общества, а обмен — как момент, исходящий от индивидов[44]. Чтобы процесс воспроизводства мог начаться снова, с необходимостью должен быть пройден этап обмена, обращения продукта в обществе, т. е. товар должен быть продан[45].

На стадии капитализма все отношения в обществе развивались в форме товарно-денежных отношений, и «...все так называемые высшие виды труда — умственный, художественный и т. д. — превратились в предмет

---

39 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 30—31.
40 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 721, 722.
41 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 25.
42 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 120.
43 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 3, с. 292.
44 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 25.
45 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 3, с. 456.

3. Заказ 5430.

торговли»[46]. Результаты духовного производства могут выступать, как известно, в виде продуктов двоякого рода: в «вещной» форме, отдельной от создателя, и как акт деятельности, неотделимый от автора, исполнителя[47]. В этом состоит существенное отличие результатов духовного производства от продуктов материального производства[48]. В связи с этим неправомерна точка зрения И. А. Мороза, утверждающего, что книги, картины, статуи и т. д.—это результат «не самостоятельного духовного производства, существующего не в «чистом» виде, а ...духовного производства, осуществляющегося через материальное производство... Поэтому названные ценности являются не только духовными, но в какой-то мере и материальными, что может быть выражено... в ценности холста и красок в картине, мрамора в скульптуре и т. п.»[49] Аналогичная мысль проводится и в книге П. Г. Олдака, где он отождествляет сферы материального производства и производства «вещных» продуктов. Автор относит к сфере материального производства «ряд форм духовного производства», включая в них труд художников, скульпторов, архитекторов на основании того, что «труд, затраченный на производство данных картин и скульптур, создает их стоимость». П. Г. Олдак считает, что они «несомненно, должны быть отнесены к сфере материального производства». К нему же автор относит копии и репродукции духовных ценностей, изготовленные промышленностью, а также труд работников проектных организаций и труд ученых[50]. Здесь П. Г. Олдак фактически повторяет ошибочные взгляды А. Смита, относившего к материальному производству «все произведения искусства и науки, книги, картины и т. п., поскольку

---

46 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 601.

47 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 1, с. 155.

48 Сравнительный анализ материального и духовного производства см.: Рябов В. Ф. Искусство как общественная потребность. Л., 1977, 206 с.; Сиземская И. Н. Указ раб., 64 с,; Соколов Э. В. Духовная культура и ее судьбы в современном мире. — В сб.: Духовное становление человека. Л., 1972, с. 100—108; Тарасов Г. С. Проблема духовной потребности. М., 1979, 191 с.; Каган М. С. Диалектика материального и духовного в культуре. В сб.: Диалектика культуры. Куйбышев, 1982, с. 48.

49 Мороз И. А. Проблема противоречий при социализме. Днепропетровск, 1975, ч. 2, с. 11.

50 См.: Олдак П. Г. Взаимосвязь производства и потребления. М., 1966, с. 37—38.

они существуют как вещи»[51]. Продуцирование в процессе духовного производства воспроизводит идеальные образы и нормы, что представляет собой предметную форму деятельности; предметность здесь отнюдь не равна «вещественности», хотя и может проявляться посредством нее. Предметны и знания, а также нормы, обычаи, традиции, поскольку они вовлечены в деятельность субъекта.

Современное духовное производство осуществляет создание своих продуктов с помощью многообразных отраслей материально-практической деятельности (полиграфия, техника звуко- и видеозаписи, радиотехника и т. п.). Тиражирование и репродуцирование духовных ценностей является необходимой стороной осуществления духовного воспроизводства, исторически изменяется лишь форма тиражирования, соотносимая с уровнем развития производства материальных носителей этого процесса[52]. Исторически менялись и обогащались формы закрепления идеального в материально-объективированном продукте духовного производства, что, однако, не дает оснований причислять его к сфере материального производства. Материально-вещественное здесь лишь средство, а не цель производства и потребления. Отрицательное воздействие капиталистических товарно-денежных отношений на продукты духовного производства отмечалось как классиками марксизма-ленинизма, так и современными исследователями этих процессов[53].

В отличие от предшествующих общественно-экономических формаций капитализм, по словам К. Маркса, создает систему «всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных способностей»[54]. В сферу этого всеобщего капиталистического обмена вовлечены и духовные ценности, однако (по сравнению с продуктами

---

51 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 1, с. 155.

52 См.: Зоркая Н. М. Уникальное и тиражированное: Средства массовой информации и репродуцированное искусство. М., 1981, 167 с.; Ястребова Н. А. Индивидуальное и массовое в советском искусстве. М., 1984, 221 с.

53 См. например: Комов Ю. А. Голливуд без маски. М., 1982, 207 с.; Николаева А. Б. Общественное производство и развитие научных исследований. М., 1976, 327 с.; Кужелева Г. И. «Массовая культура» как явление государственно-монополистического капитализма. Ростов н/Д., 1981, 127 с.; Дубов Г. В. «Свободное» искусство в мире капитала. М., 1984, 64 с.

54 См.: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1935, т. 4, с. 89.

материального производства) они имеют собственные критерии измерения своей значимости. Как отмечают С. С. Батенин и А. А. Бочкарева, в основе критерия ценности продуктов духовного производства лежит качественная оценка, которая имеет два основных момента: 1) границы общечеловеческой значимости данного произведения (отражающие глубину его содержания) как в пространстве (в пределах класса, нации, государства, в международном масштабе), так и во времени (насколько оно сохраняет свою ценность и актуальность для последующих исторических эпох); 2) степень новизны, оригинальности, хотя здесь, безусловно, должны быть границы, строго определенные для каждой области духовного производства[55].

Однако качественная оценка продуктов духовного производства, вовлеченных в процесс обмена, при капитализме заменяется количественной, товарно-денежной, стоимостной оценкой, что противоречит самой природе духовных ценностей, являющихся в значительной мере продуктом всеообщего труда. В широком смысле процесс обмена в обществе может пониматься не только как обмен продуктами духовного производства, но и как процесс, осуществляющий связь исторических эпох и поколений, как обмен способностями, идеями, знаниями между людьми. Формой обмена знаниями, идеями, чувствами, представлениями выступает *духовное общение* как одна из форм социального общения.

Духовное общение осуществляется с помощью материальных посредников: языковых и неязыковых знаков, технических средств[56] и т. д. Главным средством духовного общения выступает язык, воплощенный в различных формах. По словам К. Маркса, «идеи не превращаются в язык таким образом, чтобы при этом исчезало их своеобразие, а их общественный характер продолжал существовать наряду с ними в языке, как цены существуют наряду с товарами. Идеи не существуют в отрыве от языка. Идеи, которые для того, чтобы обращаться, чтобы стать способными к обмену, должны быть предварительно переведены с их родного языка на чу-

---

55 См.: *Батенин С. С., Бочкарева А. А.* Духовное производство и его структура. — В кн.: Духовное производство и личность. Л., 1981, с. 13.

56 См.: *Уледов А. К.* Духовная жизнь общества. М., 1980, с. 110.

жой язык, представляют уже больше аналогии; но аналогия здесь заключается не в языке, а в его чуждости»[57].

Язык выступает универсальным средством духовного общения, подобно тому, как деньги при капитализме выступают универсальным средством экономического обмена. Отношение «деньги—товар» в сфере капиталистического духовного производства носит внешний характер, навязанный производству извне — системой капиталистических общественных отношений, в то время как духовное общение выполняет важнейшую функцию духовного воспроизводства — производства самого человека, осуществляет преемственность в духовном развитии человечества[58].

Как считал Л. Фейербах, общение «возвышает силу чувства, усиливает самочувствие. Чего не может сделать *один*, делается сообща с *другими*. Чувство одного есть чувство ограниченности, а чувство общения есть чувство свободы»[59]. Однако в условиях капитализма все отношения в обществе тяготеют к их главенствующей форме — товарно-денежным. В силу этого становится закономерным преобладание товарных свойств продуктов духовного производства над их свойством быть универсальным средством духовного общения. Таким образом, товарный фетишизм проникает в сферу духовной жизни, парализует ее, проявляясь на практике в виде «социального символизма».

Сами по себе производство и распределение вне потребления еще не могут обеспечить всестороннее развитие личности. Производство может создать лишь возможность для достижения этой цели, которая превращается в действительность лишь в потреблении[60]. В отличие от предметов природы продукты общественного производства (как материального, так и духовного) становятся продуктами только в потреблении. Именно потребление придает продуктам завершенность, ибо они — результат производства не просто как овеществленная деятельность, а как предмет для деятельного

---

57 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 106.

58 См.: Батенин С. С., Бочкарева А. А. Указ. соч., с. 21.

59 Фейербах Л. Избранные филос. произведения. М., 1955, т. 2, с. 156.

60 См.: Куделин Е. Г. Диалектика производства и потребностей. М., 1977, с. 11.

субъекта[61]. В условиях классово-антагонистического строя производство без потребления не может обеспечить получение прибыли. Потребление всегда организуется обществом; суть этого процесса «...нисколько не изменяется от того, что рабочий осуществляет свое индивидуальное потребление ради самого себя, а не ради капиталиста»[62]. Ограничив доступ народных масс к процессу духовного производства, нарушив его целостное единство с процессом потребления, капитализм извратил саму суть духовного потребления и специфику духовной ценности, функционирующей в данном процессе. Наиболее ярко, как уже говорилось, это проявляется в феномене «массовой культуры», представляющей собой массовидное манипулирование сознанием людей посредством потребительских культурных благ.

Потребление духовных ценностей отнюдь не является пассивным процессом, это творческая область человеческой деятельности, которая «порождает *способности* производителя, возбуждая в нем направленную на определенные цели потребность»[63]. В этом также состоит существенное отличие духовного потребления от потребления материальных благ. Капиталистический строй уравнивает характер потребления как материальных, так и духовных благ, придавая ему пассивный характер, ибо капиталист отнюдь не заинтересован в развитии творческих способностей производителя. В условиях капиталистических общественных отношений «вещественность» потребления материальных и духовных благ приобретает свойство господства над человеком, угнетения его. Кроме того, по словам Маркса, в прямом соответствии с *ростом стоимости* мира вещей растет *обесценение* человеческого мира[64].

Потребление должно выступать как момент производства, оно есть внутренний момент производительной деятельности, выступающий в виде «производительного потребления», которое ведет к саморазвитию и самосовершенствованию личности. Однако эти функции потребления социально детерминированы. В капиталистическом обществе предмет, создан-

---

[61] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 27—28.
[62] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 585.
[63] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 718.
[64] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 87—88.

ный для удовлетворения духовной потребности, становится товаром, который нужно либо приобрести, что зачастую невозможно из-за высоких цен стихийно складывающегося рынка, или иметь достаточно свободного времени для его восприятия (посещения библиотек, музеев, выставок, концертных залов)[65]. Возникает противоречие между общезначимым содержанием культуры и узкоклассовой, частной формой ее присвоения, когда значительная часть ее ценностей сосредоточивается в частной собственности, изымаясь из обращения внутри общества. Взамен «массовая культура» предоставляет народу набор стереотипной продукции, превращающей человека в «одномерную» личность, неспособную к творческому восприятию культуры. Неразвитость духовных запросов, упрощение и извращение потребностей порождает и соответствующий им спрос на духовную продукцию. «Массовая культура» служит не гуманизации личности, а средством манипулирования ею, превращения ее в «одномерную», социально пассивную личность.

По мысли К. Маркса, производство и потребление составляют лишь «внешнюю противоположность». Это положение имеет большое методологическое значение. Буржуазные социологи, стремясь замаскировать классовую сущность организации производства и потребления в условиях капитализма, намеренно противопоставляют друг другу эти звенья общественного воспроизводства. Потребление трактуется как сфера, обособленная от производства, в которой субъект проявляет свою личную «свободу», «равенство» со всеми членами общества. Наиболее отчетливо такая тенденция создания иллюзии социальной однородности прослеживается в теориях «постиндустриального общества» (Д. Белл, З. Бжезинский, Дж. Гэлбрейт и др.).

Производство и потребление внутренне нераздельны. Из этого следует, по мысли К. Маркса, что так как они в системе капиталистического воспроизводства факти-

---

65 Французский социолог Э. Дюмазедье констатирует, что в капиталистических странах только незначительной доле трудящихся доступны искусство и культура: 33% датских и 50% английских рабочих имели возможность посетить театр лишь один раз в год и реже. По данным профессора Бурдье, сельскохозяйственные работники составляют 1% посетителей музеев изобразительного искусства Франции, а промышленные рабочие — 5%. (См.: Кахк Ю. Ю. Черты сходства. Таллин, 1974, с. 49).

чески отделены, то их единство восстанавливается посредством их противоположения. Если трудящиеся массы производят продукты за представителей господствующего класса, то те, в свою очередь, должны потреблять за трудящихся[66]. В условиях классово-антагонистического строя для народных масс «недопотребление составляет постоянное историческое явление» (Ф. Энгельс). Это относится как к материальным, так и (в еще большей степени) к духовным благам.

Частная собственность не умеет превращать грубую («животную») потребность в человеческую[67], потому что целью производства здесь является не удовлетворение потребностей людей, а производство прибавочной стоимости. Потребление, таким образом, выступает как подчиненный момент в производстве и воспроизводстве капитала. Средства потребления рабочего или любого другого трудящегося являются просто средствами потребления одного из средств производства, его индивидуальное потребление является непосредственно производственным потреблением[68]. В условиях капиталистических общественных отношений производство и потребление имеют не непосредственную, а лишь опосредованную форму связи, которая осуществляется лишь в конечном счете и таким образом, что потребление следует за производством циклически, вынужденно, подчиняясь не закону возвышения потребностей, а логике воспроизводства капитала. Целью производства при капитализме выступает производство прибавочной стоимости, а не удовлетворение материальных и духовных потребностей людей. Вследствие этого потребности трудящихся удовлетворяются лишь в такой степени, насколько это необходимо для производства прибавочной стоимости. Основным свойством продукта духовного производства в этих условиях становится его товарное свойство, и таким образом уже сам продукт, минуя стадию духовного преобразования в процессе потребления, способствует дегуманизации самого духовного производства.

Буржуазное общество стремится к получению максимальной прибыли, приводя в движение самые низменные побуждения людей и развивая их в ущерб всем

---

[66] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 1, с. 277.
[67] См.: Там же, т. 42, с. 129.
[68] См.: Там же, т. 23, с. 584.

их остальным задаткам[69]. Поэтому упразднение частной собственности можно рассматривать как утверждение человеческой жизни, возвращение человека к общественному бытию. Главным результатом ликвидации частной собственности, по словам Ф. Энгельса, станет «всеобщая ассоциация всех членов общества в целях совместной и планомерной эксплуатации производительных сил; развитие производства в такой степени, чтобы оно удовлетворяло потребности всех; ликвидация такого положения, когда потребности одних людей удовлетворяются за счет других...[70].

Сущность духовного потребления реализуется в различных явлениях этого феномена, которые раскрывают богатство связей и отношений, концентрированно воплощенных в сущности.

Система духовного воспроизводства и составляющие ее элементы являются отражением существующих общественных отношений, они социально детерминированы.

Вследствие этого исследование двуединого процесса духовного производства и потребления делает необходимым осмысление связанных с ним социальных тенденций, которые должны оцениваться с точки зрения основного критерия — всестороннего, гармонического развития личности.

В настоящее время выявился ряд проблем в сфере духовного потребления, успешное решение которых является важным фактором в деле коммунистического воспитания трудящихся и связанного с ним движения советского общества к коммунизму.

---

[69] См.: Там же, т. 21, с. 176.
[70] Там же, т. 4, с. 336.

Глава IV

ДУХОВНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ

Особенности духовного потребления

Конечным результатом духовного производства является продукт, идеальная форма которого существует вне его, «а именно в человеке, в виде формы его активной жизненности, в виде цели и потребности»[1]. Продукт духовного производства, вовлеченный в сферу духовного потребления, служит реализации цели духовного воспроизводства — формированию определенного типа личности в интересах того или иного класса. «Продукт получает свое последнее завершение только в потреблении»[2], — писал К. Маркс. Продукт духовного производства, в отличие от простого предмета природы, проявляет себя как продукт, становится им только в потреблении, поскольку общественные связи и отношения, объективированные в продукте, могут проявиться, раскрыться только в процессе потребления, которое тоже носит общественный характер, реализуясь как в коллективной, так и в индивидуальной форме потребления.

С категориальной точки зрения духовное потребление есть понятие, соотносимое в рамках духовного воспроизводства с категорией духовного производства и отражающее особый характер связи субъекта с предметной средой в процессе распредмечивания явлений, объектов и отношений как продуктов духовной жизнедеятельности общества.

---

[1] Ильенков Э. В. Проблема идеального. — Вопросы философии, 1979, № 7, с. 158.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 27.

В содержательном плане духовное потребление может быть рассмотрено с нескольких сторон: а) гносеологической, когда духовное потребление раскрывается как один из способов познания субъектом окружающей действительности в ходе предметно-практической деятельности, рассмотрение духовного потребления с точки зрения теории отражения, и, в частности, с помощью информационного подхода, углубляет и расширяет представление об этом явлении; б) социологической — духовное потребление связано, в частности, с деятельностью социальных институтов, призванных осуществлять классово направленное влияние на субъекта с целью формирования определенного типа личности; в) социально-психологической — духовное потребление может быть рассмотрено как один из способов социально оформленной модели поведения субъекта, идентификации его с той или иной социальной группой и согласования с ней своего индивидуального поведения в сфере потребления духовных ценностей, что реально проявляется в так называемых стандартах духовного потребления; г) семиотической — поведение субъекта в процессе духовного потребления выступает определенной знаковой системой, демонстрирующей принадлежность (реальную или иллюзорную) субъекта к той или иной общности — социальной группе, классу и т. д. («показное», «статусное» потребление, практика «социального символизма»).

В общефилософском плане основной характеристикой деятельности, в том числе и деятельности по поводу потребления, является ее предметность. По словам Гегеля, «о наших мыслях мы знаем только тогда... когда мы даем им форму *предметности, различенности* от нашего *внутреннего существа,* следовательно, форму *внешности*»[3]. В процессе общественного развития предметный мир все более «втягивается» в деятельность человека, а духовное потребление в своих активных формах впитывает в себя опыт человечества. Способность к переработке этого предметного мира является исторически развивающимся явлением; на каждой новой ступени общества эта способность воспроизводится, по словам К. Маркса, «с сохранением всего богатства достигнутого развития».

---

[3] Гегель. Соч., М., 1956, т. 3, с. 273.

Внутренний динамизм предметной деятельности человека раскрывается посредством категорий «опредмечивания» и «распредмечивания». Опредмечивание воплощает в себе активную сторону процесса труда, переход человеческих сущностных сил из формы движения в форму предмета, поскольку «труд постоянно переходит из формы деятельности в форму предметности»[4]. Анализируя процесс опредмечивания в сфере материальной и духовной деятельности, Л. А. Калинников указывает, что в процессе социализации духовная деятельность соответственно своей структуре выделяет системы феноменов: 1) ценностного сознания (ценности и оценки как отражение целей деятельности), 2) нормативного сознания (регуляторы и нормы как отражение способов деятельности) и 3) познающего сознания (знания как отражение познающего сознания). Историческое развитие духовной деятельности превращает эти моменты в относительно самостоятельные виды духовной деятельности (ценностно-ориентационную, нормативно-регулятивную и познавательную)[5].

Труд в сфере духовного производства опредмечивается в его продуктах, которые фокусируют в себе как многообразие общественных отношений данного исторического периода, так и чаще всего — индивидуальность их создателя. «В производстве объективируется личность; в потреблении субъективируется вещь...»[6], — замечает К. Маркс, определяя сущность деятельности по опредмечиванию и распредмечиванию.

В процессе духовного потребления субъектом распредмечиваются духовные ценности, в том числе нормы, обычаи, традиции и воплощенные в них социальные отношения. В акте распредмечивания осуществляется переход предметности, объективного содержания предмета в форму человеческой деятельности, в ходе которого для субъекта раскрываются стороны и отношения окружающего мира. Противоположность опредмечивания и распредмечивания преодолевается посредством преемственности всеобщего труда в процессе духовного воспроизводства.

---

4 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 192.

5 См.: Калинников Л. А. Структура деятельности и образ жизни. — В сб.: Личность и общество. Калининград, 1979, вып. 4, с. 20—21.

6 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 25.

Применительно к сфере духовного воспроизводства понятие «духовное потребление» шире, чем «распредмечивание» духовных ценностей. Духовное потребление как определенный вид деятельности характеризуется через процесс распредмечивания. Потребление является реальной формой деятельности субъекта, результатом которой выступает распредмечивание. По мнению Р. Ф. Абульханова, вопрос о совпадении или несовпадении характеристик потребления и распредмечивания должен решаться в связи с вопросом о структуре деятельности потребления[7]. Продукт индивидуального потребления — сам потребитель, — указывал К. Маркс[8]. Духовное потребление может быть различным и носит либо содержательный либо функциональный характер, т. е. при этом происходит освоение сущностных сил, опредмеченных в продукте духовного производства: в результате такого потребления осуществляется развитие способностей субъекта. Такой характер раскрытия субъектом качеств и отношений объекта и следует соотносить с процессом распредмечивания, что подчеркивает активный характер последнего. Только такой вид духовного потребления может служить средством создания гармонически развитой личности.

На основе активного взаимодействия субъекта с объектом в процессе духовного потребления посредством акта распредмечивания одновременно происходит «решение на этой основе новых задач, поиск новых путей и возможностей»[9], — отмечает Х. Ф. Сабиров. Потребление в этом случае предстает как особый вид деятельности. Функциональный характер духовного потребления связан с потреблением свойств продукта, в том или ином отношении «полезных» для потребителя. Такое потребление не связано с присвоением идеального содержания объекта, нет соотношения с человеческой сущностью субъекта потребления, здесь нет освоения объективированных в продукте способностей человека. Наиболее ярко этот характер духовного потребления проявляется в «статусном», «престижном» потреблении. По словам Е. Я. Басина, «престижное присвоение культуры есть использование предметов

---

[7] Абульханов Р. Ф. Указ. раб., с. 59.

[8] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 195.

[9] Сабиров Х. Ф. Человек как социологическая проблема. Казань, 1972, с. 301.

культуры в целях регуляции общения между социальными группами, обладающими определенным статусом... В статусном акте потребления предметы культуры выступают в роли знаков (символов), репрезентирующих цели, выходящие за пределы сферы непосредственного потребления»[10]. При функциональном характере потребления оно предстает как простое субъективирование предметов, когда деятельность «потребляет саму себя» (К. Маркс).

Понятие «духовное потребление» подчас соотносится с понятием «освоение», однако на содержательном уровне эти понятия отнюдь не тождественны, поскольку духовное потребление далеко не всегда идет через освоение продукта духовного производства. В случае «статусного» потребления свойства и качества духовных ценностей не в полной мере осваиваются субъектом, поскольку понятие освоения подразумевает определенный «перевод» качеств объекта во внутренний мир субъекта, в котором они получают свое идеальное бытие. Освоение как процесс связано с понятием интериоризации, т. е. перехода, в результате которого внешние по своей форме процессы с внешними же вещественными предметами преобразуются во внутренние, сугубо личностные процессы, побуждающие личность к дальнейшему развитию.

В некоторых работах духовное потребление в определенной мере отождествляется с понятием восприятия[11]. Это понятие в гносеологическом плане характеризует процесс отражения предметов и явлений объективного мира субъектом и применяется в основном при рассмотрении психологических и психофизиологических аспектов взаимодействия субъекта с окружающей средой. В процессе духовного потребления, рассматриваемом с точки зрения гносеологии, всегда заключен элемент социального познания. Однако восприятие служит лишь отправной точкой этого процесса, поскольку духовное потребление может «переводить» восприятие на уровень теоретического мышления, которое активно по своей сути.

[10] Басин Е. Я. Престижное присвоение культуры как характерная черта буржуазного образа жизни. — В сб.: Социологические проблемы образования, культуры и науки. М., 1978, с. 94.

[11] См.: Органова О. Н. Специфика эстетического восприятия. — М., 1975.—224 с.

По своей психологической направленности духовное потребление и восприятие близки друг другу, однако духовное потребление, как правило, подразумевает процесс овладения многообразием содержания духовных ценностей, в то время как восприятие может оставаться лишь «поглощением» внешней стороны духовных ценностей, впечатления «пробегают» поверхностно, не задевая личности, от чего, по словам А. С. Макаренко, польза весьма незначительная, а иногда такое восприятие обращается и во вред[12]. Продукт восприятия— это определенный образ, сложившийся в сознании субъекта восприятия. Восприятие представляет собой психологический процесс деятельности индивида, в то время как духовное потребление является областью социальной жизни, общественного взаимодействия.

Общественное производство диалектически связано с потреблением. Материальное производство находит свое завершение в материальном потреблении. Духовное же производство опосредуется духовным потреблением. Являясь двумя сторонами деятельности общественного потребления и обладая в силу этого рядом общих черт, материальное и духовное потребление, вместе с тем, существенно отличаются друг от друга. Материальное потребление как процесс идет от материального к материальному же, процесс труда как бы «угасает» в продукте, воплощающем общественные отношения людей в сфере производства. Духовное потребление, являясь для индивида присвоением распредмеченного материального, идет к раскрытию внутреннего содержания объекта, его идеальной стороны, которая «есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»[13]. В процессе духовного потребления сознание субъекта проходит этап «социального удвоения», отсутствующий в процессе материального потребления. В духовном потреблении происходит процесс освоения не предметной, вещной сущности продукта, как в материальном потреблении, а объективированного духовного содержания, заключенного в продукте— научной гипотезе, идее, художественном образе, нотной записи и т. д.

---

[12] См.: Макаренко А. С. Соч. В 7 т. М., 1957, т. 4, с. 423.
[13] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 21.

Любой организм (биологический или социальный) есть продукт окружающей среды. Для поддержания своего существования он вступает в процесс взаимодействия с этой средой, черпая в ней энергетические и информационные ресурсы. Продукты материального производства поставляют субъекту потребления прежде всего энергетические ресурсы, поскольку «люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.»[14]. Материальное потребление служит для поддержания и развития жизненных сил человека, удовлетворяет его первичные потребности. По словам авторов «Немецкой идеологии», люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии делать историю. Поэтому первый акт истории — это производство средств, необходимых для удовлетворения жизненных потребностей, т. е. производства самой материальной жизни[15]. Материальное потребление — основной способ общественного потребления, благодаря ему первичные потребности по мере развития общественных отношений теряют свою односторонность и входят в целостную систему жизнедеятельности человека[16]. «Первый акт истории» с необходимостью требует своего дополнения — акта производства средств для полноценной духовной жизни.

Духовное потребление, наряду с производством, является одним из основных каналов связи индивида с окружающей средой и обеспечивает преимущественно информационные ресурсы. А. И. Берг отмечает: «Информационная, стимулирующая мышление, связь с внешним миром так же необходима, как пища и тепло, мало того, как наличие тех энергетических полей, в которых происходит вся жизнедеятельность людей на нашей планете»[17]. Духовное потребление служит развитию индивида как общественного существа, оно удовлетворяет высшие, «вторичные» потребности, развившиеся на основе первичных потребностей индивида, и вследствие этого выводящие его на новый, более высокий уровень.

---

[14] Там же, т. 19, с. 350.

[15] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 24.

[16] См.: Тарасов Г. С. Указ. раб., с. 18—19.

[17] Берг А. И. Кибернетика и общественные науки. — В сб.: Методологические проблемы науки. М., 1964, с. 259—260.

Материальное потребление ограничено существованием объектов во времени и пространстве; потребности людей удовлетворяются продуктами современного уровня производства, которое ориентировано главным образом на настоящее, поскольку в продукте материального производства вещественность, физико-химические свойства вещи, качество материала представляют собой главный момент. В силу этого и потребление данного продукта сводится к потреблению его «вещной» стороны. «В этом смысле любой материальный продукт изнашивается в процессе потребления, так как уничтожение его вещной формы означает и уничтожение его самого как продукта. Потребность, которую он удовлетворял, воспроизводится новым продуктом, так как старый вышел из общественной циркуляции в процессе его использования»[18], — пишет В. Ф. Рябов. Продукты питания, одежда, жилища, орудия труда предшествующих поколений не в состоянии удовлетворить запросы современных людей и, тем более, будущих поколений, поэтому мы говорим об ориентации материального потребления в основном на настоящее.

В духовном потреблении нет таких жестких ограничений в силу воплощения в объекте общезначимого, универсального содержания. Потребление в духовной сфере нацелено, как правило, на будущее как в производстве продуктов, так и в воспроизводстве личности. Характерно высказывание П. Росси, приводимое К. Марксом, что «дворец существует долго, но *«Илиада»* — еще более долговечный источник наслаждения»[19]. Духовные ценности, вовлеченные в процесс потребления, через систему общественных отношений осуществляют формирование личности определенного типа. Результаты «человекотворческой» функции духовного потребления могут проявиться через сравнительно продолжительный промежуток времени. Духовные ценности в отличие от материальных позволяют людям перенестись и в грядущие века, предвосхитить идеалы будущего.

Цикл общественного движения продукта в материальном потреблении завершается потреблением, поскольку в нем исчезает предмет потребления, кото-

---

[18] См.: Рябов В. Ф. Указ. раб., с. 19.
[19] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 1, с. 294.

рый либо физически уничтожается, либо превращается в объект монопольного владения личности (группы). В духовном же потреблении предмет не исчезает из обращения, даже будучи физически уничтожен (например, подлинники произведений античных писателей, дошедшие до нас в пересказе последующих авторов). Может быть разрушена его внешняя структура, но не его духовная социальная сущность. Имея в виду продукты, функционирующие в процессе духовного потребления, Ф. Энгельс писал, что результаты человеческой «деятельности могут исчезнуть лишь вместе с общим омертвением земного шара»[20].

Потребление в сфере духовного производства является не завершением цикла общественного движения продукта, а началом нового, поскольку духовная ценность, заключенная в этом продукте, «каждый раз воспроизводится заново и общественный цикл ее не только не завершается потреблением, а, наоборот, расширяется и повторяется в процессе этого потребления»[21]. Кроме того, «удвоение сознания» индивида в процессе духовного потребления создает основу «приращения» его способностей. Потребление духовных ценностей связано, как правило, с активной реализацией и обогащением творческих способностей субъекта. Это, в свою очередь, служит предваряющим моментом для производства «мысли мыслью» и предопределяет течение нового цикла духовного воспроизводства. Творческий созидательный процесс начинается с идеального, объективируется в предметной форме и через акт распредмечивания переходит из формы покоящегося свойства в форму деятельности.

Материальное потребление ограничено, во-первых, определенным уровнем развития производительных сил общества, обусловливающим тот или иной объем продуктов, поступающих в сферу потребления. В случае «перепроизводства» продуктов материального производства происходит «затоваривание» сферы потребления, поскольку субъект потребления, пройдя определенную «точку насыщения» этими продуктами и обладая их определенным количеством, не нуждается более именно в этом продукте. Вследствие временного отсут-

---

[20] Там же, т. 20, с. 357.
[21] Рябов В. Ф. Указ. раб., с. 29.

ствия спроса на продукты материального производства в большинстве случаев происходит утрата ими потребительских свойств: разрушение физико-химических свойств одних, моральное старение других.

Продукты духовного производства в основе своей не теряют потребительских свойств даже будучи исключенными по тем или иным причинам из процесса реального духовного потребления. Существенной особенностью духовного потребления является его *безграничность*. Это проявляется, во-первых, в освоении предметной области, которая неизмеримо шире, чем область материального потребления, поскольку в сферу духовного потребления входят и социальные явления общественной жизни.

Во-вторых, специфика духовных ценностей обусловливает невозможность их «перепроизводства» и «перепотребления». До сих пор продолжаются споры, могут ли существовать оптимальные нормы потребления духовных ценностей, подобно рациональным нормам питания или жилища. Г. П. и С. Г. Шляхтенко считают, что «...нормальное потребление культурных ценностей (например, число посещений кино и театров) также не должно превышать некоторой величины»[22]. С такой точкой зрения согласиться принципиально невозможно.

Прежде всего потребление духовных ценностей сугубо индивидуально: один человек больше любит музыку и не пропускает симфонических и камерных концертов, другой — предпочитает в основном художественные выставки. Было ли правильным, если бы обоим была установлена некая равная усредненная «норма» посещения концертов и выставок? Можно ли «нормировать» количество книг, которые должен прочесть ученый, готовя новый научный труд? Есть ли разумные «пределы» чтения художественной литературы? Могут сказать, что такие нормы необходимы для того, чтобы ограничить «киноманию» (есть подростки, которые ходят в кино в среднем 3—4 и более раза в неделю, почти на каждый фильм) или неумеренную любовь к телевидению (у отдельных групп учащихся время на просмотр телепередач превышает 20 часов в неделю). Но в данном

---

[22] Шляхтенко Г. П., Шляхтенко С. Г. Проблема потребностей и всестороннее развитие личности в системе коммунистического воспитания.— В кн.: Проблемы исторического материализма. Л., 1971, вып. 1, с. 96.

случае мы имеем дело не с подлинным духовным потреблением, а с его извращенными формами, ибо вполне естественно, что при подобном «потреблении» действительного распредмечивания духовных ценностей фактически не происходит. Поэтому такие соображения не могут быть признаны в качестве достаточного аргумента для нормирования процесса духовного потребления.

Процесс духовного потребления оказывается глубоко индивидуализированным, ибо он свидетельствует о потребностях, интересах и вкусах личности, о ее *направленности*. Каждый человек в множестве продукции духовного производства находит именно те ценности, которые особенно близки и созвучны ему, его индивидуальности. В этом смысле проблема духовного потребления всегда оказывается проблемой *выбора* потребляемых духовных ценностей, которые не могут быть ограничены никакими «средними нормами» и масштабами.

В процессе материального потребления распредмечивание всегда ограничено и конечно: оно исчерпывается физико-химическими свойствами продукта. Процесс же духовного потребления, являясь распредмечиванием заключенных в продукте сущностных сил человека, многообразия его общественных связей, поистине безграничен, для него нет предельной нормы освоения духовных ценностей.

Необходимым условием материального потребления является присвоение объекта в собственность субъекта (общество, класс, социальная группа). Духовное потребление этого не предусматривает. «Присвоение» духовной ценности в процессе потребления не равно «обладанию» ею. Скупка и монопольное владение картинами великих мастеров, шедеврами прикладного искусства или архивами великих деятелей культуры изымает из сферы культурной коммуникации уникальные духовные ценности, которые становятся «потерянными» для человечества. Известно, что многие западные коллекционеры держат бесценные картины в сейфах банков наряду с золотом и бриллиантами. Понятно, что тем самым продукт духовного производства теряет свою подлинную сущность и превращается в меновую стоимость.

Объект духовного потребления в большей степени, чем объект материального, является воплощением всеобщего труда, что «обусловливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников»[23]. Это продукт всеобщего исторического развития, который является всеобщей собственностью и должен принадлежать в равной мере всем членам общества, «потому что он необходим всем людям, представляя всеобщую духовную потребность. Теоретическое знание, эстетическое переживание, философские истины являются духовными ценностями для всех, потому что речь идет об отражении, познании, осмыслении одной действительности, в которой живут все люди»[24]. Однако этот момент опосредуется общественно-экономическими условиями, которые определяют реальную возможность включения продукта духовного производства в процессе потребления широкими народными массами. Товарно-денежный характер общественных отношений классово-антагонистического строя ведет к превращению общенародных духовных ценностей в объект монопольного частного владения, тем самым изымая их из сферы духовного потребления.

Итак, сущность духовного потребления как общественного явления заключается в следующем:

1) оно представляет собой воплощение социальной формы движения материи и отражает совокупность отношений общественного человека с окружающим миром;

2) является социальной деятельностью, и в силу этого обладает рядом таких ее признаков, как предметная целесообразность, общественный характер проявлений, обусловленность результатами прошлой деятельности, предшествующими знаниями и опытом;

3) это есть процесс, социально детерминированный существующими общественными отношениями и, в первую очередь, классовой организацией системы духовного воспроизводства;

4) оно воспроизводит определенный способ существования индивида в определенных социальных отно-

---

[23] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1, с. 116.

[24] Рябов В. Ф. Указ. раб., с. 20; Различение «онтологического» и «прагматического» подхода к духовным ценностям.— В кн.: Культура развитого социализма. М., 1978, с. 15—16.

шениях, независимо от формы реализации деятельности потребления (коллективной или индивидуальной);

5) управленческая функция духовного потребления осуществляется системой социальных институтов, через деятельность которых происходит общественная реализация духовных ценностей.

С сущностью духовного потребления как общественного явления тесно связана проблема функционирования духовных ценностей в процессе потребления. Ценность есть «социальная категория для обозначения особых свойств общественного предмета, существующих объективно, обладающих способностью удовлетворять потребности социального субъекта ... в качестве действительности, цели или идеала»[25]. Ценность — понятие, отражающее положительную или отрицательную значимость предмета или явления для практики той или иной социальной группы. Ценностное свойство является классовым, общественным, а не неким особым природным свойством объекта, а само ценностное отношение к предмету возникает лишь в процессе общественной практики, в процессе удовлетворения социальных потребностей субъекта. В процессе духовного потребления осуществляется усвоение социального опыта, который необходим как для действия личности в определенной общественной системе, так и для существования этой системы в целом. При этом происходит присвоение социальных способов и форм деятельности, форм отношений и общения, определенного содержания общественной информации, идейных установок, норм, ценностей[26].

Духовные ценности осуществляют социальную функцию, и в этом смысле они являются *общественной* ценностью. Проблема ценности есть «проблема отношения субъекта (человека, класса, нации, народа) к объективным материальным и духовным результатам человеческого труда, исходя из исторически развивших-

---

[25] *Григорьев В.* Категории «ценности», «ценностного отношения» и «социальной оценки» в марксистской социологии.— В кн.: Материализм и анализ социальных явлений. М., 1979, с. 112.

[26] См.: *Буева Л. П.* Проблема деятельной личности в марксистской и буржуазной социологии.—В кн.: Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М., 1972, с. 45.

ся потребностей»[27],— пишет Б. А. Чагин. Проблема специфики духовных ценностей, их функционирования, отличия от ценностей материальных решается как в работах М. П. Кима. В. Ф. Рябова, так и в наших предшествующих публикациях[28], поэтому мы постараемся только выяснить, как особенности духовных ценностей влияют на специфику процесса духовного потребления. Духовные ценности, функционирующие в процессе потребления, создаются в сфере науки, философии, морали, искусства и т. д. и являются: 1) элементом духовного общения, 2) средством выражения отношений людей к явлениям окружающего мира и их оценок, 3) орудием воспитания личности[29].

Результаты духовного производства существуют обычно в виде «вещей» (картин, книг, скульптур и т. д.) и по внешней форме напоминают продукты материального производства. В условиях классового общества продукты духовного производства выступают в своей товарной форме, и в процессе их распредмечивания мы имеем дело «с отношениями между людьми и в конечном счете — между классами,— но эти отношения всегда *связаны с вещами и проявляются как вещи»*[30]. Духовная, идеальная сторона духовных ценностей опредмечивается в их внешней вещественной структуре. Отделяясь в процессе производства от творца, духовная ценность приобретает внешне независимое движение в цикле общественного воспроизводства, последовательно проходя стадии распределения и обмена, и лишь в процессе потребления она обретает общественную значимость.

Однако продукт духовного производства может существовать и в виде акта деятельности, неотделимого от его творца (исполнительские виды искусства, деятельность ораторов, лекторов и т. д.)[31]. При этом духовная ценность, заключенная в акте деятельности,

---

[27] Чагин Б. А. Проблема ценности и оценки в свете трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.— В кн.: Проблема ценности в философии. М., 1966, с. 7.

[28] См.: Ким М. П. Проблемы развития социалистической культуры.— В кн.: Культура развитого социализма. М., 1978, с. 3—52; Коган Л. Н., Вишневский Ю. Р. Очерки теории социалистической культуры. Свердловск, 1972, 168 с.; Марксистско-ленинская теория культуры. М., 1984, 384 с. и др.

[29] См.: Чесноков Н. Г. Духовное производство и культура: Дис... канд. филос. наук. Свердловск, 1974, с. 83.

[30] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 498.

[31] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 1, с. 420—422.

действует на субъекта в процессе потребления двояким образом: во-первых, распредмечивается знаковая сущность объекта, заключенная в мимике, жестах, звуках, музыке и т. д., во-вторых, одновременно происходит процесс «самопотребления» способностей и творческих задатков субъекта. Здесь имеется налицо не пассивный процесс однозначного потребления, как в материальном потреблении, а созидательный процесс, который хотя и сопровождается потреблением, но отнюдь не сводится к нему, и в этом плане духовная ценность выступает как «продукт для деятельного субъекта» [32].

Две формы существования результатов духовного производства, выделенные К. Марксом, воплощают в себе разные способы передачи социальной информации посредством различных знаковых систем. «Вещи» служат посредником передачи образа мыслей людей, являются средством воспроизводства определенных общественных отношений. Духовные ценности, воплощенные в исполнительской деятельности, соответствуют иному типу передачи социального опыта в процессе потребления. Происходит «перевод» духовного содержания языка-знака (речи, музыки, движений и т. д.) во внутренний мир субъекта.

В качестве духовных ценностей сферы общественного сознания выступают и нормы, воплощенные в виде традиций, обрядов и обычаев. Наиболее четко это проявляется в области морали, религии, обыденного сознания. Этим способом передаются формы отношений между субъектами, способы общения, определенные эмоциональные состояния. Устойчивость функционирования таких духовных ценностей в сфере потребления обусловлена вплетением в «язык реальной жизни».

Информационная система передачи социального опыта в сфере общественного сознания является наиболее всеобъемлющей. Духовные ценности, поступающие в процесс потребления, в этом случае имеют вид не опредмеченной деятельности и формы отношений, а их идеальной модели, схемы, общего принципа [33]. Посредством деятельности потребления происходит взаимодей-

---

[32] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с, 27—28, (разрядка наша — *Л. К.* и *И. С.*).

[33] См.: Буева Л. П. Указ. раб., с. 46.

ствие индивидуального и общественного сознания, а «передача опыта одного поколения следующему поколению посредством примера, речи и письма ... является, вероятно, основным фактором быстрой социальной эволюции человека»[34].

Различные информационные системы, отражающие специфику функционирования разного типа духовных ценностей, заключают в себе неоднозначное социальное содержание. В силу этого субъект потребления может усваивать содержание исторически устаревших духовных ценностей, передающихся посредством вещного окружения, традиций и обычаев, старого способа распредмечивания продуктов духовного производства. Поэтому так велика роль социальных факторов, контролирующих и направляющих процесс духовного потребления.

Посредством взаимодействия процессов опредмечивания и распредмечивания происходит «социальная трансляция» деятельности. Духовная ценность, включенная в процесс потребления, представляет собой «предметно развернутое богатство человеческого существа»[35] и в «снятом» виде является носителем духовного отношения субъекта производства к окружающему миру.

Духовная ценность имеет двойственную природу. В одно и то же время она является продуктом, объективирующим в себе общественно-экономические отношения определенного этапа развития общества, и в этом смысле она является «конечным» продуктом такого развития. Это дает возможность в историческом плане соотносить те или иные духовные ценности с определенным периодом развития создавшего их общества. В то же время духовную ценность можно рассматривать как продукт незавершенной деятельности предшествующих поколений. Поэтому она одновременно является и неким достигнутым результатом, и возможностью дальнейшего исторического развития. (Так, геометрия Евклида по мере развития науки вошла как частный случай в более универсальную теорию — геометрию Лобачевского-Римана. Аналогично этому законы механического движения, открытые Ньютоном, явились выражением более общих закономерностей движения материи, воплощен-

---

[34] Морган Т. Экспериментальные основы эволюции. М., Л., 1936, с. 169.

[35] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 122.

ных в теории относительности Эйнштейна.) Всякая человеческая способность универсальна по своей природе, поэтому указанная «многозначность» духовных ценностей предопределяет и целый ряд способов их распредмечивания и потребления. Подлинные духовные ценности служат неисчерпаемым источником духовного потребления, поскольку в них скрыто общественно значимое, универсальное содержание. Поэтому современные духовные ценности не отменяют и не заменяют достижений предшествующих эпох, а активно сосуществуют вместе с ними. Многозначность духовных ценностей представляет собой «открытую систему» взаимодействия объекта и субъекта потребления, которая опосредуется социальными условиями общества.

Избирательность мышления субъекта, проявляющаяся в процессе духовного потребления, зависит от объективных (социальное положение субъекта) и от субъективных (направленность субъекта: его потребности, ценностные ориентации, интересы и т. д.) условий. Результаты духовного производства не обладают свойством социальной нейтрализации подобно большинству продуктов материального призводства. Поэтому в процессе потребления духовных ценностей между субъектами возникают специфические идеологические отношения, которые находят свое завершение в классовой направленности всего процесса духовного потребления. Общественное свойство духовных ценностей, их полезность прямо и непосредственно не связаны с их материальностью, «вещественностью», а также с количеством времени и физическими усилиями, затраченными на их производство [36].

В материальном производстве «стоимость товара определяется количеством труда, затраченного в продолжение его производства» [37], — указывал К. Маркс. Продукт духовного производства — духовная ценность — обладает потребительной стоимостью как отражением его социальной значимости, и в этом заключается «полезность» духовных ценностей.

Духовные ценности далеко не всегда имеют стоимостную форму, которая к тому же не может выразить их действительную значимость для общества. Так, например, продукция научного труда «всегда ценится далеко

---

36 См.: Рябов В. Ф. Указ. раб., с. 19.
37 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 47.

ниже ее стоимости, потому что рабочее время, необходимое для ее воспроизводства, не идет ни в какое сравнение с тем рабочим временем, которое требуется для того, чтобы первоначально ее произвести»[38]. Можно ли оценить «стоимость» таблицы Менделеева или эволюционной теории Дарвина? Духовное потребление является одним из элементов системы духовного воспроизводства. Вследствие этого оно обладает рядом свойств, присущих всей системе воспроизводства в целом. Специфика духовного потребления выявляется в результате его сравнительного анализа с процессом материального потребления. Специфика духовной ценности, функционирующей в процессе духовного потребления, определяет особенности этого процесса, способы распредмечивания ценностей, характер и направленность потребления. Продукт духовного производства сам по себе является лишь предметом объективной реальности, *духовной ценностью* он становится лишь в системе определенных общественных отношений. Свою общественную значимость он приобретает, лишь будучи включенным в цикл производства, распределения и потребления. Возникают субъектно-объектные отношения между продуктом духовного производства и совокупным производителем этого продукта.

На одном конце «цепочки» потребления находится создатель духовной ценности и его продукт, на другом— потребитель этого продукта. Однако субъектно-объектные отношения в сфере духовного потребления опосредуются более сложным механизмом протекания процесса, чем в материальном потреблении. При этом следует выделить следующие моменты: 1) наличие контакта между субъектом и объектом; 2) осуществление «обратной связи» (практика «социального заказа»); 3) опосредованная связь создателей духовных ценностей через посредство социальных институтов- «посредников» — организаторов духовного потребления.

В процессе духовного общения возникает динамичный и мобильный тип социальных отношений не только между отдельными людьми, но и между поколениями и историческими эпохами, что наиболее «экономично» с точки зрения затрат человеческих сущностных сил. При этом субъект потребления получает информацию более обширную, чем при помощи личного контакта с приро-

---

[38] Там же, т. 26, ч. 1, с. 355.

дой и людьми; вследствие этого происходит накопление духовного богатства общества, прогресс культуры и социального развития людей.

Контакт в системе «коммуникатор-публика» может осуществляться двумя способами: через их личное общение или посредством системы массовой информации. В отличие от межличностной (прямой или двусторонней), в массовой коммуникации субъектом деятельности является какая-либо группа, которая действует в интересах определенного класса, партии и т. д. Объектом в системе массовой коммуникации становится массовая аудитория, определенным образом ориентированная на духовные ценности и способ их потребления. Звеном, опосредующим эту связь, является печать, радио, телевидение, кино, звуко- и видеозапись.

Продукт духовного производства, поступающий в сферу потребления, должен удовлетворять нескольким условиям: иметь знаковую форму, поддающуюся однозначной «расшифровке» социальным субъектом; отражать определенную общественную потребность, воплощать в определенной мере прошлый опыт предшествующих поколений. В классово организованном обществе, кроме того, он должен соответствовать интересам правящего класса и господствующим общественным отношениям.

По словам К. Маркса, «потребление отшлифовывает продукт[39], духовные запросы субъектов потребления, направляемые идеологической системой государства, ведут к формированию «социального заказа», обращенного к сфере производства, что отражает реальную связь процессов духовного производства и потребления. Практика «социального заказа» обусловлена необходимостью поддержания равновесия социальной системы общества, соответствия сферы производства сфере потребления. «Социальный заказ», осуществляемый господствующим классом прямо (путем директив, «давления», поощрения одних видов духовной деятельности и принижения других) или незримо, преследует цели организации классового сознания. В классово-антагонистическом обществе, таким образом, реализуются цели подчинения сознания угнетенных классов, дезорганизации враждебных социальных сил.

---

[39] Там же, т. 46, ч. 1, с. 28.

Выполнение «социального заказа» в сфере науки в современном классово-антагонистическом обществе оборачивается воплощением рекомендации ученых в производство с целью получения еще большей прибыли для монополий, возрастанием отчуждения человека от продуктов его труда, подавления его сознания угрозой загрязнения среды, атомной войны и т. д. Усилия специалистов в области социальных наук направлены на «сглаживание» противоречий капитализма, на разработку все более тонкого механизма манипулирования сознанием масс. В сфере духовного потребления «ученые приказчики капитализма» (Ленин) выполняют социальный заказ управляющих индустрией культуры по выработке практических рекомендаций увеличения степени идентификации индивида с символическими героями, на принятие публикой их норм, ценностей, стереотипов. «Капитализм не был бы капитализмом, если бы он ... не давал буржуазии в руки гигантского аппарата лжи и обмана, массового надувания рабочих и крестьян, отупления их и т. д.» [40],— писал В. И. Ленин.

«Социальный заказ» буржуазии в системе образования определяется требованием селекции, социального фильтрования, поскольку в современных условиях, как отмечается в предложениях компартии Франции о реформе образования, капитализм «стремится совместить требование технического разделения труда и существующее социальное разделение, чтобы пирамида системы образования воспроизводила классовую иерархию» [41]. «Социальный заказ» служит «обратной связью», идущей от процесса потребления к процессу духовного производства. Внешние каналы обратной связи информируют о результатах деятельности и позволяют регулировать практическую жизнедеятелность людей.

Формы такого «заказа» весьма многообразны. Чаще всего они проявляются в уровне спроса на те или иные произведения, их успехом (или неуспехом) у публики. Успех того или иного произведения побуждает к созданию других, подобных ему, что чаще всего (как и всякое подражание в культуре) приводит к неудаче. Например, успех у публики фильма «Солдат Иван Бровкин» породил целую серию «фильмов-двойников»: «Иван Бров-

---

40 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 15.

41 Цит. по кн.: Арнольдов А. И. Культурный прогресс в развитом социалистическом обществе. М., 1977, с. 7.

кин на целине», «Максим Перепелица» и других, забытых современной публикой. В оптимальных случаях успех произведения определяет направление поисков в искусстве или науке. Формой «социального заказа» выступают в нашем социалистическом обществе политические документы КПСС, материалы выступлений на партийных и комсомольских форумах, реакция критики. Часто «социальный заказ» (в науке) задается непосредственными нуждами промышленного или сельскохозяйственного производства.

Более сложной формой такого заказа является верное понимание субъектом духовного производства логики развития самой культуры. Так, например, создание теории относительности вытекало из требований развития науки начала XX в.: оно было подготовлено создателями неевклидовой геометрии, опытами Майкельсона, опровергнувшего гипотезу «мирового эфира», известными уравнениями Лоренца и т. д. Все развитие русской литературы начала XIX в. подготовило появление «гоголевской школы». Но каковы бы ни были формы «социального заказа», он определяет последующие циклы духовного воспроизводства, обеспечивая его поступательное развитие. И наоборот, игнорирование социального заказа, требований времени(того, что Гегель называл «всеобщим состоянием мира») неминуемо приводит духовное воспроизводство к застою или даже к регрессу: оно перестает быть расширенным воспроизводством.

Продукт духовного производства, прежде чем попасть в сферу потребления, проходит этап распределения. Реализация духовных ценностей происходит путем распространения их специальными социальными институтами (театры, музеи, картинные галереи, магазины и т. д.) или через каналы массовых информационных процессов (что связано с двумя формами существования продуктов духовного производства). Анализ функциональных целей массовых информационных процессов в сфере духовного потребления показывает, что в конечном счете их воздействие сводится к тому, чтобы побудить людей к определенной деятельности, ориентированной на разделяемые данным классом (обществом) ценности, на определенное поведение, осуществляемое в пределах выработанных обществом норм и во имя достижения классовых интересов. Действие механизма ду-

ховного потребления в его различных проявлениях направлено не столько на сам процесс духовного потребления, сколько на формирование определенного его способа. Способ потребления духовных ценностей представляет собой сложившуюся форму общественного поведения, которая воплощается в его стандартах[42].

Развитие любого исторически складывающегося общественного строя невозможно без подчинения различного рода регуляторам — социальным нормам, которые, проявляясь в различных формах общественного сознания, представляют собой определенную систему образцов мышления и поведения людей в сфере производства и потребления материальных и духовных ценностей. «На известной, весьма ранней ступени развития общества,— пишет Ф. Энгельс,— возникает потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям производства и обмена»[43]. Ценности находят свое «продолжение» в нормах. Через посредство ценностей социальная среда во всей ее совокупности определяет генезис, развитие и исчезновение норм. Нормы обычно соответствуют определенным сферам ценностей: этические, эстетические, политические, религиозные и т. д.[44].

Социальная норма, будучи регулятором на уровне общественного сознания, в реальном, поведенческом состоянии людей может проявляться как некий социальный стандарт. В сфере духовного потребления она проявляется именно как стандарт духовного потребления. Использование этого термина в работах советских исследователей в последние годы уже не несет отрица-

---

42 Философский аспект проблемы стандартизации см.: Ураванцев Б. А. Философско-социологические аспекты стандартизации: Автореф. Дис... канд. филос. наук. Свердловск, 1984, 17 с.; Ширшов И. Е. Становление эталонов культуры. Минск, 1981, 110 с.; Кончаков Г. В. Стандарт, стандартизация в материальной и духовной жизни общества (социологические проблемы): Автореф. дис... канд. филос. наук, Л., 1980, 17 с.

43 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 272 (Разрядка наша — *Л. К.* и *И. С.*).

44 См.: Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972, с. 38; Пеньков Е. М. Ценности и нормы социалистического образа жизни. М., 1980, 39 с.; Даштамиров С. А. Социальные нормы: гносеологический и социологический анализ. Баку, 1984, 191 с.

тельной смысловой нагрузки, как это встречалось ранее. О «ценностных стандартах культуры», «стандартах духовного потребления» упоминают большинство авторов книги «Мода: за и против», о «стандартах культурной деятельности» и «стандартах художественного восприятия» киноискусства пишет Л. И. Иванько, о «системе стандартов проведения культурного досуга» упоминает Л. С. Рафиенко, этот термин мы встречаем и в работах ряда ученых социалистических стран[45].

Понятие «стандарт духовного потребления» можно поставить в один ряд с такими понятиями, как «образец», «стереотип», «эталон». Это определенная, установленная общественным мнением и модой, модель удовлетворения социальным субъектом (обществом, группой, индивидом) духовной потребности путем распредмечивания духовных ценностей. В процессе общественной жизнедеятельности индивид принимает уже готовый образ жизни, приобщается к имеющимся стандартам духовного потребления.

Особенностью переработки личностью внешнего воздействия является феномен стереотипизации. В его основе лежат так называемые «стереотипы»— сложившиеся в сознании индивидов духовные образования, эмоционально окрашенные образы. Стереотип — это «стандартизированный», упрощенный образ, схема, фиксирующая некоторые черты объекта. Стереотипы сочетаются, как правило, с живым эмоциональным отношением субъекта к объекту (симпатия или антипатия, приятие или неприятие), в роли которого может выступать предметная форма деятельности, традиции, обычаи и т. д. Стереотипы обычно некритически усваиваются индивидом под влиянием социального окружения[46].

В процессе потребления социальный субъект «распредмечивает» те духовные ценности, которыми распо-

---

[45] См.: Мода: за и против. М., 1973, 288 с.; Иванько Л. И. Город как социальная среда духовной жизни рабочей молодежи.— В кн.: Культура рабочей молодежи Южного Урала. Челябинск, 1973, 158 с.; Рафиенко Л. С. Роль города в удовлетворении и развитии культурных потребностей тружеников села.— В кн.: Социология культуры. М., 1975, вып. 2, с. 140—166; Василевский А. Две культуры.— В кн.: Поиски и перспективы: Литературно-художественная критика в ПНР. М., 1978, с. 105—114; Василев К. Социально-психологические аспекты на модата. — Ново време. София, 1975, № 9 и др.

[46] См.: Социальная психология. М., 1975, с. 86.

лагает общество, реализуя в этой деятельности заложенные уже в самом производстве способы потребления. По словам К. Маркса, «предмет не есть предмет вообще, а определенный предмет, который должен быть потреблен определенным способом», и далее: «... производство создает потребление, создавая определенный способ потребления и затем создавая побуждение к потреблению, самое способность потребления как потребность»[47].

Различное положение людей в системе общественного производства порождает многообразие типов их сознания. Вместе с тем духовные ценности обладают высокой степенью многозначности уровней восприятия. Поэтому один и тот же объект по-разному преломляется в сознании субъектов, формирует вследствие этого различные «духовные характеры» субъектов (К. Маркс). Стандарты духовного потребления служат средством «снятия» этой многозначности, поскольку они избавляют индивида от необходимости перерабатывать в сознании все впечатления окружающей среды.

Существование стандартов духовного потребления обусловлено наличием двух тенденций: во-первых, это конкретизация — стремление к ассоциации абстрактных понятий с определенными конкретными образами; во-вторых, это упрощение — выделение одного или нескольких простых признаков в качестве ведущих для обозначения сложных явлений[48]. Эти тенденции и создают основу формирования той модели, которая лежит в основе способа удовлетворения субъектом духовной потребности посредством стандартов потребления.

В зависимости от оснований деления можно выделить стандарты духовного потребления различных социальных и социально-демографических групп (например, молодежи), проследить национальный, городской или сельский аспект стандартов[49]. Каналами распространения стандартов духовного потребления выступают социальная среда жизнедеятельности субъекта, средства массовой информации, а также сфера акту-

---

47 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 718, 719. (Разрядка наша — *Л. К.* и *И. С.*).

48 См.: Социальная психология, с. 87.

49 Классификацию социальных стандартов на основе более частных критериев см.: Иванько Л. И. Указ. автореф., с. 13.

альной культуры[50]. Здесь особенно важна роль качества духовных ценностей, поскольку одновременно зрителями, слушателями и читателями становятся миллионы людей.

Потребление духовных ценностей по своей направленности может носить двоякий характер, выступая в качестве стандартов непосредственного присвоения («для себя») и знакового, статусного («для других»). Первые из них имеют цель удовлетворения субъектом собственной духовной потребности, поскольку «потребление *полагает* предмет производства *идеально,* как внутренний образ, как потребность, как побуждение и как цель»[51]. В этом случае способности субъекта, существующие лишь в качестве задатка, начинают функционировать как действительная сила развития его личности[52]. Иное влияние на личность оказывают стандарты статусного потребления[53].

Мобильность личности в социальной среде ограничивается рамками определенных общественно-экономических отношений, но личность способна переходить из одной социальной среды в другую — реально или иллюзорно, посредством статусного духовного потребления (Мольеровский персонаж из «Мещанина во дворянстве» демонстрирует пример личности, стремящейся утвердиться в более высоком социальном статусе посредством потребления). Стандарты статусного потребления в определенной мере могут оказывать положительное влияние на развитие духовных потребностей индивида, когда престижное значение придается подлинно высоким духовным ценностям. Интерес к ним первоначально имеет чисто знаковый, статусный характер, впоследствии же он может превратиться в фактор, способствующий возбуждению потребностей в определенных духовных ценностях. Задачи управления сферой общественного сознания выдвигают вопрос о необходимости целенаправленного руководства формированием массового сознания, общего для больших групп людей со сходными представлениями, вкусами, стереотипами восприя-

---

50 О понятии актуальной культуры. См.: Коган Л. Н., Вишневский Ю. Р. Указ. раб., с. 84,

51 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 718.

52 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 297.

53 Анализ различных форм статусного потребления дается в работах Е. А. Басина и В. М. Краснова, Е. В. Власовой, Ю. А. Замошкина, Л. Н. Жилиной и Н. Т. Фроловой.

тия, с их поведением в сфере духовного потребления.

В современном буржуазном обществе стандарты статусного потребления принимают форму «социальных символов». «Социальный символизм» обозначает специфическую направленность поведения человека или группы в любой сфере деятельности, соотнесенную с нуждами социального взаимодействия[54]. «Социальный символизм» начинается с отбора определенных духовных ценностей, функционирующих в процессе потребления, имеющих некоторые отличительные признаки, кодировка и расшифровка которых требует определенных операций и может быть недоступна другой социальной группе вследствие ряда причин (уровня образования, культурного уровня и т. д). Истинная цель духовного потребления — проникновение в замысел автора, обогащение собственного духовного мира — остается за рамками подобного взаимодействия личности с духовными ценностями в процессе статусного потребления. Связь «объект»—«субъект» заменяется связью «субъект»—«субъект» по поводу «объекта» и служит достижению чисто внешних по отношению к процессу потребления целей, символов социального положения. В условиях товарно-денежных отношений «господство вещных отношений над индивидами... приняло самую резкую, самую универсальную форму», при этом происходит «сведение всех многообразных человеческих взаимоотношений к *единственному* отношению полезности»[55], что наиболее ярко отразилось в феномене «престижного потребления». Такой тип потребления ведет к нивелировке индивидуальных вкусов, «культурной консервации», поскольку чувства, находящиеся в плену у грубой консервации», поскольку чувства, находящиеся в плену у грубой практической потребности, обладают лишь ограниченным смыслом[56].

В формировании стандартов духовного потребления значительную роль играют механизмы общественного мнения. Одним из важных факторов действия этого механизма является мода, которая характеризуется несколькими особенностями:

---

[54] См.: Дондурей Д. Б. Особенности взаимодействия художественной культуры и личности. — В кн.: Критика современной буржуазной социологии искусства. М., 1978, с. 102.

[55] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 440, 409.

[56] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с, 122,

1) она выступает одним из моментов социализации индивида через овладение культурными традициями;

2) выделяет в качестве моделей потребления общезначимые образцы и этим способствует их распространению, а также, бывает, и продукцию невысокого качества, рассчитанную на обывательский вкус;

3) предлагает набор образцов потребления, часть которых может превратиться в общезначимые образцы на более продолжительное время, чем само существование данной моды, но только в том случае, если они каким-то образом совпадут с общепринятыми ценностями культуры данного общества.

Мода, выступающая в форме стандартизированного массового поведения в сфере духовного потребления, предоставляют личности некоторую свободу разнообразия вариаций с учетом различия социального положения групп, свободу выбора некоторого общего образца. В капиталистическом обществе феномен моды приобретает откровенно коммерческий характер. Постоянная смена моды толкает потребителя к непрерывному приобретению новомодных товаров. Этим самым капиталистические фирмы пытаются спастись от кризиса перепроизводства. Феномен моды на произведения духовной культуры при социализме оценить однозначно очень сложно. С одной стороны, мода создается порой на действительно интересные явления в культуре (хотя, к сожалению, не всегда, в том числе — в науке). Благодаря предписаниям моды некоторые люди впервые знакомятся с теми или иными культурными ценностями — впервые посещают камерный концерт, оперу, балет, научную лекцию и т. д. Некоторые из них, знакомясь с этой ценностью по велению моды, впоследствии действительно сознательно включаются в новые для них виды культурной деятельности, расширяют ее диапазон.

В то же время мода оказывает и весьма негативное влияние на духовное потребление. Человек стремится прочесть ту или иную книгу, посетить тот или иной театр, побывать на определенном фильме или концерте и т. д. не потому, что он нуждается в этом произведении и осваивает его, а исключительно под влиянием императива моды. В этом смысле мода насаждает статусное, престижное потребление духовных ценностей. Мода заранее, еще до знакомства с произведением, предписывает его положительную оценку. Надо иметь опреде-

ленную «смелость» для вынесения отрицательного суждения о «модном» явлении культуры. Личность рискует в этом случае прослыть «невежественным» человеком, «ретроградом», «отсталым», «догматиком» и т. д. Мода нередко ведет к конформизму в оценках, стирает различия в индивидуальных ориентациях и вкусах в сфере культуры. Возможно, каждому человеку необходима определенная разумная мера конформизма, однако эта доля «разумного» конформизма не имеет ничего общего со стандартизацией вкусов, мнений и оценок, насаждаемых модой, с бездумным восприятием определенных явлений культуры только лишь в силу их модности и престижности. Вот почему в отличие от моды на одежду и обувь мода на продукты духовного производства, по крайней мере, в современный период имеет более минусов, чем плюсов и, как нам кажется, выступает в значительной степени негативным явлением.

Всеобщее признание таких духовных ценностей, как «Чапаев» или «Баллада о солдате» нельзя считать «модой», ибо оно основывалось на подлинном освоении их содержания миллионами людей. «Если Родину свою любить—мода, с этой модой смерть меня разлучит»[57],— пишет поэт Р. Рождественский.

В сфере духовной жизни одновременно происходят два различных процесса утверждения стандартов потребления. В основе первого — духовные ценности, которые являются достижением «высокой» культуры. Другой процесс—движение «неформального» общественного мнения, ведущий к утверждению императивных велений моды.

Духовное потребление по результату взаимодействия субъекта и объекта потребления можно классифицировать двояко — как потребительство и «производительное потребление». При их разграничении определяющим является не то *что* потребляется, а *как* потребляется. В первом случае потребление является лишь средством достижения неких целей, во втором — конечной целью развития личности.

В классово-антагонистическом обществе процесс потребления опосредуется социальными условиями. Потребительство можно рассматривать как проявление процесса *отчуждения* личности в системе духовного

---

[57] *Рождественский* Р. И. Письмо в XXX век. — Юность, 1963, № 10, с. 4.

потребления. Оно воплощается в отчуждении продукта, протекании самого процесса потребления, в отчуждении потребителя как субъекта потребления от объекта потребления. В качестве основного продукта системы капиталистического духовного производства выступает «массовая культура» призванная осуществлять идеологическое и политическое влияние на субъекта потребления, служить инструментом манипулирования сознанием масс, быть источником капиталистической прибыли [58].

«Регулирование духовного производства и потребления в этих условиях осуществляется через отчуждение продукта творческой деятельности, который поступает в ценностный фонд только через аппарат «массовой культуры,— пишет В. Л. Глазычев.— Всеобщее внимание переключается с содержания акта творческой деятельности и его абсолютной ценности на относительную его ценность как предмета потребления. Наконец, регулирование осуществляется через утилизацию отчужденного продукта творческой деятельности, который замещает содержательную ценность акта творчества еще и дополнительной потребительской ценностью его «реализации» в массовом потреблении» [59].

Организация потребления формируется в капиталистическом обществе,— писал К. Маркс,— следующим образом: количественное расширение существующего потребления, создание новых потребностей путем распространения уже существующих потребностей в более широком кругу, а также производство *новых* потребностей [60]. Отчуждение продукта духовного производства в классово-антагонистическом обществе происходит вследствие извращения сущности процесса духовного производства и потребления. Духовные ценности вовлекаются в сферу товарного обращения и существуют в ней в качестве объектов «купли-продажи». Они предназначены для извлечения прибыли и лишаются тем самым функции быть предметом «деятельного субъек-

---

58 См.: Нечай О. Ф. Блеск и нищета «массовой культуры». Минск, 1984, 143 с.; Рейнгардт Л. Я. Современное западное искусство: Борьба идей. М., 1983, 359 с.; Гончаренко Н. В. Противоборство двух культур и ответственность искусства. Киев, 1984, 183 с.

59 Глазычев Г. Л. Проблема «массовой культуры». — Вопр. философии, 1970, № 12, с. 18—19.

60 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 385.

та». Присвоение духовных ценностей индивидом осуществляется здесь на уровне присвоения собственности, обладания вещью. Частная собственность порождает иллюзию, что человек осваивает лишь те предметы, которыми он обладает как собственник. Однако собственность на те или иные духовные ценности отнюдь не заключает в себе перевода скрытого в них человеческого содержания в достояние личности собственника[61]. Частная собственность не выводит потребление за рамки простого обладания. На место всех духовных чувств человека встает «простое отчуждение *всех* этих чувств — чувство *обладания»*[62].

В феодальном обществе одежда, оружие, карета, домашняя утварь являлись определенным знаком, указывающим на принадлежность их владельца к привилегированному сословию. При капитализме таким знаком выступает имущественное богатство — дома, автомашины, виллы, яхты, дорогие украшения и т. д. Функциональное значение потребляемой ценности отходит на второй план по сравнению с ее семиотической, знаковой характеристикой.

Отношение потребителя к продуктам духовного производства как к «вещам» по своей сущности бездуховно, поскольку истинная цель потребления — проникновение в замысел автора, обогащение собственного духовного мира остаются за рамками такого взаимодействия личности с духовными ценностями[63]. Погоня людей за обладанием символами социального статуса, воплощенными в определенных духовных ценностях, ведет в масштабах общества к количественному расширению существующего потребления, что является первым элементом в системе получения прибыли. Во-вторых, приобщение к миру определенных ценностей преподносится как принадлежность к соответствующей им социальной группе. Когда «набор» одних ценностей уже не приносит больше прибыли, то в качестве третьего этапа организуется производство новых потребностей и товаров. По словам К. Маркса, расширение круга продуктов и потребностей при капитализме

---

[61] См.: Можеева А. К. Указ. ст., с. 273.

[62] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 120.

[63] Природа отношений человека и его вещного окружения в различных социальных системах анализируется в кн.: Миролюбова Л. Р. Вещная среда как феномен культуры. Саратов, 1985, 136 с.

становится изобретательным» и всегда расчетливым рабом рафинированных, надуманных вожделений[64]. Механизм «социального символизма» возобновляет цикл этого «надуманного» потребления на новом этапе, являющимся «новым» лишь для производства продуктов и прежним — для самой личности человека, остающейся по-прежнему «одномерной» (Г. Маркузе). Вследствие односторонности пользования продуктами духовного производства человек не присваивает себе свою всестороннюю сущность, условия потребления ограничивают его целостность. Нарушается сама специфика духовной ценности, воплощенной в объекте потребления. Она должна зависеть от закона социального движения, она принадлежит предмету объективно,— замечает О. Г. Дробницкий, — а не соотноситься с чьими-либо предпочтениями[65].

«Истинное назначение духовных ценностей — быть средством воспитания и просвещения людей, их социализации, то есть единения на основе всестороннего развития личности»,— пишет В. Мотяшов[66]. Потребительство самоцельно, удовлетворение потребностей в нем — иллюзорно, оторвано от сущности потребляемого и его содержания; связь с потребляемыми благами внешне произвольна и случайна. Такая односторонность уродует внутренний мир личности, ограничивает его.

По словам К. Маркса, грубые потребности трудящихся масс — гораздо больший источник дохода, чем утонченная потребность богача. Капиталистическая система производства и потребления спекулирует как на утонченности потребностей, так и на их грубости, притом на искусственно вызванной и насаждаемой грубости. Истинным наслаждением для этой грубости, подчеркивает К. Маркс, является *самоодурманивание*, это *кажущееся* удовлетворение потребности[67]. Духовное потребление капиталистического общества формирует пассивную, «ориентированную на других» (Д. Рисмен) личность, человека-конформиста, неспособного к деятельному переустройству социальной системы.

---

64 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 129.

65 См.: Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. М., 1967, с. 329.

66 Мотяшов В. П. Потребляющий мир: за и против. М., 1976, с. 222; см.: Он же: Власть вещей и власть человека. М., 1985.

67 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с, 134,

Результатом потребительства является процесс отчуждения личности как следствие отчуждения продукта, отчуждения процесса и отчуждения собственных сущностных сил человека в условиях капиталистической системы организации духовного потребления. Включаясь в процесс деятельности (в то время как потребительство можно характеризовать как «псевдодеятельность»), индивид в процессе потребления производит «распредмечивание» духовных ценностей. Сущностные силы человека, реализуемые в этом процессе, являются результатом освоения им социального опыта предшествующих поколений[68].

Распредмечивание духовных ценностей требует особого труда индивида, результатом которого является приращение способностей субъекта потребления, проявления его задатков к «удвоению сознания» в процессе потребления. Развитие способностей личности в процессе такого «производительного потребления» и является подлинным богатством общества. Оно заключено в выявлении «творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых...»[69]. Новый уровень способностей и потребностей субъекта потребления через систему общественных отношений обусловливает и новый уровень производства, и в этом смысле «производительное потребление» является началом нового акта духовного воспроизводства.

При социализме, где классовые различия все более и более стираются, вещь уже не может использоваться как знак классовой принадлежности. Однако остатки престижного потребления имеют место и в нашем обществе[70]. Показательно, что в последнее время престижное потребление все в большей степени распространяется и на продукты духовного производства: ценные книги, редкие музыкальные записи, предметы декоративно-прикладного искусства и т. д. При этом часть людей, как правило, руководствуется не собственным вкусом, а вкусом той группы, престиж в глазах которой они

---

68 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 37.

69 Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 46, ч. 1, с. 476.

70 См.: Хабибулин К. Н. Псевдопотребности и борьба с ними. — В кн.: Духовные потребности в системе социалистического образа жизни. Л., 1979, с. 155.

стремятся приобрести. Престижное потребление и составляет сущность того явления, которое именуется «вещизмом», «потребительством». Вот почему борьба с этим явлением, глубоко чуждым по своей природе социалистическому образу жизни, предполагает выяснение основ этого явления.

Освоение духовных ценностей индивидом предполагает, как было показано выше, его собственную интенсивную работу, напряженный труд познания. Известно, что серьезным препятствием в деле коммунистического воспитания советских людей является определенная ориентация некоторых слоев населения на восприятие «облегченных», сугубо развлекательных произведений. Это касается и чтения художественных произведений, и музыки, кинематографии и даже театра. В определенной мере это стремление к «развлекательной культуре» объясняется увеличением психических и эмоциональных перегрузок, следствием современной урбанизации[71].

Однако было бы неверным противопоставлять развлечение воспитанию. К. С. Станиславский возражал тем, кто боялся признать искусство развлечением: «Не будем говорить, что театр — школа. Нет, театр — развлечение. Нам невыгодно упускать из наших рук этого важного для нас элемента. Пусть люди всегда ходят в театр, чтобы развлекаться. Но вот они пришли, мы закрыли за ними двери, напустили темноту и можем вливать им в душу все, что захотим»[72].

Опасность «развлекательной», бездумной культуры состоит в том, что она приучает человека поглощать информацию без особого напряжения ума, формирует из него дилетанта, насаждает потребительское отношение к духовным ценностям. Именно таково «непроизводительное потребление», причины его существования коренятся, как нам представляется, в следующем:

1. Недостаточно строг отбор произведений, поступающих для распространения в учреждения культуры. Несмотря на прямые указания июньского (1983 г.) Пле-

---

[71] См.: Проблемы коммунистического воспитания и развитие личности на современном этапе. — Вопр. философии, 1985, № 6, с. 29.

[72] Станиславский К. С. Статьи, речи, беседы, письма. М., 1953, с. 227.

нума ЦК КПСС[73], до сих пор многие конторы кинопроката дают «зеленую улицу» далеко не лучшим образцам западного кинематографа. Некоторые драматические театры страны год за годом имеют в своем репертуаре сугубо «кассовые» спектакли и т. д.

2. Основная причина отмеченных выше негативных тенденций заключается в серьезных недостатках работы школы, что отмечено в материалах по реформе общеобразовательной и профессиональной школы[74], которая до последнего времени не вооружала своих выпускников навыками самообразования и самовоспитания. Основные усилия учителей зачастую были направлены на то, чтобы дать учащимся определенную сумму готовых знаний по всем предметам, а не на формирование у них настоятельной потребности в постоянном пополнении знаний. Оканчивая школу, основная масса учащихся не умеет ориентироваться в книжной продукции, не владеет практическими навыками работы с компьютерами.

3. Наконец, нельзя не отметить, что у нас очень слаба система организации помощи самообразованию и методического руководства им. Единственными центрами самообразования, если не считать систему повышения профессиональной квалификации, являются народные университеты культуры, которые явно не в состоянии справиться с этой задачей.

Таким образом, не удивительно, что стремление к облегченному, непроизводительному потреблению еще существует среди определенной части населения, в том числе у молодежи. Мы полагаем, что серьезным недостатком как теории, так и практики коммунистического воспитания является недооценка органической связи воспитательного воздействия на человека (к чему обычно и сводят воспитание) с его активным самовоспитанием, включающим, наряду с другими элементами, и самообразование. Главное в марксистской теории «производительного потребления» — понимание активности самого субъекта потребления, а без нее невозможно само «производительное потребление».

---

[73] См.: Материалы Пленума ЦК КПСС, 14—15 июня 1983 г., с. 48.

[74] См.: Материалы первой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва, М., 1984, с. 63—155.

Активная жизненная позиция советского человека проявляется не только по отношению к труду, но и во всех основных сторонах его социальной деятельности, в том числе и в освоении духовных ценностей, то есть во всестороннем развитии его личности. Только «производительное потребление» ведет к саморазвитию, самосовершенствованию главного агента воспроизводства — личности человека.

Духовное потребление не заканчивает цикл воспроизводства, оно во многом предопределяет течение нового производственного цикла, выводит его на качественно новый уровень, что обусловлено самим характером расширенного духовного воспроизводства.

Сущность производительного потребления*

Духовное производство является начальным, исходным пунктом всего процесса духовного воспроизводства, конечным моментом которого является духовное потребление. Взаимодействие этих противоположностей, «развертывание этих противоположностей, противоречивых стремлений»[75] реализуются, по К. Марксу, через посредство потребительного производства и производительного потребления[76]. Анализ последнего тесно связан с изучением диалектики производства и потребления. Производительное потребление, с одной стороны, является отражением «идентичности» производства и потребления[77], с другой — сохраняет их непосредственную раздвоенность.

В процессе потребления индивид осваивает духовное богатство общества и одновременно воспроизводит свои способности и творческие возможности. Производительное потребление готовит личность к активному участию в создании новых духовных ценностей. «Производящий и воспроизводящий себя самого индивидуум»[78] — исходный момент и в то же время результат движения субъекта потребления в процессе производительного потребления. К. Маркс неоднократно под-

---

Употребление терминов «производительное» и «непроизводительное» потребление допумстимо и без кавычек.

[75] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 202.

[76] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 26, 27, 29.

[77] Там же, с. 29.

[78] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 718.

черкивал, что производство есть в то же время потребление сырья, энергии, рабочей силы. В то же время потребление необходимо для воспроизводства рабочей силы. В этом смысле каждая из этих противоположностей есть «свое-иное» для другой.

Единство и взаимопереход производства и потребления К. Маркс и раскрывает в терминах «потребительное производство» и производительное потребление. Феномен производительного потребления связан с развитием индивидуальных производительных сил, что в конечном счете способствует и прогрессу общественных производительных сил. За счет развития индивидуальных производительных сил происходит реализация сущностных сил субъекта. Через присвоение продукта духовного потребления «человек производит человека» (К. Маркс). Индивид является субъектом этого процесса, его исходным моментом и результатом в качестве «своего-иного». Процесс производительного потребления превращает индивида в *иного* субъекта[97], и в качестве этого «иного» он вступает в процесс производства.

Производительное потребление через развитие индивидуальных производительных сил субъекта дает ему возможность «породить из себя свое внутреннее богатство»[80], поскольку, по словам К. Маркса, действительным богатством прежде всего является «развитая производительная сила всех индивидов»[81]. Идентичность производств и потребления, с одной стороны, и их непосредственная раздвоенность — с другой, реализуются следующим образом: производство — потребительное производство — производительное потребление. Последнее и является моментом диалектической связи производства и потребления, и в то же время — необходимым элементом всего цикла общественного воспроизводства.

В «Теориях прибавочной стоимости» К. Маркс дал исчерпывающий анализ сущности производительного труда при капитализме: «Производительным является только тот наемный труд, который производит капитал»[82]. Такой труд есть не только в материальном, но

---

79 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 2, с. 221.
80 Маркс К, Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 120.
81 Там же, т. 46, ч. 2, с. 217.
82 Там же, т. 26, ч. 1, с. 133.

и в духовном производстве. В этом (и только в этом!) смысле актер или клоун может быть производительным работником, если он работает по найму у антрепренера и приносит ему прибыль, то же самое К. Маркс говорит и о писателе, труд которого обогащает капиталиста-книгопродавца[83]. Этим самым капитализм извращает и опошляет духовное производство. Важным для капиталиста оказывается не то, что духовное производство производит идеи (а в этом и состоит его предназначение), а то, что оно производит капитал. Отсюда неизбежен утилитарно-прагматический подход к духовному производству как к средству обогащения капиталиста. Вот почему в этих же рукописях 1861—1862 гг. К. Маркс приходит к важнейшему выводу: «...капиталистическое производство враждебно известным отраслям духовного производства, например искусству и поэзии»[84].

Социализм создал принципиально новый тип духовного производства, которое служит уже не умножению капитала, а развитию личности. Это и есть подлинно человеческое производство, когда люди производят «как люди». Именно при социализме и восстанавливается подлинный смысл производительного потребления, цель которого — развитие личности потребителя духовных ценностей. Значение духовного производства измеряется здесь уже тем, насколько оно производит человека.

Производительное потребление — оборотная сторона потребительного производства, воплощение идентичности производства и потребления. Первое из названных выше понятий характеризует потребление с точки зрения производства, второе — характеризует производство с точки зрения потребления. Понятие «производительное потребление» существует в системе определений, относимых не только к сфере материального воспроизводства, поскольку это понятие «приложимо и ко всякому другому (т. е. нематериальному.—*Л. К.* и *И. С.*) виду потребления, который с той или другой стороны, каждый в своем роде, производит человека»[85], — писал К. Маркс.

---

83 См.: Там же, с. 139.
84 Там же, с. 280.
85 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 716.

Производительное потребление — такой вид духовного потребления, которое через изменение субъекта потребления влияет на дальнейшее развитие духовного производства; в то же время это такое производство, которое направлено на производство личности человека, его всесторонности. Производительное потребление осуществляет реализацию творческих потребностей субъекта, а благодаря этому — и дальнейшее развитие общественного духовного производства и самого человека.

Итак, производительное потребление — это такой вид духовного потребления, который обеспечивает развитие и обогащение человеческой личности и тем самым готовит ее к участию в самостоятельном творчестве в сфере духовного производства. Духовное потребление по результату взаимодействия субъекта и объекта можно характеризовать двояко: как «производительное» и «непроизводительное», где за точку отсчета принимается характер этого взаимодействия: анализ того, насколько такое потребление влияет на развитие личности. При производительном потреблении процесс распредмечивания социальных свойств, качеств и отношений объекта носит динамичный характер и способствует развитию личности, ее индивидуальных производительных сил, ее способностей и потребностей.

Производительное потребление по своей сути бесконечно, оно нацелено на будущее, поскольку воплощает момент преобразующей производительной деятельности. Бесконечно оно и в силу отсутствия пределов роста творческих производительных сил индивида, которые направлены, с одной стороны, «во вне» — на духовное производство, с другой стороны «внутрь», на самого индивида. Непроизводительное же потребление завершает цикл на стадии функционального потребления, и в этом оно сходно с потреблением материальных ценностей[86]. Непроизводительное потребление поэтому не способствует развитию личности субъекта потребления, его способностей и возможностей, оно нединамично, ибо разрывает всю цепь нормального функционирования духовного воспроизводства[87].

---

[86] Непроизводительное потребление обычно ведет к потребительству. См.: гл. 2.

[87] См.: Власова Е. В. Проблемы потребления ценностей культуры (анализ «непроизводительного» потребления): Автореф. Дис... канд. филос. наук. Свердловск, 1982, 19 с.

В процессе духовного потребления происходит распредмечивание субъектом свойств, качеств и отношений объекта потребления. При этом сознание субъекта отражает реальные объективные черты объекта, воспроизводит его свойства (стороны). Идеальное, объективированное в духовных ценностях, превращается в объект потребления, «пересаживается» в человеческое сознание в результате отражения, одной из сторон которого является информационный процесс[88].

Как показывают исследования советских авторов, понятие информации является общенаучным, и в этом качестве оно обусловлено существенной связью с категорией отражения. По словам М. Розенталя, «понятие информации дает возможность более глубоко раскрыть содержание и сущность принципа отражения, его механизм, ...связать отражение с управляющей функцией высших форм материи»[89]. Научное понятие информации во многом отвлекается от содержательной стороны объектов, что в ряде случаев представляется необходимым, поскольку дает возможность выделить общее в духовных ценностях разных видов духовного производства[90].

Различные сферы духовного потребления в процессе взаимодействия с субъектом потребления образуют определенную систему. Степень развития систем (в том числе и системы духовного потребления) определяется их способностью к отражению[91]. Субъект духовного потребления, распредмечивая духовные ценности, спо-

---

[88] См.: Урсул А. Д. Отражение и информация. М., 1973 с. 180.

[89] Розенталь М. М. О характере развития философских категорий. — Коммунист, 1972, № 13, с. 110. В духовном потреблении в «скрытом» виде существует и познавательная деятельность. По мнению В. Г. Афанасьева, «информацию составляет та часть знания, которая используется для ориентировки, для активного действия, для управления, т. е. в целях сохранения качественной специфики, совершенствования и развития системы».—В кн.: Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975, с. 33).

[90] См., напр.: Чистов К. В. Теоретико-информационный аспект этнографического изучения современной духовной культуры. — В кн.: Советская культура: История и современность. М., 1983, с. 418—428.

[91] Отражение есть особая сторона взаимодействия, связанная с воспроизведением свойств, черт, структур одного объекта в другом. (Украинцев Б. С. Проблема активности отображения. — Вопр. филос., 1972, № 11, с. 82.)

собен к большей или меньшей степени адекватности отражения объекта. Все это и выступает причиной обращения к информационному подходу при рассмотрении особенностей духовного потребления в целом и производительного потребления в частности. Это обусловлено, по нашему мнению, следующими моментами:

1. Понятие «информации» является общенаучным и отражает реальные процессы взаимодействия между любыми материальными объектами, в том числе между субъектом и объектом духовного потребления.

2. Информационный процесс как один из видов отражения характеризует качественную сторону производительного потребления.

3. Понятие «адекватности отражения», определяющее характер взаимодействия субъекта и объекта производительного потребления, выявляет особенности способа распредмечивания духовных ценностей в процессе потребления.

4. Заключенная в духовных ценностях социальная информация, являясь отражением общественных связей и отношений, служит целям управления, в том числе — цели формирования определенного типа личности.

Рассмотрение производительного потребления с точки зрения теории информации дает объяснение некоторым феноменам этого явления, не освещенным в литературе. Современная наука связывает определение сигнала с понятием импульса, приводящего в действие те или иные системы. Сигнал воздействует на объект не своим вещественным или энергетическим состоянием, а прежде всего своим смыслом, информационным значением. Однако восприятие сигнала — начало, а не конец освоения продукта духовного производства. Без восприятия информации нет и освоения этого продукта, но такое освоение выступает результатом не простого восприятия информации, а ее последующей переработки в сознании человека, от чего зависит неоднозначность и различная глубина освоения духовной ценности разными людьми, воспринимающими одну и ту же информацию. Восприятие информации имеет место как при производительном, так и при непроизводительном потреблении духовных ценностей. Для процесса производительного потребления характерно опережающее отраже-

ние информации[92]. Развитая в предшествующих актах распредмечивания способность индивида к потреблению ведет к тому, что он воспринимает сигнал как стимул внутреннего информационного моделирования — образов, понятий, поведения. Наличие информационной стороны духовной ценности еще не делает ее сигналом. Индивид осуществляет ценностный подход к явлениям и предметам реальной жизни, их воздействию, выбирая для «присвоения» те из них, которые наиболее полно могут удовлетворить его потребности. Низкий уровень социальной информации, заключенный в некоторых духовных ценностях, не может вызывать опережающего отражения у субъекта потребления. Такое отражение ничего не дает для развития личности, демонстрируя пример непроизводительного потребления.

В качестве сигнала духовная ценность имеет управляющий аспект влияния на субъекта потребления, в силу чего «в каждый акт потребления вступает не только продукт, но и программа, способ действия с ним. Поэтому потребление оказывается в том числе и духовной деятельностью по воспроизведению программы использования продукта»[93].

Качественный уровень однопорядковых духовных ценностей, вовлеченных в процесс производительного потребления, определяется их смыслом, ценностью, а также информационным (семантическим или эстетическим) объемом воплощенного в них социального опыта, причем эта величина далеко не тождественна внешнему объему (лаконичность произведений поэзии, краткость математических формул заключают в себе большой запас информации). «Информационная избыточность» духовных ценностей по отношению к субъекту потребления выступает как их многозначность. Эта многозначность создает возможность вариативности распредмечивания духовной ценности, что обусловлено неадекватностью способов и уровня распредмечивания со стороны субъекта потребления. Одинако-

---

92 Об опережающем отражении информации см.: Ленинская теория отражения и современность. София, 1969, с. 135; Оруджев З. М. Указ. раб., с. 297; Кибернетика, мышление, жизнь. М., 1964, с. 326—339, 309—317; Аскаров Т. Художественная условность как эстетическое явление в свете ленинской теории отражения. Фрунзе, 1984, 198 с.

93 Абульханов Р. Ф. Об общественной природе деятельности потребления. — Вопр. филос., 1968, № 10, с. 58.

вый эффект взаимодействия объекта с несколькими субъектами возможен лишь в случае полной идентичности их социальных и индивидуальных характеристик, что практически невозможно.

В сфере общественного воспроизводства — как в производстве, так и в потреблении — взаимодействие субъектов с одними и теми же объектами дает неоднозначные результаты. Они выражаются в индивидуальности актов опредмечивания и распредмечивания, поскольку «деятельность... индивида в определенной сфере отличается от деятельности других индивидов той же самой сферы»,[94]—писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии». В процессе потребления объективные свойства и качества объекта по-разному преломляются в восприятии различных индивидов», в потреблении субъективируется вещь»,[95] — писал К. Маркс.

Каждый субъект вступает во взаимодействие, имея определенный опыт распредмечивания, определенный жизненный материал, привычный круг образов, ассоциаций, понятий. Это обусловливает неоднозначное распредмечивание одного и того же объекта разными людьми, которые осваивают разные информационные уровни объекта, разные «пласты» его сущности в соответствии со своим социальным опытом. Различия в результатах потребления могут быть обусловлены как множеством уровней распредмечивания у различных субъектов, так и развитием одного и того же субъекта в разные временные периоды. Уровень потребления зависит от «духовной биографии» человека. «Поэтому, — пишет В. Ф. Асмус, — два читателя перед одним и тем же произведением — все равно, что два моряка, забрасывающие каждый свой лот в море. Каждый достигнет глубины не дальше длины лота»[96].

Неоднозначное восприятие одних и тех же духовных ценностей разными субъектами связано с тем, что отражение может быть в той или иной степени неадекватным. Причины такой неадекватности могут быть как объективными (система общественных отношений, влия-

---

[94] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 442.

[95] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с, 25, (Курсив наш. — Л. К. и И. С.).

[96] Асмус В. Чтение как труд и творчество. — Вопр. литературы, 1961, № 2, с. 42.

ние среды), так и субъективными; в процессе потребления имеют значение и условия потребления, которые оказывают влияние и на процесс передачи информации, и на субъект потребления. Между объектом и субъектом духовного потребления находятся определенные «посредники» (издатели, комментаторы средств массовой информации, антрепренеры и т. д.), которые в соответствии с задачами того или иного класса в определенной мере формируют условия потребления, его направленность. При преломлении этого отражения возможно намеренно искаженное представление о сущности той или иной духовной ценности. Так, религия указывала на единственно возможный способ восприятия духовных ценностей, вовлеченных в ее сферу (произведений живописи, музыки, архитектуры и т. д.), как отражение идеи бога и его деяний, прославление его величия в противовес ничтожеству человека и тщетности его стремлений. Однако объективно заложенная в них социальная информация неизмеримо многограннее и обширнее, нежели узкие рамки религиозного восприятия данных ценностей. «Нередко продукт используется иначе, чем это было предусмотрено при его изготовлении, то есть программа его потребления воспроизводится критически»[97], — пишет Р. Ф. Абульханов.

Храм Василия Блаженного в Москве, иконы А. Рублева и Сикстинская мадонна Рафаэля, органные хоралы Баха при восприятии их современным человеком осознаются уже не как религиозные, а как общекультурные духовные ценности. Их художественная сторона, входящая при их создании в «план выражения», в настоящее время становится «планом содержания»[98], воплощением многообразного смысла социальной информации.

Путь человеческого познания идет от неадекватности отражения явлений природы и социальной действительности вследствие влияния религии и враждебной народным массам идеологии к истинности отражения во всех сферах человеческой деятельности.

«Информационная избыточность» духовных ценностей объясняет и возможность различной оценки одной

---

97 Абульханов Р. Ф. Указ ст., с. 58.

98 Терминология Л. Ельмслева, см.: Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1960, вып. 1, с. 312.

и той же духовной ценности в разные исторические эпохи. Определенный набор структурных элементов объекта позволяет выделять как основные те из них, которые представляются соответствующей эпохе как главные, и соответственно оценивать их.

Неодинаковое восприятие объекта духовного потребления в различные эпохи можно иллюстрировать, например, использованием философского наследия Аристотеля. Двойственность, сомнения, колебания которого между идеализмом и материализмом, отразившиеся в его работах, дали возможность неоднозначного понимания их содержания. Так, в средние века Фома Аквинский задался целью обратить против материалистов— «еретиков» — их же мощнейшее оружие — аристотелизм, предварительно обезвредив его, приспособив к нуждам и требованиям церкви, убив в нем все живое и мятежное[99]. Попытки такого прочтения работ Аристотеля предпринимались неоднократно, и в конце концов, по словам В. И. Ленина, «поповщина убила в Аристотеле живое и увековечила мертвое»[100]. Гегель в своей интерпретации идей древнегреческого философа всячески затушевывал материалистические черты его учения, «прикрывал» слабость Аристотеля, многое «натягивал» под идеализм, комкал критику платоновских идей»[101].

А. И. Герцен в «Письмах об изучении природы» при изложении основных положений древнегреческой философии, в частности учения Аристотеля, выдвигал на первый план, в отличие от Гегеля, материализм философских взглядов Аристотеля. Однако на трактовке Герценом наследия Аристотеля сказалась определенная ограниченность русской философской мысли того времени, что проявилось в непонимании им материальных основ развития общественного сознания, их обусловленности общественным бытием[102]. И лишь В. И. Ленин в «Философских тетрадях» с позиций идеологии революционного пролетариата сумел дать единственно научный анализ философских взглядов Аристотеля.

---

99 См.: Быховский Б. Э. Дж. Беркли: ретоградный новатор. — Вопр. филос., 1968, № 10, с. 125.

100 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 325.

101 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 254—256.

102 См.: Смирнова З. В. Комментарии к «Письмам об изучении природы». — В кн.: Герцен А. И. Собр. соч. В 30 т. М., 1954, т. 3, с. 333.

Недооценка ряда духовных ценностей науки в процессе исторического развития человечества происходила потому, что они нередко опережали современный уровень общественного сознания (открытия Леонардо да Винчи в области воздухоплавания, гидравлики, механики, геометрия Лобачевского, идея реактивного двигателя Циолковского и т. д.).

Неадекватное отражение социальной информации, заложенной в объекте, проявляется и в том, что новаторские произведения, отражающие новое содержание в соответствующих ему формах, а следовательно, нетрадиционно организованные структурно, определенное время могут оставаться непонятыми современниками, поскольку традиционный способ распредмечивания не дает возможности адекватного отражения заложенной в них информации; в итоге потребление остается на уровне непроизводительного.

Многозначность духовных ценностей не беспредельна. Она структурно организована и поэтому может быть воспринята отдельным индивидом, который интегрирует в себе определенные черты класса, общества, но остается при этом неповторимой индивидуальностью. Субъект потребления воспринимает заложенную в духовной ценности информацию в определенных границах ее структуры. При первоначальном ознакомлении с объектом не все его структурные элементы могут быть восприняты достаточно полно. Эта полнота достигается лишь при изоморфизме структур субъекта и объекта потребления. При многократном восприятии одних и тех же (или сходных) объектов происходит более полное усвоение заложенной в них информации. Это проявляется в новом осмыслении фактов субъектом, новом строе чувств и настроений, вызванных восприятием духовной ценности.

Информационные каналы человека при отсутствии определенных духовных ценностей становятся менее «гибкими», что ведет к обеднению восприятия, снижению эффективности производительного потребления. Ф. Энгельс писал Ф. Лассалю: «...вследствие столь долгого бездействия... мой вкус... так притупился, ...что порой даже мало чего стоящие произведения при *первом* чтении производят на меня известное впечатление»[103].

---

[103] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 491.

«Информационная избыточность» духовных ценностей, выступающая как их многозначность, объясняет причину вариативности их распредмечивания. Неполный изоморфизм информационной структуры духовной ценности, ее восприятия субъектом приводит к ситуации, когда человек оказывается не в состоянии воспринять заключенную в объекте информацию. Полный (или близкий к нему) изоморфизм этих структур обусловливает и высший уровень духовного потребления. При этом информационная структура духовной ценности способна осваиваться субъектом, который соответственно «настраивает» и организует свою систему чувств, сознания и воли. Воздействие духовных ценностей захватывает, по-видимому, не только идейно-познавательную, но и более глубинную — волевую сферу сознания. Внутренняя структура духовных ценностей зачастую дает не логические, а лишь психологические импульсы, стимулирующие появление новых ассоциаций, образов, поворотов мысли[104], то есть эффект производительного потребления. По свидетельству А. Эйнштейна, музыка была способна интенсифицировать его научные исследования. Он подчеркивал, что «Достоевский дает мне больше, чем любой мыслитель, больше, чем Гаусс»[105]. По-видимому, существует связь между информационными структурными образованиями духовных ценностей разного рода. Так, освоение художественных ценностей, при котором «цельность образа, гармония одновременно характеризующих его деталей, мелодия последовательно следующих одна за другой сцен (она может включать диссонансы, но никогда не включает произвольных элементов), необходимость каждой детали соответствуют закономерной однозначности научной картины явлений»[106]. Литературные произведения оставили нам математики С. Ковалевская, В. Буняковский, Ч. Додсон (А. Кэррол). С другой стороны, явные математические способности отмечались у целого ряда писателей — А. Грибоедова, Н. Гоголя, М. Лермонтова и других[107].

---

[104] См.: Филипьев Ю. А. Сигналы эстетической информации. М., 1971, с. 69.

[105] Кузнецов Б. Г. Эйнштейн. М., 1962, с. 87.

[106] Там же, с. 89.

[107] См.: Платонов К. К. Проблемы способностей. М., 1972, с. 176; Павловский Е. Н. Поэзия, наука и ученые. М., 1958, 155 с.

Многократность использования информационных входных каналов в процессе духовного потребления ведет к развитию у человека высокой обобщающей способности. При этом обобщению подвергаются не только характерные черты определенного круга явлений (например, науки или искусства), но и существенные стороны разных сфер жизнедеятельности. Тем самым увеличивается многообразие связей субъекта с окружающим миром. Известно, что «действительное духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений...»[108]. Сигнальные импульсы духовных ценностей способны действовать по «принципу реле», то есть малым импульсом открывать каналы для осуществления более значительных действий и таким образом способствовать диалектическому переходу от производительного потребления к потребительному производству. В качестве такого «реле» могут служить разные объекты. Например, научный факт, дающий толчок для создания обобщающей теории; художественный образ или деталь, которые способны организовать потенциальные силы воображения (так, герой пьесы А. П. Чехова «Чайка» Треплев с завистью говорит об умении отбирать детали повествования, когда «на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса — вот и лунная ночь готова...»[109]). Потребление полагает свой предмет идеально, как внутренний образ, как влечение и как цель[110]. В духовных ценностях в субъективной форме заключена определенная и д е я создавшего их общественного сознания, они представляют собой единство отражения и фиксации волевых элементов ориентировочных связей взаимоотношений индивида и общества. В. И. Ленин в «Философских тетрадях» писал: «Идея есть *познание* и стремление (хотение) человека»[111].

Духовная ценность и заключенная в ней идея выступают не только как отражение явлений окружающего мира, но и как волевой возбудитель. Такой момент в идеях, по мнению Ю. А. Филипьева, является своеобразным психомоторным настраивающим импульсом.

---

108 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 36.
109 Чехов А. П. Рассказы. Повести. Пьесы. М., 1974, с. 608.
110 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 28.
111 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 177.

Идея выступает не только отображением, но и организующим сигналом. Волевая сторона идеи, заключенной в духовных ценностях, является «скрытой», находится в изоморфном состоянии структуры отражательного момента[112]. Соотношение волевых и отражательных моментов не одинаково проявляется в структурах различных духовных ценностей. В духовных ценностях науки преобладают отражательные моменты, в духовных ценностях морали, искусства, религии выше «удельный вес» волевых импульсов. Последние являются концентрированным выражением данных идей как внушающих импульсов, происходит апелляция не только к отражающей стороне объекта, но и к волевому, внушающему моменту. Не только передовые, но и ложные идеи способны оказывать воздействие на людей, и в этом случае они «блокируют» стремление к правильному отражению действительности. Поэтому не случайно правящие круги классово-антагонистических формаций всячески препятствуют распространению и потреблению передовых, «крамольных», с точки зрения существующего строя, духовных ценностей в области общественных наук, морали, искусства и т. д.

Социалистический строй создал необходимые условия для осуществления производительного потребления всеми трудящимися; у них появилась возможность реализовать на практике не только отражательные, но и волевые моменты, заключенные в содержании духовных ценностей. Но это не значит, что такая возможность уже реализуется каждым членом общества.

Итак, производительное потребление является высшим типом духовного потребления, поскольку оно способствует формированию субъекта потребления как социального существа со всем многообразием его общественных связей и отношений.

Качественную сторону производительного потребления в определенной мере характеризует информационный процесс как один из видов отражения, возникающий в результате взаимодействия субъекта и объекта потребления. Социальная информация, заключенная в духовных ценностях, пройдя этап распредмечивания в процессе потребления, служит целям управления духовным развитием субъекта.

---

112 См.: Филипьев Ю. А. Указ. раб., с. 78.

Производительное потребление, будучи необходимым моментом процесса духовного потребления, всегда детерминировано социальными условиями и зависит от них.

Производительное потребление в условиях социализма

Наличие производительного потребления обусловлено процессом взаимодействия субъекта (индивид, группа, класс) с объектом потребления (духовные ценности). Марксистско-ленинский подход к проблеме производительного потребления требует, во-первых, раскрытия роли социальных условий как материальной основы производительного потребления, во-вторых, исследования его как развивающегося процесса; в-третьих, учета не только роли социальных условий, но и активности самого субъекта потребления.

Объективными условиями успешного развития производительного потребления являются: 1) определенный уровень развития производительных сил; 2) позиция господствующего класса по отношению к процессу потребления, направленное руководство этим процессом; 3) соответствие действия закона «возвышения потребностей» характеру и уровню развития производительных сил.

Субъективными условиями производительного потребления являются: 1) наличие установки субъекта на потребление подлинных духовных ценностей, внутренней потребности в них; 2) активность и интенсивность потребления; 3) ресурсы, направленные на духовное потребление (например, материальные средства, объем свободного времени и т. д.).

Личность формируется в процессе ее общественной жизнедеятельности. Производительное потребление являясь одним из моментов этого процесса, выступает в то же время важным условием формирования и развития личности. Производительное потребление как один из необходимых компонентов диалектической связи духовного производства и духовного потребления в той или иной мере существовало во все времена. Однако его всеобщий характер был ограничен для большинства населения социально-экономическими рамками классово-антагонистического строя. Производительное потребление было присуще, как правило, духовному

потреблению представителей узкого слоя правящих классов и интеллигенции.

Социализм обогатил историю человечества опытом духовного раскрепощения трудящихся. Закономерным продолжением политической революции в нашей стране стала революция культурная. Итогом социалистических преобразований системы духовного воспроизводства за годы Советской власти явилось не только превращение широких народных масс в субъект духовного производства, ликвидация отчуждения в духовной жизни общества, но и коренное изменение роли народных масс как субъекта духовного потребления.

Превращению трудящихся в субъект духовного производства при социализме способствовали материальные и духовные предпосылки, возникшие еще в недрах капиталистического строя, который, по словам В. И. Ленина, есть «полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*»[113]. Ликвидация отчуждения в духовной жизни общества в условиях социализма ведет к превращению широких народных масс в действительный субъект духовного производства.

Социализм уничтожил социальную изолированность духовного производства, когда в качестве его объекта выступала масса населения, занятая в основном тяжелым физическим трудом, а субъектом этой деятельности являлись немногие привилегированные, занятые государственными делами, искусством и наукой[114]. С изменением социальных условий изменяются и сами производители, «вырабатывая в себе новые качества, развивая и преобразовывая самих себя благодаря производству, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык»[115], — писал К. Маркс.

В условиях социалистического строя коренным образом изменяется роль народных масс как субъекта духовного потребления. Уровень духовного потребления общества в определенной мере зависит от

---

[113] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 193.
[114] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 186.
[115] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 483—484.

двух социально обусловленных факторов: степени вовлечения в этот процесс членов общества (всей массы или его отдельных социальных слоев, классов), а также от объема духовных ценностей современности и прошедших эпох, предназначенных для потребления, их качественного состава.

Одной из предпосылок осуществления производительного потребления при социализме явилось предоставление всем членам общества, которые прежде, по замечанию В. И. Ленина, были «ограблены» в смысле образования, света и знания[116], равной возможности пользования духовными ценностями. Равенство доступа всех членов общества к духовным ценностям реализуется при социализме путем увеличения свободного времени для освоения духовных благ, ростом образования и культурного уровня трудящихся, «чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т. п. развитие индивидов»[117].

В результате социалистической культурной революции общенародным достоянием стали все ценности культуры, духовные богатства, которые выработало человечество за время своего исторического развития. Изменился количественный и качественный уровень духовных ценностей, вовлеченных в сферу потребления; для всего народа «становится возможным приобрести способность пользоваться этим всесторонним производством всего земного шара (всем тем, что создано людьми)»[118].

Предоставление трудящимся возможности пользоваться многообразными духовными ценностями было лишь первым шагом на пути практического овладения этими богатствами, поскольку «...для того, чтобы пользоваться множеством вещей, человек должен быть способен к пользованию ими, т. е. он должен быть в высокой степени культурным человеком»[119]. Необходимо было, по мнению В. И. Ленина, пробудить в народных массах стремление к свету и знаниям, осуществить подъем «снизу» тех слоев трудящихся, которым прежде эти знания были недоступны и не нужны.

---

[116] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 127.
[117] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 2, с. 214.
[118] Там же, т. 3, с. 36.
[119] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 386.

Реальное соединение широких масс трудящихся с духовными ценностями, происходящее в общегосударственном масштабе, было одной из основных предпосылок осуществления производительного потребления всей массой трудящихся. По словам Д. Рида, «вся Россия училась читать и действительно *читала* книги по политике, экономике, истории — читала потому, что люди хотели *знать*... Жажда просвещения, которую так долго сдерживали, вместе с революцией вырвалась наружу со стихийной силой»[120].

Важным условием реализации возможности производительного потребления явилось партийное и государственное руководство этим процессом. Возникавшие на местах почины народных масс по созданию народных самодеятельных театров, агитпоездов, рабфаков и т. д. поддерживались партийными и государственными организациями и распространялись по всей стране. Сами эти почины были откликом трудящихся на призывы и лозунги партии, решения партийных съездов, на выступления В. И. Ленина.

Руководство этим процессом предусматривало решение ряда проблем, в том числе и решение вопроса о том, какие духовные ценности будут предназначены для потребления. Особенностью духовных благ является их способность удовлетворять потребности людей разных исторических эпох. Эта специфическая черта духовных ценностей игнорировалась теоретиками Пролеткульта. Их внеисторический подход к проблеме духовных ценностей заключался в отрицании значения культурного наследия прошлых эпох для создания и развития культуры в условиях социалистического переустройства общества. Пафос выступлений деятелей Пролеткульта заключался в провозглашении «чистоты» пролетарского искусства, науки, морали и т. д. от традиций и форм создания духовных ценностей прошлого.

В труде «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин дает резкую партийную критику идеалистической теории «эмпириомонизма» А. Богданова, согласно которой из «хаоса ощущений» вырастает «психический опыт», который предшествует «физическому опыту»[121]. Эту идеалистическую теорию А. Богданов

---

120 *Рид* Д. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1958, с. 35.

121 См.: *Ленин* В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 237—238.

применяет и к характеристике культуры. Последняя представляет собой «мысленную конструкцию», синтез «психического опыта» пролетариата. Эта «мысленная конструкция» не имеет связи с предшествующей культурой человечества, более того, она требует «расчистки почвы» от всех остатков этой предшествующей культуры.

Таким образом, отрицалась не только преемственность культуры, но и непрерывность самого культурно-исторического процесса, который оказывается не чем иным как конгломератом подобных «конструкций», фиксирующих «психический опыт» разных классов. Не трудно видеть, что при таком подходе вопрос о производительном потреблении отпадает, ибо для творения новых ценностей культуры с этой точки зрения ,совершенно не нужно (более того — вредно!) осваивать ценности предшествующего развития культуры. Положения К. Маркса о производительном потреблении исходят из диалектического единства прерывности и непрерывности культурно-исторического процесса, ибо производство новых ценностей культуры невозможно без освоения предшествующих. Это и обеспечивает преемственность как одну из основных закономерностей культурно-исторического процесса[122].

Пролеткульт разрывал производство и потребление духовных ценностей. Но это только одна сторона проблемы. Другая ее сторона состоит в том, что классовое в культуре противопоставлялось ими общечеловеческому. Пролетарская культура последовательно классова, но поскольку пролетариат выражает интересы всех трудящихся классов и слоев населения, постольку она несет в себе подлинно общечеловеческое содержание. Не случайно поэтому после победы социалистической революции пролетарская культура в столь быстрые сроки была воспринята крестьянством и интеллигенцией и стала общенародной культурой, оставаясь по своему классовому содержанию и генезису культурой рабочего класса.

Отторжение пролетарской культуры от всей предшествующей культуры, от демократической культуры сов-

---

[122] См напр., Джангужин Р. Н. Новаторство как традиция: Проблемы преемственности в развитии художественной культуры. Алма-Ата, 1982, 175 с.; Ладыгина А. Б., Гринин В. В. О преемственности в искусстве. М., 1982, 63 с.: Проблема наследия в теории искусства. М., 1984, 300 с.

ременности принижало пролетарскую культуру, ибо лишало ее присущего ей общечеловеческого содержания. Стремление Пролеткульта заменить «старые» духовные ценности «новыми», не имеющими никакой связи с предшествующими, оборачивалось на практике попыткой разрушения классической демократической культуры. Овладение духовными ценностями прошлого, раскрытие их многообразных связей с современностью представляет собой момент «разумного познания», диалектики явлений, которая заключается, по мысли Гегеля, в том, чтобы «удерживать положительное в *его* отрицательном, содержание предпосылки — в ее результате», поскольку «результат содержит в себе свое начало, и дальнейшее движение этого начала обогатило его (начало) новой определенностью». В соответствии с действием закона «отрицания отрицания», развитие любого явления, пишет далее Гегель в «Науке логики», «поднимает выше всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения... но уносит с собой все приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя»[123].

Диалектический подход к явлениям развития духовной жизни общества подразумевает в качестве первого этапа освоение богатств, которое выработало человечество, затем переработку их общественным сознанием с точки зрения марксистско-ленинского мировоззрения, и уже на этой основе — производство новых духовных ценностей и освоение их в процессе потребления.

В условиях социализма духовные ценности, созданные как профессиональными, так и самодеятельными авторами, приобретают всеобщий характер и по способу создания, и по характеру потребления, поскольку они служат единой цели — развитию личности человека труда. В процессе управления духовной жизнью общества духовные ценности выступают в качестве одного из способов регуляции, организации сознания и поведения людей, поскольку они являются единством двух сторон — отображающей (содержательной) и целевой (управляющей). Социалистические общественные отношения через посредство производительного потребления меняют содержательную сторону этого регу-

---

[123] Гегель. Соч. М., 1939, т. 6, с. 308, 315.

лирования, превращая его в необходимое условие развития личности.

Анализ производительного потребления как развивающегося процесса связан, с одной стороны, с рассмотрением вопроса о взаимодействии субъекта с объектом потребления, и с другой — с выяснением влияния общественных отношений на ход этого процесса. Динамичный характер производительного потребления обусловлен следующими моментами:

1) на категориальном уровне этот процесс является отражением диалектической связи духовного производства и духовного потребления, воплощением двойственной природы этого явления, его идентичности и раздвоенности;

2) на содержательном уровне производительное потребление может рассматриваться как один из результатов особого характера взаимодействия субъекта и объекта потребления, итогом которого становится изменение качественного состояния субъекта, выходящего на более высокий уровень развития и вследствие этого задающего «маршрут» развитию духовного производства.

Духовные ценности и субъект потребления могут рассматриваться как элементы, взаимодействующие в процессе потребления. Тот факт, что эти элементы находятся во взаимной связи, воздействуют друг на друга, уже представляет собой момент движения. Духовная ценность, будучи объектом потребления, воздействует на сознание и поведение субъекта. Движение в процессе духовного потребления специфично, поскольку оно отражает не перемещение объектов в пространстве, а деятельность мышления субъекта потребления, движение его сознания. В процессе распредмечивания человек осуществляет «присвоение... предметов как *мыслей* и *движений мыслей*»[124].

Динамичность производительного потребления может проявляться как процесс внутренней переработки потребляемого объекта. Например, тщательнейшее изучение сочинений Гегеля, Фейербаха, Лассаля и других философов послужило В. И. Ленину основой для создания «Философских тетрадей», которые стали ярким примером того, как познание оказывается побуждающим мотивом рождения собственных оригинальных мыслей,

---

[124] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 157.

выводов, обобщений[125]. В качестве объектов внутренней переработки выступают духовные ценности, воплощенные в вещественной или деятельностной форме, а также — в нормы, обычаи и традиции. Результатом потребления является эффект «социального удвоения» духовных ценностей, поскольку к процессу восприятия субъекта «присоединяются не только еще другие чувства, но и деятельность нашего мышления»[126], писал Ф. Энгельс, а мышление субъекта всегда носит общественный характер. В этом и кроется «секрет» того, что духовные ценности настоящего не «отменяют» ценностей прошлого, а дают возможность посредством производительного потребления создавать все новые и новые духовные ценности. Говоря о ценностях науки, Г. Н. Волков пишет, что они «продолжают свою производительную жизнь в сочетании с новыми идеями или в виде основы для выведения новых теоретических принципов и концепций... Они будут продолжать эту службу и через 100, 200, 1000 лет как песчинки и кирпичики в фундаменте грандиозного научного здания»[127].

Механика И. Ньютона обобщила ранее открытые отдельные законы, электродинамика Дж. Максвелла синтезировала и глубже раскрыла известные уже законы электричества, магнетизма и оптики и получила дальнейшее развитие и обобщение в электронной теории Г. Лоренца. В квантовой механике такой обобщающей теоретической основой стало волновое уравнение Э. Шредингера, получившее дальнейшее развитие в релятивистской теории П. Дирака[128].

Условия развитого социалистического общества требуют непрерывного поступательного движения в сфере производства и потребления. Общество в условиях социализма стимулирует непрерывное развитие самих субъектов деятельности через практическую реализацию их способностей. Этот итог духовного потребления является результатом производительного потребления, существование которого К. Маркс связывал прежде всего с развитием коммунистической общест-

---

125 См.: Кедров Б. М. Из лаборатории ленинской мысли. М., 1972.

126 Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 20, с. 554.

127 Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса. М., 1976, с. 221—222.

128 См.: Закономерности развития и методы познания современной науки. Минск, 1978, с. 53.

5. Заказ 5430.

венно-экономической формации. С точки зрения теории способностей производительное потребление является моментом качественного преобразования системы способностей субъекта потребления, «переводом» ее в динамическое состояние.

Развитие любой способности человека, утверждал С. А. Рубинштейн, совершается в виде движения по спирали: реализация возможностей, которые представляет способность данного уровня, открывает новые возможности для дальнейшего развития способностей более высокого уровня[129]. Эта способность более высокого уровня отражает «добавление» чего-то нового к прошлому опыту и впоследствии объективирует себя в продукте труда. «Новый продукт, орудие, научное открытие еще не содержатся в этом случае ни в тех объектах, которые были созданы ранее, ни в самом субъекте. Они появляются только в результате взаимодействия субъекта с объектом и только через деятельность субъекта»[130], — пишет Т. И. Артемьева. Совокупность различных способностей субъекта (включая и самое способность к потреблению духовных ценностей) представляет собой определенную систему. Внутри этой системы одни способности находятся в активном состоянии взаимодействия со средой, другие — еще не «включены» в него, и лишь получив объект взаимодействия, актуализируются. «Общий закон образования способностей состоит в том, — считает Л. А. Венгер, — что они формируются в процессе овладевания и выполнения видов деятельности, для которых они необходимы»[131]. Принцип общественного характера развития способностей разработан в предложенной Т. И. Артемьевой[132] дифференциации их на потенциальные и актуальные.

Потенциальные способности включают такие способности индивида, которые могут быть реализованы в определенных конкретно-исторических условиях и выступают продуктом всего предшествующего развития человечества. Актуальные способности — это *реализованные* способности людей на основе имеющегося

---

129 См.: *Рубинштейн* С. Л. Проблема способностей и принципиальные вопросы психологической теории. — В кн.: Тез. докл. на I съезде общества психологов. М., 1959, вып. 3, с. 138.

130 *Артемьева* Т. И. Методологический аспект проблемы способностей. М., 1977, с. 112.

131 *Венгер* Л. А. Педагогика способностей. М., 1973, с. 66.

132 См.: *Артемьева* Т. И. Указ. раб., гл. 1, 4.

у них уровня культуры и конкретных социальных условий. Это способности индивидов, проявляющиеся, по словам К. Маркса, в их «живом труде». Потенциальные способности отражают общественную возможность развития индивида, а актуальные — реализация этой возможности индивидом в данных конкретно-исторических условиях. Потенциальные и актуальные способности людей выступают определенным показателем характера социальных условий, в которых происходит развитие способностей индивида[133].

В сфере духовного потребления (как и в сфере производства) происходит актуализация способностей субъектов, причем социальные условия определяют масштабы и возможности развития этих способностей. Соединение благоприятных общественных условий для развития способностей с активной жизненной позицией самой личности является необходимым условием реализации ее потенциальных способностей, становления и развития их как актуальных. Социализм создает условия не только для развития способностей, но и для их практического, активного использования на благо общества. Ф. Энгельс в работе «Принципы коммунизма» писал, что общество, основанное на коммунистических началах, «даст возможность своим членам всесторонне применять свои всесторонне развитые способности»[134].

Б. Г. Ананьев установил важный для теории способностей факт, что «в процессе данной деятельности формируются не только соответствующие способности, но и первичные элементы способностей к другим смежным деятельностям»[135]. Способности человека представляют собой многокомпонентную структуру разных уровней. Возможность индивида приспосабливаться к требованиям внешней среды поистине безгранична. В процессе духовного потребления личность раскрывает свою общественную сущность через взаимодействие с миром духовных ценностей. Она распредмечивает сущностные силы, воплощенные в ценностях предшествовавших эпох и современности, и одновременно «творит самое себя». Развитие способностей субъекта возможно лишь

---

133 См.: Артемьева Т. И. Указ. раб., с. 166.

134 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 336.

135 Ананьев Б. Г. О взаимосвязях в развитии способностей и характера. — В кн.: Доклады на совещании по психологии личности. М., 1965, с. 95.

в условиях практического, активного освоения им объекта потребления.

Таким образом, развитой социализм создает (конечно, еще не в полной мере) не только условия для развития способностей индивидов, но и возможность для практического использования этих способностей в интересах общества и самого индивида. Деятельность потребления ведет к появлению новых духовных потребностей, активно воспроизводит потребности на более высоком уровне. Здесь находит проявление открытый К. Марксом и Ф. Энгельсом закон возвышения потребностей, действующий как в области материального, так и духовного потребления. «Сама удовлетворенная первая потребность, — писали они,— действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим актом»[136]. При социализме происходят глубокие качественные изменения в характере духовных потребностей, в их структуре и развитии.

Итак, динамическому характеру производительного потребления способствует: 1) активный момент опережающего отражения субъектом объекта в процессе мыслительной переработки последнего; 2) изменение самого субъекта духовного потребления, ведущее к преобразованию сферы духовного производства; 3) актуализация способностей субъекта, становление их творческого характера.

В условиях развитого социализма происходит и усложнение самого духовного потребления, что проявляется в количественном изменении сферы духовного потребления, ее расширения за счет все большего включения людей в общественно-политическую, управленческую и другие сферы деятельности, овладения ими техническим и художественным творчеством.

Усложняется качественная сторона духовного потребления, поскольку в сферу потребления поступают новые, нетрадиционно структурно организованные виды духовных ценностей (художественная фотография, телеискусство и т. д.). Они передаются потребителю новыми, неизвестными ранее, средствами массовой информации. Успехи науки и техники делают возможным потребление «синтеза» духовных ценнос-

---

[136] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 27.

тей (например, цветомузыка), а также принципиально иного восприятия объектов потребления объемно-пространственного вида (голографическое изображение, стереомузыка, стереокино).

Огромное значение приобретает распространение духовных ценностей науки с их сложным языком абстракций, образов и понятий. Количество научной информации удваивается каждые 10—15 лет. Рост числа ученых обгоняет рост количества занятых во всех остальных отраслях общественного производства[137]. Новые духовные потребности людей вызывают изменение в системе производства и потребления; то есть происходит «сайентификация» культуры. Все это требует от человека новых качеств, их интенсивного развития в соответствии с ускорением социального ритма жизнедеятельности общества и всех его сфер.

Производительное потребление обязательно предусматривает активность субъекта, которую мы понимаем как меру его участия в созидательном процессе деятельности духовного потребления. Активность потребления[138] выступает как следствие социальных преобразований.

Характеризуя человеческую деятельность, Э. С. Маркарян пишет, что это «направленная активность людей, выражающаяся в их действиях. Это процесс в целом координированно осуществляемых действий, которые возникают на основе взаимодействия людей с внешней средой»[139]. Потребление можно рассматривать как отражение активности субъекта, направленной на объекты потребления или на самого субъекта. Овладение субъектом общественной сущностью духовных ценностей происходит в процессе индивидуального акта деятельности как переход от простых способов распредмечивания к более сложным, от начального уровня освое-

---

[137] См.: Урсул А. Д. Указ. раб., с. 183.

[138] Понятие активности рассматривается в работах Н. А. Бернштейна, Л. И. Иванько, М. С. Кагана, А. В. Маргулиса, Э. С. Маркаряна, В. Г. Мордковича, В. П. Тугаринова, В. А. Смирнова; Духовная активность в жизнедеятельности общества. Л., 1984, 154 с.; Ануфриев Е. А. Социальный статус и активность личности: Личность как объект и субъект социальных отношений. М., 1984, 287 с.; Елютина М. Э. Методологические проблемы формирования активной жизненной позиции личности: Автореф. Дис... канд. филос. наук. Саратов, 1984, 23 с.

[139] Маркарян Э. С. Вопросы системного рассмотрения культуры и человеческой деятельности. Ереван, 1972, с. 209.

ния социальной информации, заложенной в духовной ценности, к освоению сущности более высокого порядка. Активность духовного потребления в процессе производительного потребления и является отличительным моментом последнего по сравнению с непроизводительным потреблением.

Итак, побудительной силой перевода потребления на более высокий «этаж» является активность социального субъекта. Наличие объективных условий для широкого круга потребления духовных ценностей еще не гарантирует возвышения потребностей индивида, для этого «необходимо учитывать активную позицию самой личности, ее состояние и стремление использовать внешние благоприятные условия для своего собственного развития»[140], — пишет Т. И. Артемьева.

Особенностью социальной активности является ее добровольный характер. Эту черту выделяли К. Маркс и Ф. Энгельс, говоря, что действительная активность субъекта проявляется не в любой деятельности, а лишь в самодеятельности[141], поскольку она воплощается в поступках и действиях субъекта, обусловленных внутренней свободой, а не внешней необходимостью. Для производительного потребления народных масс при социализме необходимым условием является наличие благоприятных общественных факторов (материальной основы для осуществления потребления, общественно-политического и культурного равенства, увеличения объема свободного времени и т. д.).

Деятельность по производству и потреблению духовных ценностей дает возможность индивиду обнаружить и развить свои способности: «понятие (=человек) есть *стремление* реализовать себя, дать себе через себя самого объективность в объективном мире и осуществить (выполнить) себя»[142], — писал В. И. Ленин.

Социалистический общественный строй производит *«богатого и всестороннего, глубокого во всех его чувствах и восприятиях»*[143] человека. Формирование такого человека К. Маркс связывал с возможностью в новых условиях присваивать, овладевать миром челове-

---

140 Артемьева Т. И. Психология способностей и всестороннее развитие личности. — В кн.: Принцип развития в психологии. М., 1978, с. 143.

141 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 441.

142 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 194.

143 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 122—123.

ческих предметов в отличие от присвоения их отчужденной сущности в условиях классово-антагонистического общества. Неотъемлемой стороной богатства социалистических общественных отношений, по мысли К. Маркса, является возможность самореализации субъектом своих сущностных сил: «призвание, назначение, задача всякого человека — всесторонне развивать все свои способности»[144].

Процесс самореализации индивидом своих сущностных сил при социализме является результатом развития им своих индивидуальных способностей в области производства и потребления в соответствии с достигнутым ими уровнем. Это происходит в силу того, что «только на этой ступени самодеятельность совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидов и устранению всякой стихийности»[145].

При социализме разделение труда в сфере производства в определенной мере еще ограничивает развитие способностей индивида к другим видам деятельности. О. Г. Дробницкий писал: «Производственные задания или служебные обязанности человека далеко не исчерпывают его творческих возможностей и богатства жизненных отправлений. Поэтому он не просто рабочий, инженер, администратор, ученый, а еще и личность — неисчерпаемый источник способностей, в том числе и пока что не используемых, нигде не зафиксированных»[146]. Производительное потребление в определенной мере способно вывести личность за пределы однонаправленного развития ее профессиональных способностей.

В условиях социалистического общества получили широкое распространение движение рационализаторства и изобретательства, многочисленные любительские увлечения, которые являются развитием творческих начал в культурной деятельности человека. Производительное потребление в этом случае является как бы предварительной подготовкой для возникновения творческой идеи, реализуемой впоследствии в процессе самостоятельного духовного производства.

---

144 Там же, т. 3, с. 282.

145 Там же, т. 3, с. 68.

146 Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. М., 1967, с. 247—248.

Характер производительного потребления обнаруживает себя как проявление общественной творческой активности, а именно «в активности масс — важный источник силы социалистического строя»[147], — говорится в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». Ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу. Вопрос о формировании активной жизненной позиции личности стал в последние годы предметом интенсивных исследований советских ученых[148].

Итак, производительное потребление подготовлено всем ходом духовного общественного развития человечества и впервые реализовано в практической деятельности народных масс в условиях зрелого социализма. Как выражение «идентичности» производства и потребления оно является результатом социальных преобразований в сфере материального воспроизводства. Развитой социализм дал возможность соединения объективных и субъективных предпосылок осуществления производительного потребления всей массой трудящихся.

Производительное потребление является выражением действия закона возвышения потребностей, специфичного для коммунистической формации и ее первой фазы — социализма. Оно имеет динамичный характер, реализуя развитие индивидуальных производительных сил субъекта, его способностей, содействуя формированию внутренней потребности в духовных ценностях.

Производительное потребление выступает условием формирования всесторонне развитой личности, одним из средств ее самореализации, развития ее творческих возможностей. Социализм является воплощением реального гуманизма, поскольку он «ставит своей целью расширение реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований для всестороннего развития личности»[149],

---

147 Коммунист, 1979, № 7, с. 12.

148 См.: Батурин Ф. А. Социальная активность трудящихся: сущность и управление. Новосибирск, 1984, 175 с.; Ганжин В. Т., Колясников И. Н. Активность жизненной позиции и система нравственных качеств личности. — Вест. МГУ. Серия философия, 1978, № 5, с. 58—67; Рубинский Л. И. Самовоспитание личности. М., 1984, 140 с. и др.

149 Конституция (Основной Закон) СССР. М., 1977, с. 10.

говорится в Конституции СССР. Социализм формирует новый тип личности всей системой общественного производства и потребления. Социальная программа этого развития глубоко отражена в ряде партийных документов.

Через участие в общественном воспроизводстве и происходит формирование активной жизненной позиции социалистической личности.

Глава V

ДУХОВНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО В СФЕРЕ ИСКУССТВА

В первобытном обществе и даже в ранних классовых обществах духовное производство являлось синкретическим, недифференцированным. Мифология, искусство, первые элементы научных знаний сливались в одно нерасчлененное целое. Постепенно происходит дифференциация отдельных видов духовного производства, которые приобретают окончательный самостоятельный статус уже в буржуазном обществе, хотя эта дифференциация вызревала постепенно в процессе развития производительных сил и в предшествующие капитализму эпохи.

В процессе общественно-исторического развития в структуре совокупного духовного производства выделились отдельные его виды: наука, философия, религия, мораль, искусство и т. д. Каждый из них обладает как общими чертами, присущими духовному производству в целом, так и рядом своих собственных, специфических свойств. Такое же единство общего и особенного характерно и для соответствующего производству процесса потребления, проявляющегося по-разному в каждой из этих сфер.

Цикл воспроизводства художественных ценностей находит воплощение в художественном производстве, распределении, обмене и потреблении. Диалектическая взаимосвязь производства и потребления и здесь проявляется как 1) *непосредственная* идентичность[1] художественного производства и потребления, которая отражается в виде производительного потребления ис-

---

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 27.

кусства и его «потребительного производства»; 2) опосредованная идентичность художественного производства и потребления выступает как их взаимозависимость, «каждое из них выступает как средство для другого, одно опосредуется другим»[2].

Производство создает предмет потребления не только объективно, но и субъективно: оно создает своего потребителя, создает субъект для предмета[3], воспринимающую его публику. Как производство отшлифовывает потребление, так и потребление отшлифовывает продукт производства[4]. В художественной практике это конкретно проявляется в многозначности распредмечивания художественной ценности;

3) взаимопереход в «свое-иное» в сфере художественного производства и потребления качественно преобразует одно в другое: «каждое из них, совершаясь, создает другое, создает себя как другое»[5]. В ходе этого процесса происходит «перестройка» внутреннего мира субъекта потребления, развитие его способностей, «производитель становится производителем» как «производящий и воспроизводящий себя самого индивид»[6].

Развитие художественного производства обусловлено всей системой общественного производства. Материалистическое понимание истории искусства объясняет его «идейные образования из материальной практики»[7]. Г. В. Плеханов приводит слова К. Бюхера, что на первой ступени своего развития «работа, музыка и поэзия были теснейшим образом связаны одна с другою»[8]. «Переработка предметного мира» (К. Маркс) и его отражение в искусстве первобытного общества носит отпечаток непосредственной связи человека с окружающей средой (например, растительный характер орнаментов у земледельческих племен, преобладание изображений животных у скотоводческих и охотничьих племен и т. д.). Невыделенность человека из мира природы, возможность существования только больших объединений людей (род, племя, община и т. д.), отсутствие

---

2 Там же, с. 29.
3 Там же, с. 28.
4 Там же, с. 28.
5 Там же, с. 29.
6 Там же, с. 30.
7 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 37.
8 Плеханов Г. В. Письма без адреса. М., 1956, с. 33.

развитых форм передачи социального опыта, обусловленное низким уровнем развития производительных сил, — все это явилось причиной непосредственной идентичности художественного производства и потребления как единственно возможной формы их связи на первых этапах развития искусства.

Любое проявление жизнедеятельности общества, включая и искусство, направлено преимущественно на сохранение его организации. Ритм, музыка, танец подчиняют усилия отдельных индивидов общей программе, организуют разрозненных людей в единые первобытные коллективы, для которых общая воля является определяющей[9]. Искусство здесь закрепляло эти общественные связи. Развитие общественных производительных сил, постепенное овладение миром природы обусловило определенную отстраненность субъекта потребления от «растворения» его индивидуального сознания в коллективном.

Эффективность такого воздействия на субъект с целью формирования у него определенной социальной установки использовалась религией (например, ритуальные танцы, мистерии), поскольку акт непосредственной идентичности художественного производства и потребления осуществлял идентификацию личности с неким образом (религиозного персонажа, бога), что влияло на ее повседневное поведение. Однако с ростом исторического самосознания личности, развитием ее индивидуальных качеств, способностью самостоятельно, непредвзято оперировать фактами и образами объективного мира слабеет и возможность вовлечения каждого субъекта в акт непосредственного художественного производства — потребления в массовом масштабе.

Продукты художественного производства представляют собой воплощение социального опыта человечества, предназначенного к воспроизводству (освоению, закреплению, развитию). По словам А. И. Герцена, «лишь только Греция развилась, она Софоклом, Праксителем, Зевксисом, Эврипидом, Эсхилом повторила образы, завещанные колыбельною песнью ее — «Илиадой»; потом Рим попытался воссоздать их по-своему, стоически, Сенекою; потом Франция напудрила их и надела башмаки с пряжками — Расином; потом пад-

---

[9] См: Бюхер К. Работа и ритм. М., 1923, с. 212.

шая Италия перечитала их черным Альфиери; потом Германия воссоздала своим Гете Ифигению и на ней увидела всю мощь его...»[10] Исторически менялись приемы обработки материала, способы передачи чувств и эмоций человека, но всегда оставалась неизменной главная сущность искусства — «мыслить в камне, гипсе, бронзе, в том материале, которому ...мысль должна придать форму»[11] (А. Бурдель).

Воплощенный в художественных ценностях социальный опыт человечества, пройдя этап распредмечивания субъектом потребления, способен определенным образом организовывать внутренний мир человека, влиять на систему ценностных ориентаций, на практическое поведение его в обществе. Вместе с тем способ распредмечивания художественных ценностей не есть нечто постоянное: он детерминирован всей общественно-исторической практикой. Так, в доисторических изобразительных искусствах (и даже несколько позже) преобладает горизонтальная симметрия, в основе которой лежит подражание животным и человеческим формам; дошедшие до нас музыкальные произведения древних народов обладают, с современной точки зрения, весьма ограниченным интонационным рядом; специальный анализ поэм Гомера показал, что в цветовом восприятии древних греков отсутствовали полутона и оттенки и т. д. С течением времени общественная практика в сфере искусства, по словам Ф. Энгельса, «достигла той высокой ступени совершенства, на которой она смогла, как бы силой волшебства, вызвать к жизни картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини»[12] и соответствующий ей уровень художественного потребления.

В системе художественного воспроизводства ведущая роль также принадлежит п р о и з в о д с т в у, которое через влияние на человека опосредованно влияет и на процесс потребления. В антагонистическом классовом обществе правящий класс является господствующей духовной силой, организуя в своих интересах все художественное производство и потребление. Среди многочисленных примеров этого — преследование церковью средневекового народного искусства в Западной

[10] А. И. Герцен об искусстве. М., 1954, с. 61.
[11] Мастера искусств об искусстве. М., 1969, т. 5, с. 349.
[12] М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 20, с. 488.

Европе, скоморошества на Руси, разгром английскими пуританами театра Шекспира и Бен-Джонсона, многовековая практика Ватикана подвергать «анафеме» прогрессивные художественные произведения[13] и т. д.

Господствующие в обществе мысли, учили К. Маркс и Ф. Энгельс, суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений[14]. В руках правящего класса сосредоточивались основные средства общественного производства и распределения, поэтому от древнейших времен до нашего времени дошло сравнительно немного художественных ценностей, созданных самим народом — трудящимися (басни Эзопа, древнейшие лесбосские трудовые песни, терракотовые статуэтки Древней Греции и т. д.) или демократически настроеннными представителями других классов. Правящий класс в своих интересах поощрял и поддерживал развитие «холопского искусства» (К. Маркс), призванного утвердить в массах господствующую идеологию. Основная движущая сила общественного производства — народ — долгое время был лишен основных средств художественного производства, довольствуясь менее долговечным материалом для творчества (глина, дерево, устные формы творчества и т. д.).

Потребление является мысленно представляемым предметом для производства. В художественной практике этот тезис К. Маркса реализуется уже в процессе формирования и осуществления замысла произведения. Автор представляет потребителя как некую «идеальную» человеческую среду, соотносимую с его восприятием жизни и социальных отношений. Так, говоря о процессе создания фильма «Твой современник», Л. А. Рыбак отмечает: «Наблюдая за работой Юлия Райзмана,... я неоднократно убеждался в том, что одной из существенных особенностей его режиссуры является сознательная, прямая, последовательная ориентация на зрительское восприятие. О Райзмане мало сказать, что он ставил такой фильм, какой хотел бы

---

[13] См.: Новиков А. И. Искусство как общественное явление. — В сб.: Искусство и общество. Л., 1978, с. 5; Семенов В. Е. Искусство созидающее, искусство разрушающее: Актуальные социально-психологические проблемы. Л., 1984, 127 с.; Гусев Ю. А. Положение художника в капиталистическом обществе. М., 1984, 63 с.

[14] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 45, 47.

увидеть в качестве зрителя. Он строил свою работу так, как если бы смотрел из зрительного зала на каждый воплощающий образ, на каждый эпизод будущей картины. В разговорах с оператором, художником, актерами, монтажером он часто прибегал к излюбленному выражению: «по чисто зрительскому «ощущению»[15]. Так «замыкается» цепь: «художественное производство — распределение — художественное потребление», что очень существенно для полноценного функционирования художественных ценностей в обществе.

Потребление «отшлифовывает» продукт. Характер постановки пьес в разные эпохи во многом зависит от воображения зрителей, от их способности дополнять фантазией то, что они видят в спектакле: например, театр Шекспира с его почти полным отсутствием декораций, опиравшийся исключительно на гибкую фантазию зрителя, и театр Корнеля и Расина с его рационалистическим требованием трех единств и правдоподобия[16]. Бывают целые эпохи, в которые люди не могут воспринять и понять то или иное художественное произведение. Нередко это происходит потому, что в некоторых вопросах сознание художника может опередить современные ему социальные отношения[17].

Влияние на созданное произведение публика оказывает не только непосредственно, но и опосредованно. Так, Р. Ингарден указывает, что нередко сам художник переделывает свою картину, ориентируясь на способность зрителя воспринимать язык живописи в соответствии с определенными социальными нормами. «И лишь спустя несколько веков при реставрации картины неожиданно открывали, что первоначально оригинал картины выглядел во многих отношениях иначе, и что лишь позже вследствие изменения вкусов и эстетических склонностей переделали детали картины, чтобы приспособить картину к требованиям новой современности. Аналогично обстояло дело и с некоторыми литературными произведениями, например с драмами Шекспира в Германии»[18].

---

[15] Рыбак Л. А. Ориентация на зрительское восприятие в процессе кинорежиссуры. — В сб.: Художественное восприятие. Л., 1971, сб. 1, с. 260.

[16] См.: Гвоздев А. Итоги и задачи научной истории театра. — В кн.: Задачи и методы изучения искусства. Пг., 1924, с. 95—96.

[17] См.: Маркс К., Энгельс Ф. т. 3, с. 73.

[18] Ингарден Р. Исследования по эстетике. М., 1962, с. 389.

В процессе художественного потребления субъектом воссоздается определенная модель общественных связей и отношений, с которой он соотносит свои ценностные ориентации и поступки. Однако влияние продуктов художественного производства на субъект потребления не является однозначным: оно всегда опосредовано реальными жизненными условиями, а также спецификой самого художественного потребления. Человек как субъект художественного воспроизводства представляет собой открытую социальную систему, вступающую во взаимодействие с другой системой, которой является искусство. Социальной сущностью продуктов художественного производства является опредмеченная в них конкретно-историческая ступень развития общества. Чем выше эта ступень, тем полнее воплощен в искусстве процесс овладения индивидом общественной сущностью предметов и явлений, тем многообразнее раскрытие в нем сущностных сил человека.

К. Маркс показал, что пробуждаясь к сознательной жизни внутри общества, индивид застает вокруг себя готовую «духовную среду», предметно-воплощенную духовную культуру. Последняя противостоит индивидуальному сознанию как особый предмет, который он должен освоить, считаясь с объективной природой этого предмета. Система форм общественного сознания с самого начала организует развивающееся сознание и волю индивида, формирует его по своему образу и подобию.

Для осуществления художественного потребления необходимо взаимодействие объектов потребления (художественных ценностей) с субъектом, который должен обладать определенными объективными (материальные средства, наличие свободного времени и т. д.) и субъективными возможностями[19] для осуществления потребления. Поскольку способ потребления социальных свойств и отношений, опредмеченных в художественной ценности, исторически обусловлен, постольку художественное произведение предстает в своем реальном бытии не раз и навсегда созданным, а как «нечто постоянно создающееся» (А. А. Потебня), что позволяет художественным ценностям жить и развиваться вместе

---

[19] О требованиях к потребителю искусства см.: Еремеев А. Ф. Происхождение искусства: Теоретические очерки. М., 1970, с. 167 — 168.

с обществом. Это качество художественного произведения обусловлено двумя основными моментами: во-первых, многозначностью самой художественной ценности, и, во-вторых, характером протекания процесса потребления, определяемого уровнями распредмечивания со стороны субъекта. Многозначность художественной ценности можно представить как а) многозначность ее структуры, б) многослойность заключенной в ней художественной информации. Такая многозначность в определенной мере присуща продуктам различных видов духовного производства. Однако в одних (например в науке) это всеобщее свойство практически сужается до однозначности (формула, закон и т. д.), допуская все же некоторые вариации (гипотеза); в других — предполагает возможность интерпретаций (религия, мораль). Искусство является единственным в своем роде видом духовного производства, все продукты которого обладают ярко выраженной многозначностью.

Объектом и субъектом искусства является человек. Усложнение его многообразных связей с окружающим миром, прогресс его художественного мышления последовательно отражались в продуктах художественного творчества. Многозначность, присущая этим продуктам, также усложнялась от более или менее однозначных рамок первобытного искусства до воплощения в сложнейших идейно-художественных структурах современных художественных ценностей. Таким образом, эта многозначность оказывается исторически детерминированной. Как субъект, так и объект художественного потребления являются «открытыми», динамическими системами. Рассмотрим, во-первых, многозначность о б ъ е к т а, представив его в статичном состоянии по отношению к субъекту потребления.

Структура художественной ценности предметно закреплена в сочетании слов, звуков, красок, движений и т. д., а также в их взаимодействии и предполагает их определенную композиционную подвижность. Это и создает возможность эффекта м н о г о з н а ч н о с т и. К внеструктурным средствам передачи художественной информации относятся такие элементы, как подтекст, контекст и т. д.

Целеполагающей функцией структуры художественной ценности является передача художественной инфор-

мации субъекту потребления. Предметом искусства выступает человек в своих многообразных общественных связях, что подразумевает отражение в произведениях искусства политических, нравственных, философских и т. д. идей и взглядов определенной эпохи. Спецификой художественной информации является возможность передачи любого проявления социальной жизнедеятельности человека и общества. Произведения искусства являются универсальным отражением общеинтересного в жизни людей. Художественная информация представляет собой не сумму, а некий синтез информации, которая преломляется через внутренний мир художника. Таким образом, художественная информация, будучи сама многослойным образованием, усложняется при эмоциональной обработке явлений действительности художником. В художественную информацию привносятся личностные моменты, отражающие субъективные особенности автора как представителя своей эпохи.

Художественная информация неотделима от внутренней структуры произведения. Внешняя «ясность» последнего подобна «простоте» солнечного луча, вобравшего сложность спектрального многоцветия. Так, В. Брюсов предостерегал от неглубокого восприятия всем «понятного» Пушкина, который «кажется понятным, как в кристально прозрачной воде кажется близким дно на безмерной глубине»[20]. Продукты художественного производства, существующие в виде «вещей», — книги, картины и т. д. — дают возможность их различной интерпретации. Так, Г. Козинцев приводит пример 80 толкований лишь одной фразы из «Гамлета» Шекспира[21]. Возможность существования художественной ценности в «деятельностной» форме еще более увеличивает ее многозначность как объекта потребления, поскольку к исходной художественной ценности добавляется вариативность ее воплощения в конечном продукте (исполнительские виды искусства)[22].

Рассмотрение многозначности художественного потребления необходимо дополнить анализом этого про-

---

[20] Брюсов В. Я. Избр. соч. В 2-х т. М., 1955, т. 2, с. 548.

[21] См.: Козинцев Г. Наш современник Вильям Шекспир. М.; Л., 1962, с. 263.

[22] См.: Коган Л. Н. Искусство и мы. М., 1970, с. 36—37; Храпченко М. Б. Художественное творчество, действительность, человек. М., 1982, 416 с.

цесса по отношению к субъекту потребления. В этом случае в качестве условно-статичного объекта выступает сама художественная ценность. Многозначность художественного потребления со стороны публики связана с различием уровней восприятия художественных произведений. В настоящее время в литературе делаются попытки разграничить объект эстетического восприятия (в том числе и художественного) и его предмет. Последний понимается как совокупная информация, поступающая от объекта восприятия, и из «кладовой» памяти субъекта и механизмов его психофизиологической сферы[23]. Таким образом, предметом восприятия становится художественная информация произведения, дополненная эмоциональным, интеллектуальным опытом человека, воспринимающего искусство. Вследствие этого один и тот же объект по-разному распредмечивается разными людьми. Более художественно воспитанная и образованная личность видит в художественной ценности то, что нередко ускользает от внимания других.

Способность к художественному потреблению является общественной по своей сути, она развивается и совершенствуется по мере развития социальной природы человека. Тезис К. Маркса «если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком»[24] предусматривает высокую степень развития субъективного момента в художественном потреблении. При восприятии произведений искусства, по словам Д. Дидро, «удовольствие возрастает пропорционально воображению, чувствительности и знаниям. Ни природа, ни искусство, ее копирующее, ничего не говорят человеку глупому или холодному и мало говорят человеку невежественному»[25]. Таким образом, постижение многозначности художественной ценности осуществляется в меру индивидуального духовного опыта субъекта потребления, опосредованного социальным развитием общества.

Художественное производство доставляет потреблению продукт, оно обусловливает способ потребления, создает у людей влечение к соответствующему виду

---

[23] См.: Вопросы истории и теории эстетики. Воронеж, 1975, с. 93.

[24] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 151.

[25] Дидро Д. Собр. соч.: В 10 т. М., 1946, т. 6, с. 269.

продуктов, «направленную на определенную цель потребность»[26]. Эта художественная потребность избирательно реализуется в процессе потребления, поскольку многозначность художественных ценностей и многоуровненность художественного восприятия субъекта предоставляет ему множество вариантов распредмечивания продуктов художественного производства.

Наиболее важными факторами, влияющими на избирательное восприятие в сфере потребления, по мнению Г. Карлсона, являются интерес к содержанию сообщения и сходство собственной установки по отношению к данному предмету и той, которая выражена в сообщении[27]. Так, например, сходство установок, характерных для определенной части буржуазной публики, с тенденциями, выраженными в творчестве Бальмонта, Северянина, Надсона и т. п., обусловило успех последних у соответствующих читателей, которые, по результатам проведенного в 10-е гг. в России опроса, поставили произведения Блока и Маяковского соответственно лишь на 9 и 12 места в современной им иерархии поэтов[28].

Направленность художественного потребления формируется общественными условиями. Так, Г. В. Плеханов указывает, что после Реставрации началось господство классических французских вкусов на английской сцене и в английской литературе. В соответствии с ними «Ромео и Джульетта» Шекспира считалась «плохой» пьесой, «Генрих VIII» объявлялся «наивным», а «Отелло» — «посредственным». Даже знаменитый актер Гаррик, большой поклонник Шекспира, старался «облагородить» Шекспира, и опускал, например, в «Гамлете» сцену с могильщиками как слишком «грубую»[29].

В процессе потребления многозначность художественной ценности соединяется с «многоуровненностью» восприятия субъекта, возникает как бы «многозначность в квадрате». По мнению В. Асмуса, чем сложнее образ, чем многообразнее раскрывается характер героев

---

[26] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 29.

[27] См.: Карлсон Г. Социальные модели. Исследование в области социологической теории. — В сб.: Математические методы в современной буржуазной социологии. М., 1966, с. 45.

[28] См.: Борев Ю. О роли критики в литературном процессе.— В сб.: Современная литературная критика. М., 1977, с. 202.

[29] См.: Плеханов Г. В. Указ. раб., с. 23.

в длинной серии их поступков и положений, тем неизбежнее и значительнее должны возникать вариации, осознания, понимания и оценки произведений искусства разными людьми[30]. Соответствие продукта художественного производства общественной потребности реализуется через практику «социального заказа», что отражает момент «обратной связи» между производством и потреблением. Принцип «обратной связи», по мнению Ю. А. Филипьева, позволяет проникнуть в основу творческого процесса в искусстве, в результате чего этот процесс предстает и в своей динамике, и в направленности, и в смысловом воздействии на другие связанные с ним процессы[31].

Многофункциональность художественных ценностей как объектов художественного потребления, их способность служить средством идеологического, морального, религиозного и т. д. влияния на общественную и индивидуальную психологию обусловило специфику «социального заказа» в разные исторические эпохи. Модель «социального заказа» в художественном воспроизводстве осуществляется следующим образом: производство создает свои продукты в соответствии с определенной общественной потребностью. В процессе художественного потребления возникает реакция на ту или иную художественную ценность в виде приятия (или неприятия) ее вследствие адекватности (или неадекватности) заключенного в ней содержания потребностям общества. Эта реакция воплощается в отзывах публики, в мнении художественной критики, популярности или отсутствии спроса на соответствующую продукцию, принятии соответствующими органами мер по расширению (или прекращению) ее дальнейшего производства, по его материальной поддержке или прекращению субсидирования и т. д., словом, в организации воздействия на художников и на средства художественного производства.

Общественно-экономические преобразования жизни в Советской стране отменили буржуазный (и церковный) диктат над художественным производством и потреблением, препятствовавший развитию прогрессивного искусства. В соответствии с «социальным заказом»

---

30 См.: Асмус В. Указ. ст., с. 36.

31 См.: Филипьев Ю. А. Творчество и кибернетика. М., 1964, с. 24.

рабоче-крестьянской власти искусство должно было «давать его деятелям правильную и детальную, согретую чувством, образную ориентировку в окружающем, которую не может дать ни статистическая справка, ни публицистическое освещение, ни научный трактат»[32].

В послереволюционные годы «социальный заказ» по отношению к художественному производству диктовался прежде всего постановлениями партийных съездов и конференций, декретами, распоряжениями Народного комиссариата просвещения, отражавшими интересы рабочего класса, осуществлялся государством с целью создания оптимальных условий для производства и потребления новых и «старых» художественных ценностей, соответствующих интересам социалистического строя[33]. Ведущую роль художественного производства по отношению к потреблению подчеркивал В. И. Ленин применительно к творчеству Д. Бедного[34]. Реальные потребности общества находят свое воплощение в продуктах художественного производства, как правило, через определенный временной интервал (больший или меньший в зависимости от темпа общественного развития), необходимый для осознания художником перемен в общественной психологии; пройдя этап опредмечивания в той или иной материальной форме, продукты производства начинают оказывать влияние на сознание публики.

Особенностью художественного потребления является некая «отсроченность» воздействия на общественное и индивидуальное сознание. Духовная сущность объекта потребления длительное время «перерабатывается» субъектом.

Продукты художественного производства представляют собой направляющий фактор возможности организации духовного мира человека, в то время как объективные и субъективные условия его реальной жизнедеятельности могут способствовать или тормозить действительную реализацию поведенческих импульсов. По мнению Л. С. Выготского, потребление ху-

---

[32] Луначарский А. В. Собр. соч. В 8 т. М., 1967, т. 8, с. 314.

[33] См.: Изволина С. А. Художник в революционном мире. М., 1981, 94 с.

[34] См.: Горький М. Из очерка «В. И. Ленин» — В сб.: В. И. Ленин о культуре и искусстве. М., 1956, с. 518.

дожественных ценностей — это организация поведения на будущее, «установка вперед», требование, которое, может быть, никогда не будет осуществлено. Между восприятием искусства и произведенным им воздействием на личность всегда лежит более или менее продолжительный промежуток времени[35].

Свойство произведений искусства служить организацией «поведения на будущее» вытекает из специфики художественной информации быть отражением многообразных общественных связей человека, художественно переосмысленных автором с определенной целью, поскольку «в основе своей искусство есть борьба за или против, равнодушного искусства — нет и не может быть, ибо человек — не фотографический аппарат, он не «фиксирует» действительности, а или утверждает, или изменяет ее, разрушает»[36].

Эффективность потребления философских, политических, нравственных и т. д. идей, «вплетенных» в произведение искусства, заключается в том, что художественная ценность апеллирует ко всему опыту человека, который находит множество «точек соприкосновения» между собственным опытом и тем, что содержится в произведении. Вследствие этого субъект воспринимает цель, воплощенную художником, как свою собственную, постигая ее не только разумом, но и через многообразные чувства и переживания.

Искусство выступает своеобразным средством познания общественных отношений, оно чутко улавливает изменения в экономической и политической жизни общества, в психологии масс. Хорошо известна оценка Ф. Энгельсом творчества Бальзака, к ней можно было бы добавить и отзыв К. Маркса об английских реалистах XIX в., которые «раскрыли миру больше политических и социальных истин, чем это сделали политики, публицисты и моралисты, вместе взятые»[37].

Художественные ценности в процессе потребления воздействуют, по мнению А. Натева, одновременно и непосредственно, и непринужденно[38]. Эффективность потребления в сфере искусства заставляла и другие ви-

---

[35] См.: Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1965, с. 331—332.

[36] Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1953, т. 27, с. 444—445.

[37] К. Маркс и Ф. Энгельс об искустве. М., 1957, т. 1, с. 529.

[38] См.: Натев А. Искусство и общество. М., 1966, с. 192.

ды духовного производства часто прибегать к его помощи. В художественной форме излагались педагогические трактаты (Коменский, Макаренко и др.), романизированные нравоучения (Руссо, Дидро, Вольтер).

В результате распредмечивания художественных ценностей субъектом происходит «...осознание *ближайшей* чувственно воспринимаемой среды и осознание ... связи с другими лицами и вещами...»[39]. В художественном потреблении реализуется единство отражательного (абстрактно-логического и эмоционального) и волевого аспектов художественной ценности, где отражательный момент является предпосылкой для практического, волевого действия человека, поскольку, по словам Ленина, «без человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины»[40].

Постижение объективной реальности является задачей и другого вида духовного производства — науки, которая, как и искусство, генетически произошла из того же источника — трудовой деятельности людей. Искусство, наука и соответствующие им виды художественного и научного потребления развивались в процессе практического овладения силами природы и общества и отражали в своем развитии два способа познания мира. Однако наука в своих развитых формах появилась позже искусства. Как писал В. Г. Белинский, истина открылась человечеству впервые в искусстве, которое есть «истина в созерцании», то есть не в отвлеченной мысли, а в образе. Теоретическое и художественное познание мира уравниваются только в античную эпоху[41]. «Поиски истины» в искусстве так же необходимы человечеству, как и поиски ее в науке. «Сопереживая с актерами, зритель как бы сам живет: отчаивается, восторгается, негодует, хохочет — получает искусственный, но правдоподобный опыт: он научился эмоционально, а это не менее дорого, а может быть, и более, чем умственно»,[42] — пишет драматург В. Розов.

Говоря о художественном потреблении, мы выделяем этим установку субъекта потребления на восприятие

---

[39] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 29.
[40] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 112.
[41] См.: Смольянинов И. Ф. Наука и искусство — две формы познания. — В сб.: Искусство и общество. Л., 1978, с. 88.
[42] Розов В. Процесс созидания. — Вопр. литературы, 1968, № 8, с. 95.

именно художественной стороны объекта, поскольку далеко не каждое потребление произведений искусства является художественным. Оно может быть религиозным, утилитарным, научным (например, интерес к деталям быта, костюма, архитектуры; выявление химического состава красок картины; определение времени постройки и т. д.).

При художественном потреблении распредмечиваются именно социальные свойства и отношения, заключенные в объекте. Выделение в художественном произведении лишь одного аспекта восприятия (например, познавательного) представляет собой явно неполное раскрытие заложенной в нем художественной информации. Художественное потребление целостно по своей природе и соответствует всесторонности человеческого отношения к окружающему миру. Хотя деятельность восприятия «имеет в качестве своего продукта субъективный образ предмета, т. е. продукт идеальный, она все же является подлинно предметной деятельностью, подчиняющейся своему предмету, как воплотившему в себе целокупность человеческой общественной практики»[43].

Художественное потребление подлинных ценностей духовно обогащает субъекта, заставляет его деятельно пережить социальное богатство человеческой культуры. Этому способствует «производительное потребление» произведений искусства. Диалектическая взаимосвязь производства и потребления осуществляется посредством «производительного потребления». В области художественного воспроизводства эта связь наиболее наглядно реализуется через один из моментов идентичности производства и потребления — их взаимопереход в «свое-иное»[44]. В результате идентичности производства и потребления субъект потребления воспроизводится так же, как «свое-иное», и с этими новыми качествами вступает в процесс дальнейшего развития художественного производства. «Личность не может развиваться в рамках потребления, ее развитие необходимо предполагает смещение потребностей на созидание, которое одно не знает границ»[45],— пишет А. Н. Леонтьев. Сози-

---

[43] Леонтьев А. Н. Карл Маркс и психологическая наука. — Вопр. психологии, 1968, № 5, с. 10.

[44] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 29.

[45] Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975, с. 226.

дательный характер производительному потреблению художественных ценностей придает активность творческого освоения человеком произведений искусства. Творческий акт художника, воплотивший его социальный, эмоциональный, жизненный опыт, как бы «застывший» в предмете, «разворачивается» в сжатом виде перед субъектом потребления. Иногда целая жизнь художника уходит на то, чтобы добыть и зафиксировать крупицу знания о мире. Но зато воспринимающий за свою жизнь может усвоить то, что добыто усилиями многих поколений художников[46]. Особенностью производительного потребления художественных ценностей является сосуществование двух родов ценностей: «исходных», т. е. вовлеченных в этот процесс, и «конечных», созданных вследствие процесса производительного потребления. Производительное потребление ценностей других видов духовного производства (например, морали, науки, политики) выступает, как правило, высшим этапом производства и потребления по отношению к продуктам предшествующих эпох: устаревают открытые ранее научные истины, прежние моральные нормы приходят в несоответствие с новыми потребностями, политические и идеологические доктрины с течением времени приобретают лишь исторический интерес и т. д.

Как результат взаимодействия объекта и субъекта потребления, производительное потребление имеет своим продуктом изменение качественного состояния субъекта, доводит «способность, развитую в первом акте производства, до степени мастерства», благодаря чему «производитель становится производителем»[47] своих способностей к потреблению художественных ценностей. «До степени мастерства» могут развиться соответствующие способности зрителя, слушателя, читателя, все более адекватно отражая в своем сознании замысел автора. «Видимое и слышимое нами всегда содержит в себе элементы, уже виденные и слышанные прежде. В силу этого, во время всякого нового видения и слышания к продуктам последнего присоединяются воспроизводимые из склада памяти сходственные элементы...»[48],— писал

---

[46] См.: Марков М. Искусство как процесс. М., 1970, с. 21; Селиванов В. В. Социальная природа художественного мышления. Л., 1982, 143 с; Ермаш Л. Г. Искусство как мышление. М., 1982, 277 с.

[47] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 30.

[48] Сеченов И. М. Избр. произв. М., 1952, т. 1, с. 325.

И. М. Сеченов. В процессе производительного потребления «свое», заключенное в индивидуальном духовном и практическом опыте человека, становится «иным» — видоизменяется, обогащается привносимым смыслом воспринятого художественного произведения. Происходит как бы «оживление» сущностных сил человека, которые были воплощены в продукте духовного производства и теперь овеществлены посредством акта «производительного потребления».

Художественная ценность в процессе производительного потребления становится «предметом для деятельного субъекта», поскольку от активности субъекта, от его социального развития зависит новое воспроизводство творческого процесса, распредмечивание свойств объекта. Процесс производительного потребления в сфере искусства следует подразделить на производительное потребление ценностей самими художниками и производительное потребление со стороны публики. Это обусловлено, во-первых, различием объектов потребления; во-вторых, установкой на потребление (профессиональной или общехудожественной); в-третьих, результатом данного процесса (новая художественная ценность в сфере художественного производства или «производство» личности).

Две формы существования художественной ценности («вещественная» и «деятельностная») предопределяют различия в способе их потребления. Продукты художественного производства, предметно воплощенные в виде книг, картин, скульптур и т. д., в процессе их потребления субъектом вступают в прямой акт коммуникации. При потреблении художественной ценности, существующей неразрывно с актом деятельности, между объектом потребления и субъектом находится еще и исполнитель (актер, музыкант, певец и т. д.), выступающий, с одной стороны, как субъект производства, с другой стороны, как объект «самопотребления» [49].

Для интерпретатора исполняемое произведение — исходный момент его деятельности, конечным продуктом которой является художественная ценность второго порядка, воплотившая творческий замысел как автора,

---

[49] См.: Гильбурд Г. И. Исполнительское искусство — сфера проявления художественной идеи. Томск, 1984, 198 с.; Гуренко Е. Г. Проблемы художественной интерпретации: Философский анализ. Новосибирск, 1982, 256 с.

так и самого исполнителя. По словам Гегеля, «...артист сам творит во время выступления, восполняет недостающее, углубляет более поверхностное, одушевляет менее одухотворенное...»[50]. Перед субъектом потребления исходная духовная ценность (партитура, либретто, сценарий и т. д.) и деятельность исполнителя по ее воссозданию предстают как нерасчленимая художественная ценность, в данном случае «...сам акт производства, во всех моментах, есть также и акт потребления»[51]. Производство «деятельностной» формы художественной ценности есть акт «самопотребления» со стороны исполнителя, потребление его интеллектуального, эмоционально-эстетического и профессионального опыта, и одновременно диалектическое «производство» его самого как личности, что является отражением непосредственной идентичности художественного производства и потребления. По свидетельству К. Лаврова, «актер создает образ своего героя из собственных «ресурсов». Но бывает..., роль оказывается значительнее тех возможностей, которыми располагает артист. И тогда происходит любопытная вещь. Я должен «вырастить» в себе нечто, позволяющее мне сыграть роль. Другими словами, не только актер творит роль, но и она формирует его как личность»[52].

Производительное потребление, осуществляемое художниками по отношению к произведениям искусства предшествующих эпох, имеет целью дать впоследствии, в художественном производстве, современность личностных ощущений, воплощенных в акте творчества. По словам А. И. Герцена, «полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное; глубже опускаясь в смысл былого — раскрываем смысл будущего; глядя назад — шагаем вперед»[53].

Продуктом производительного потребления является новая художественная ценность, созданная субъектом, способным к ее духовно-практическому воплощению. «Многие люди,— писал А. Швейцер,— переживают, слышат и видят все, что окружает их, как художники. Но только немногие из них обладают способностью воспро-

---

[50] Гегель. Собр. соч.: В 30 т. М., 1958, т. XIV, с. 154.
[51] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 26.
[52] Яснец Э. «Укрощение огня»: Наш современник — покоритель космоса. — Культура и жизнь, 1973, № 1, с. 14.
[53] Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954, т. 3, с. 24.

изводить все видимое и слышимое на языке цвета, звука или слова»[54]. «Свое» видение мира художником, соединяясь с воспринятым опытом в акте производительного потребления, становится «иным» (как в генетическом, так и в содержательном плане), опредмечиваясь затем в акте производства.

Новая художественная ценность, возникшая в результате производительного потребления художника, не обязательно имеет предметную форму. Ее интериорная форма — новый взгляд на мир, новая постановка вопроса, новое освещение конфликта и т. д. Каждое поколение художников, основываясь на многозначности художественной ценности, создает свою, современную интерпретацию классических произведений, и каждая из них, не нарушая структуру исходной художественной ценности, отражает функцию проблем своего времени. Вновь созданная художественная ценность начинает свое объективно независимое существование как продукт следующего этапа производства, реализуя на практике тезис об идентичности художественного производства и потребления.

Конечной целью художника, создающего художественную ценность в результате производительного потребления, является не книга, кинофильм или картина, а люди, которым он передает свои знания, опыт, свое отношение к жизни. По словам Л. В. Мочалова, «благодаря искусству человеческая индивидуальность «для себя» становится индивидуальностью «для всех». Тем самым человек духовно преодолевает свою изолированность, свою конечность и приобщается к коллективу»[55].

Динамичность производительного потребления художественных ценностей (со стороны объекта) обусловлена их свойством быть «открытой системой», целостное единство которой воссоздается заново в каждом акте индивидуального потребления. Смысл работы автора состоит в том, чтобы сделать воспринимающего соучастником своего творческого процесса[56]. Сами авторы художественных произведений и их критики неоднократно отмечали определенную «недоговоренность» художественных ценностей, как бы намеренно созданную для ак-

---

54 Швейцер А. Иоган Себастьян Бах. М., 1965, с. 329.

55 Мочалов Л. Неповторимость таланта. Л.; М., 1966, с. 6.

56 См.: Михалков С. Басня и ее сестра — сказка. — Вопр. литературы, 1973, № 4, с. 209.

тивного вовлечения субъекта потребления в акт сотворчества[57] в процессе производительного потребления.

Всеобщность элементов художественной деятельности образует социальную сущность искусства и делает творчество общечеловеческой способностью и потребностью. В своей опосредованной идентичности с потреблением художественное производство создает предмет потребления и в его субъективной форме. «Предмет искусства,— замечает К. Маркс,— то же самое происходит со всяким другим продуктом — создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой. Производство создает поэтому не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета»[58]. Говоря о внутренней структуре художественной культуры, М. С. Каган указывает, что преобразовательная деятельность человека внедряется в художественную культуру в форме художественного производства, а коммуникативная деятельность входит в художественную культуру в виде потребления произведений искусства публикой[59]. Искусство и публика — это лишь различные уровни, ступени единого целого — художественной деятельности общества, которая у художников протекает наиболее интенсивно, ярко. Это проявление человеческой сущности, которая делает искусство видом общественных отношений, специфическим орудием преобразования действительности[60]. Как продукт художественного производства предмет искусства «получает свое последнее завершение только в потреблении»[61].

Динамический стереотип художественного восприятия с его устойчивым строем ассоциаций, средств художественного выражения, набором сюжетных линий и т. д. представляет собой обычно весьма устойчивое образование. Для каждой исторической формы художественного производства характерна своя система художественных условностей (например, законы контраста, особенности ритма, композиции, перспективы), что

[57] См.: Антонов С. Я читаю рассказ. М., 1973, с. 97; Ингарден Р. Указ. раб., с. 262; Мейлах Б. С. На рубеже науки и искусства. Л., 1971, с. 94; Чехов А. П. Полн. собр. соч. М., 1949, т. XIV, с. 208 и др.

[58] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 28.

[59] См.: Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974, с. 217.

[60] См.: Рябов В. Ф. Указ. раб., с. 101.

[61] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 27.

представляет собой оптимально удобную для восприятия людей данной эпохи форму подачи художественной информации, определенную норму. Любое значительное отклонение от нее (семантическое, интонационное, ритмическое, цветовое и т. д.) первоначально воспринимается субъектом потребления как «непонятность»[62]. По замечанию Тынянова, «бессмыслица» Ломоносова вызывала пародии Сумарокова. Имеется немало пародий и на Жуковского, где поэт осмеивался как «бессмысленный». Поэты, даже частично менявшие семантические системы, обычно объявлялись бессмысленными», а потом становились «понятными», потому что читатели осваивались с их семантической системой[63]. Первоначально «непонятные» художественные произведения, отражающие определенную передовую общественную (и художественную в том числе) тенденцию, постепенно из единичных явлений становятся массовыми, расширяется их влияние на сферу потребления, вследствие чего процесс формирования соответствующей публики протекает более интенсивно[64].

«Непонятность» произведений формалистического искусства имеет иную природу — отсутствие художественно переработанного социального опыта человечества. Намеренно усложненная форма этих произведений маскирует бедность или отсутствие художественной информации. В произведениях искусства поиски новых форм ведутся для воплощения нового содержания. Формализм же самоцелен, поиски новых форм ведутся здесь ради самих форм и не связаны с содержанием[65].

Вступая в процесс «общения» с духовной ценностью, каждый человек, по словам В. Асмуса, должен с а м, самостоятельно, пройти в собственном сознании по пути, предусмотренном программой восприятия объекта. Только в процессе его самостоятельного творческого

---

62 Об аспектах процесса «понимания» см.: Крутоус В. Художественная мотивировка и эстетическое восприятие. — В сб.: Эстетика и жизнь. М., 1973, вып. 2, с. 93.

63 См.: Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Статьи. М., 1965; с. 293—294.

64 См.: Стернин Г. Ю. Русская художественная культура второй половины XIX в. — начала XX в. М., 1984, 296 с; Художественный язык средневековья. М., 1982, 272 с.

65 См.: Семенова Т. В. Экспрессионизм и современное искусство авангарда. М., 1983, 64 с.; Ликова Р. Проблемы на европейския символизъм. София, 1984, 574 с.

труда субъект сможет более или менее адекватно понять заложенный в объекте смысл, оценить его достоинства, приобщиться через него к социальному опыту человечества[66]. Трудность «понимания» новаторских духовных ценностей относительна.

Массовое поведение в сфере духовного потребления, общественное восприятие тех или иных ценностей идут через «перерыв постепенности» к адекватности отражения субъектом социальной информации, заключенной в объекте, чему и способствует производительное потребление. Чтобы духовное потребление было действительно производительным, необходимо систематическое взаимодействие субъекта с объектом, что не только поддерживает потребление на соответствующем уровне, но и ведет его к более высокому уровню освоения творений культуры.

В области духовного производства определенная степень мастерства субъекта деятельности определяется понятием «талант». Соответствующая этому уровню способность в сфере духовного потребления подразумевается в понятиях: «талантливый зритель, слушатель» и т. п. Здесь речь идет об особом аспекте производительного потребления — «сотворчестве» субъекта потребления.

Специфика духовных ценностей предполагает, что заключенная в них информация представляет собой «открытую систему», требующую определенной «достройки» со стороны субъекта, активизации его мыслей, чувств, жизненного опыта. Производительное потребление можно рассматривать как отправной момент процесса с о т в о р ч е с т в а. В основе этого процесса нередко находится эффект «уподобления», который обусловлен, по мнению А. Ф. Еремеева, тем, что при этом происходит не внешний прием информации, заключенной в духовной ценности, а осмысление ее как своего собственного опыта. Происходит как бы «приращение» информации, поскольку к передаваемому объему добавляется духовное богатство, опыт, развитость интеллекта человека. А. Ф. Еремеев считает, что эффект уподобления характеризуется также «всеохватностью», так как проникает на все уровни человеческой жизне-

---

66 См.: А с м у с В. Указ. ст., с. 42, 44.

деятельности, универсально передается воспринимающему[67].

Процесс сотворчества, сопутствующий производительному потреблению, основывается на двух свойствах духовной ценности: ее многозначности и свойстве быть «открытой системой», требующей «достройки» со стороны субъекта. Социальная информация, заключенная в структуре объекта потребления, дает основной толчок и указывает путь воображению субъекта в процессе сотворчества. Так, в процессе работы над фильмами и через наблюдение за реакцией зрителей, С. Эйзенштейн пришел к выводу, что каждая деталь фильма должна, по его мнению, подаваться так, «чтобы зритель ее заметил, но «недоформулировал»[68]. Содержание, смысл, таящийся в духовной ценности, раскрывается субъекту не произвольно, а по ориентирам, намеченным автором.

Процесс активного сотворчества в искусстве дает возможность субъекту расширить и углубить восприятие мира, раскрыть эмоциональное содержание жизни, приобщиться к опыту многих поколений, поскольку каждый автор, по словам М. Горького, есть «чувствилище своей страны, своего класса, ухо, око и сердце его; он — голос своей эпохи»[69]. Продукты художественного производства в процессе производительного потребления вызывают соответствующие чувства и переживания субъекта, что непосредственно связывается с его усиленной ассоциативной деятельностью[70].

При производительном потреблении посредством процесса уподобления художественное восприятие публики проходит стадии осмысления и оценки, что представляет собой способ наиболее полного усвоения художественной информации. При непроизводительном потреблении не происходит актуализации механизмов эмоциональной памяти. Это характерно для потребления зрелища, основными функциями которого являются компенсационная и коммуникативная в отличие от основной функции «высокого» искусства — социально-организующей.

---

67 См.: Еремеев А. Ф. Указ. раб., с. 191—192.

68 Эйзенштейн С. Избр. произв. В 6 т. М., 1966, т. 4, с. 303.

69 М. Горький о литературе. М., 1955, с. 330.

70 См. напр.: Социалистическая культура и художественная активность масс. Киев, 1984, 334 с.

6. Заказ 5430.

В процессе потребления зрелища субъект отстраняется от побочных ассоциаций, зрелище требует сосредоточения «на нем самом», без воспоминаний, прошлых эмоциональных переживаний, переосмысления жизненного опыта субъекта[71]. В этом и заключается основное различие между потреблением зрелища и производительным потреблением подлинного искусства. В отдельных случаях (например, «комедия масок» в Италии) некоторые виды искусства близки по внешней форме зрелищу, но никогда не сводятся к нему. Потребление зрелища замкнуто на «самое себя», производительное же потребление искусства имеет выход как на развитие субъекта, так и на развитие производства художественных ценностей. На различие между ними и первостепенную важность искусства указывал В. И. Ленин в беседе с К. Цеткин: «Что касается зрелищ, — пусть их! — не возражаю. Но пусть при этом не забывают, что наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелищ... Они получили право на настоящее великое искусство»[72].

Процесс потребления таких видов искусства, как театральное, музыкальное, хореографическое и т. д. осуществляется, как правило, в массовой аудитории и представляет собой коллективный способ потребления по форме, индивидуальный по содержанию. Это массовое потребление отличается по характеру от индивидуального, поскольку субъекты в первом случае взаимодействуют друг с другом в процессе потребления. При этом повышается восприимчивость каждого индивида в отдельности, и продукт художественного производства оказывает гораздо больший эффект, отличающийся динамичностью и интенсивностью эмоциональных реакций людей. Так, театр заставляет «биться в унисон сразу тысячи человеческих сердец» (К. Станиславский). Однако при этом единстве психического воздействия искусства, отличающегося «заражением» субъекта эмоциональным состоянием всей аудитории, его восприятие художественной ценности сугубо индивидуально. В процессе производительного потребления искусства созда-

---

[71] См.: Натев А. Искусство и общество. М., 1966, с. 200; Дмитриевский В. Н. Указ. раб., с. 8—9; Зоркая Н. М. Зрелищные формы художественной культуры. М., 1981, 47 с.

[72] Цеткин К. Из книги «О Ленине». — В сб.: В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1976, с. 659—660.

ется особая атмосфера, к которой приобщается человек. Ценным становится не готовый результат, а поиск его, последовательное самостоятельное выведение «формул» жизни.

Особенностью производительного потребления в сфере искусства является то, что оно развивает не профессиональную (как, например, в науке), а всестороннюю, универсальную человеческую способность. По мнению Г. Н. Волкова, эта способность, будучи развитой, реализуется в любой сфере человечеекой деятельности — и в политике, и в быту, и в непосредственном труде. Современное искусство как бы «специально» развивает и организует сферу чувственного восприятия человеком окружающего мира[73].

Целью социалистического общества является удовлетворение многообразных духовных потребностей людей. Через развитие личных способностей, индивидуальных производительных сил в сфере духовного воспроизводства осуществляется прогресс всего общественного воспроизводства. Поэтому общество заинтересовано в том, чтобы каждый человек в максимальной степени проявлял свои способности, творческое начало и вдохновение.

---

[73] См.: Волков Г. Н. Указ. раб., с. 313.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема анализа духовного воспроизводства широка и многогранна. Один из многих возможных аспектов ее исследования, предпринятый в нашей книге, естественно, не может в полной мере охватить всего многообразия связанных с ней вопросов. Основные выводы и положения предпринятого нами исследования, как нам представляется, могут служить отправным моментом при дальнейшей разработке проблем духовного воспроизводства.

Социализм как первая фаза коммунизма в определенной мере уже создает не только условия для развития способностей людей, но и реальную возможность их использования в интересах общества и самого человека. Произведя коренные социальные преобразования в сфере материального и духовного воспроизводства, он обусловил возможность соединения объективных и субъективных предпосылок осуществления производительного потребления всей массой трудящихся.

Производительное потребление служит формированию всесторонне развитой личности, одним из средств ее самореализации, содействует активизации внутренней потребности в духовных ценностях и их активному освоению. Философско-социологический аспект рассмотрения проблемы духовного воспроизводства позволяет соотнести процессы духовного производства и потребления с реальной жизнедеятельностью общества, а обращение к различным точкам зрения на проблему духовного воспроизводства (гносеологической, социально-психологической, семиотической и т. д.) дает возможность

многостороннего раскрытия этого феномена в рамках поставленных в книге задач.

Вместе с тем ряд проблем, касающихся духовного воспроизводства, лишь поставлены в этой работе; они должны стать предметом дальнейшего самостоятельного исследования. К их числу относится, во-первых, проблема так называемого «статусного» потребления, наиболее ярко проявляющегося в практике «социального символизма» в условиях классово-антагонистического общества.

Во-вторых, дальнейшей разработки требует, на наш взгляд, проблема особенностей потребления духовных ценностей массовой аудиторией. Здесь особенно важна роль качества духовных ценностей, поскольку одновременно зрителями, слушателями и читателями становятся миллионы людей. «Массовое потребление одинаковой духовной продукции,— замечает Ю. Борев,— если ее качество низкое, способно вызывать шаблоны и штампы в общественном сознании»[1].

В-третьих, в нашей книге была предпринята попытка рассмотреть специфику духовного воспроизводства в сфере искусства и отчасти — в сфере науки. Своеобразие воспроизводства духовных ценностей морали, права, политики и других видов духовного производства нуждается в дальнейшей разработке, поскольку по отношению к духовному воспроизводству и составляющим его моментам «мы находимся лишь в преддверии исследования одной из важнейших проблем исторического материализма»[2]. Духовное воспроизводство как процесс является специфическим элементом системы управления социальной жизнедеятельностью общества. Разработка его проблем в условиях зрелого социализма дает возможность поставить под контроль «условия свободного развития и движения индивидов, условия, которые до сих пор предоставлялись власти случая и противостояли отдельным индивидам»[3].

Теоретическая разработка проблем духовного воспроизводства служит задачам совершенствования управления духовной жизнью нашего общества, поскольку, по мнению В. И. Ленина, следует «видеть в теории

---

[1] Борев Ю. Б. Эстетика. М., 1975, с. 383.

[2] Толстых В. И. Духовное производство как проблема исторического материализма. — Вопр. филос., 1978, № 2, с. 43.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 76.

прежде всего и больше всего *руководство к действию*»[4]. Пристальное внимание партии к вопросам воспитательной и идеологической работы среди трудящихся, к организации всей духовной жизни советского общества нашло отражение в важнейших партийных документах последнего времени. Курс на всемерную интенсификацию общественного производства, огромная работа партии по укреплению социалистической дисциплины, организованности и порядка зависит в конечном счете от успехов в коммунистическом воспитании, в деле формирования нового человека.

В социальном воспроизводстве новых поколений заключается подлинное бессмертие нашего дела — строительства коммунистического общества. Темпы социального и научно-технического прогресса в нашем обществе зависят от того, насколько новые, вступающие в жизнь поколения воспримут духовные ценности, накопленные их отцами и дедами, их трудовые, боевые и революционные традиции, марксистское мировоззрение и политическую культуру. Вот почему анализ теоретических основ духовного воспроизводства имеет ныне актуальнейшее значение для всей общественно-политической, идейно-воспитательной деятельности Коммунистической партии.

---

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 44.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Лев Наумович КОГАН
Ирина Борисовна СЕСЮНИНА

ДУХОВНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ИБ 1797

Редактор **Н. М. Шпагина**
Художественный редактор **Р. М. Вазиев**
Технический редактор **Р. А. Прошенкина**
Корректоры **К. Г. Шилько, В. Г. Лихачева**

Сдано в набор 3.10.85 г. Подписано в печать 9.12.86 г.
КЗ06343. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская №3.
Печать высокая. Печ. л. 5,25. Усл. печ. л. 9,45 Уч.-изд. л. 9,5.
Тираж 1000 экз. Заказ 5430. Цена 1р. 50 к.

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4.
Типография изд-ва «Красное Знамя», 634050, ГСП, пр. Фрунзе, 103.

ОБЛЕМЫ

г.
№3.
л. 9,5.

нзе, 103.

1 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТОМСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА